

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(153)**

МОСКВА 2024

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2024. № 3 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,

экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2024

Содержание

В (Не)ожидании (Не)возврата (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор	13
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Глобальное мировоззрение как подмена реальных ценностей	18
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Экономическая наука: смысл и ее особенности как социального знания о воспроизводстве общества в РФ	26
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.М. Кульков</i>	
Сопоставление политэкономических подходов в теоретическом анализе экономики	47
<i>М.Л. Альпидовская, В.А. Райлян</i>	
Современные аспекты социально-экономического неравенства в России	58
<i>В.Е. Гаврилова</i>	
Денежные суррогаты как инструмент иллюзорной социальной эмансипации в XXI в.	82
<i>П.Г. Власкин</i>	
Обзор подходов к концепции вековой стагнации	93
<i>М.В. Базаева</i>	
Применение механизмов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения в развитых и развивающихся странах	105
<i>Д.Е. Данилов</i>	
Наследие программно-целевого подхода стратегического планирования и балансовых расчетов в осуществлении климатической политики российской экономики на современном этапе	120
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
От онтологии бытия к иллюзивной материи	135
<i>Д.Г. Егоров</i>	
Религия и социализм	144

<i>А.В. Марков, О.А. Штайн (Братина)</i> Алконосты борьбы, или Философия детского хозяйства: экономическая социология игрушки Н.М. Церетелли	160
--	-----

Раздел IV. Актуальная социология

<i>Г.С. Широкалова, П.И. Кузонков</i> Состояние системы здравоохранения как следствие деградации социальной инфраструктуры малых городов России	173
<i>Л.И. Ростовцева, В.П. Щербакова</i> Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт?	195
<i>С.С. Мерзляков</i> Исследование социокультурных характеристик российских IT-специалистов: задачи и перспективные направления	210
<i>А.И. Афонин, М.А. Шолотонов</i> Коррупция и ее проявления в современной России	216

Раздел V. Право и общество

<i>К.В. Молчанов</i> Некоторые вопросы понимания, правового регулирования и развития того, что в России называют «искусственный интеллект»	229
---	-----

Научная жизнь

<i>Ю.М. Осипов</i> Вызов времени (о монографической книге И.Р. Бугаяна)	249
<i>Е.С. Зотова</i> Дискуссия о мировоззрении как решающем хозяйственном факторе	251
<i>Н.Н. Ростова</i> Антропология как судьба современной философии	262
<i>Т.С. Сухина</i> Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России	272
<i>Е.С. Зотова</i> Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии (к 25-летию журнала «Философия хозяйства»)	281

Анонсы — 2024	292
Наши авторы	295

Contents

(Not) Waiting for (Non)-Return (*Chief Editor*)7

Part I. Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Worldview as a Decisive Factor13

A.V. Kuznetsov

Global Worldview as a Substitute for Real Values18

S.G. Kovalev

Economic Science: Meaning and its Features as Social Knowledge
about The Reproduction and Genesis of Society
and the Russian Federation26

Part II. Economic Theory

V.M. Kulkov

Comparison of Politeconomic Approaches
in the Theoretical Analysis of the Economy47

M.L. Alpidovskaya, V.A. Raylyan

Modern Aspects of Socio-Economic Inequality in Russia.....58

V.E. Gavrilova

Money Surrogates as a Tool of Illusory Social Emancipation
in the 21st Century.....82

P.G. Vlaskin

Review of Approaches to the Concept of Secular Stagnation.....93

M.V. Bazaeva

Application of Public-Private Partnership Mechanisms
in Healthcare in Developed and Developing Countries105

D.E. Danilov

The Legacy of the Program-Targeted Approach to Strategic
Planning and Balance Sheet Calculations in the Implementation
of Climate Policy in the Russian Economy at the Present Stage120

Part III. Actual Philosophy

F.I. Girenok

From the Ontology of Being to Illusory Matter135

D.G. Egorov

Religion and Socialism144

A.V. Markov, O.A. Shtayn

Alcions of Struggle, or the Philosophy of the Child Economy:
The Economic Sociology of Toys by Nikolai Tseretelli160

Part IV. Actual Sociology

G.S. Shirokalova, P.I. Kukonkov

The State of the Health Care System as a Result of the Degradation
of the Social Infrastructure of Small Towns in Russia..... 173

L.I. Rostovtseva, V.P. Shcherbakova

Relationships between Generations in the Family: Conflict or Contact?.. 195

S.S. Merzlyakov

Research of Sociocultural Characteristics of Russian IT Experts:

Tasks and Promising Areas.....210

A.I. Afonin, M.A. Sholotonov

Corruption and its Manifestations in Modern Russia.....216

Part V. Law and Society

K.V. Molchanov

Some Issues of Understanding, Legal Regulation, and Development
of What is Called «Artificial Intelligence» in Russia..... 229

Scientific Life

Yu.M. Osipov

Call of the Time (on I.R. Bugayan's Monographic Book)..... 249

E.S. Zotova

Discussion about the Worldview as a Decisive Economic Factor 251

N.N. Rostova

Anthropology as the Fate of Modern Philosophy262

T.S. Sukhina.

Humanitarian Potential the changing Society of Russia272

E.S. Zotova

Philosophy of Economy and Economic Thought:

Unity in the Diversity (on the 25th Anniversary
of the Journal «Philosophy of Economy»).....281

Anounce — 2024293

Our Authors298

В (Не)ожидании (Не)возврата

Чего? Нет, не гуманитарной науки, которой по сути-то никогда и не было, а была тщательно скрываемая под дырявым покровительством научности гуманитарная метафизика, если, конечно, говорить не о пресловутой фактографии, якобы достоверной, а всего лишь о смысловедении вкупе с экспликативностью, где господствуют неопределенность, неизвестность, трансцендентность, а попросту тайна.

Даже в так называемых точных науках, вкупе относящихся к физическим, хватает метафизики, усердно прикрываемой достоверной-де физикой, а что говорить о гуманитарном знании, где как раз все, или почти все, или уж очень многое восходит по смысло-экспликативной линии к не более чем возможному, вероятному, кажущемуся, отчего тут более всего не наука с ее доказательностью, а всего лишь недоказуемое до конца некое представление, пусть и вполне добросовестное, легко переходящее иной раз и во вполне недобросовестное, подмостковое.

Да, есть наука физика, в которой и впрямь много достоверного, доказуемого, опытно проверяемого и практикой подтверждаемого, как и есть в сей науке ее акторы — физики, каждый со своим вкладом в единую, пусть местами и дискуссионную, науку, в ее знамиевый оплот. Однако есть и философия, которую уже ни оплотом, ни остовом, ни даже скелетом какого-либо определенно накопленного в виде целостной науки знания не назовешь. Как область знания философия есть, а вот единой философии как целостного знания, при которой был бы сонм его акторов, нет, но зато есть сонм философов со своими собственными философиями, каждая из которых насколько одобряема и принимаема коллегами, настолько ими оспариваема и отвергаема.

Вообще философия, она же и метафизика, наличествует там, где заведомо и до конца неясно, кстати, что частично имеет место и в физике, сопряженной таки против своего желания с неопределенной метафизикой.

А что же дорогая сердцам экономистов экономия, конечно, в смысло-эксplikативной части прежде всего, хотя немало и в прикладной точке? Она, что, тоже физика или же все-таки метафизика? Тут нужно непременно отделить технологическое ремесло, вроде бухучета, статистики или финансовых манипуляций, от собственно претендующего на науку смысло-эксplikативного знания об экономике, что принято называть теоретической экономией, экономической теорией или уже изрядно набившей оскомину бессмертной политической экономией, то бишь отделить прикладное знание-умение от теоретического... э-э... незнания, ибо ни предмет этого знания-размышления никому не ясен, ни само знание вполне не определено как знание: наука ли это, идеология ли, сказка ли, отчего экономия в смысло-эксplikативном ракурсе попросту повисает в воздухе, там же ловко и переобуваясь, как некое... н и ч т о, этакий «мистер X (Икс)» с наукообразной маской вместо достоверного лица, не более того!

Вот твердят всюду: «Экономика, экономика, экономика!», а что это — экономика — такое, а-а? Или: «Экономия, экономия, экономия!», а это-то что и о чем оно, а-а?

Нет ответов, нет и... не будет!

Вернемся к нашему «(Не)ожиданию (Не)возврата» в попытке раскрыть скрывающуюся за этим вполне нелепым выражением кое-какую все-таки лепость.

Итак, чего ожидания и чего возврата, ежели никак уж не воззренческой экономической науки в любой ее ипостаси, включая и какую-нибудь вновь придуманную вслед за эконометрикой, экономической кибернетикой и экономиксом очередную научно-де ипостась или новую башку для многоголового змия-искусителя вроде той же новомодной «цифровой экономики», как будто цифра никогда не была счетно-расчетным материалом того, что экономическая наука подразумевает под экономикой (деньги, цены, капиталы, кредиты и т. п. вещи-вести). Это что, не цифры ли это, что разве числовой счет-расчет не арифметика, не трансцендентная ли в сути своей некая социальная сама-себе-математика, не поддающаяся, кстати,

какому-то осознанному не то дублированию, не то предуведомлению, не то угадыванию?

Так чего же и чего? А как раз того, что всегда скрывалось под покровом официальной экономической науки в любой ее ипостаси, а именно: сомнение, вопрошание, рассуждение, блуждание, поиск, может, не слишком и осознанный, но все-таки поиск какой-то иной истины, явно закрытой политико-академическим амбициозом, то бишь поиск адекватного представления об экономике с учетом того факта, что не все, что виделось и видится сквозь кривую гносеологическую псевдонаучную призму, и идеократически называлось и называется экономикой, было и есть собственно экономика, а также того факта, что многое, в социальной реальности важное для жизнеотправления человека, вообще никакой экономикой не было и не есть, как и никакой из амбициозных экономий не рассматривалось и не рассматривается.

В конце концов где-то в ментально-гуманитарных глубинах всегда было и ныне есть стремление разобраться в реальности, ответив на вопрос «Что было и есть на самом деле экономика?», как и на вопрос «А что же есть еще в социальном жизнеотправлении человека, кроме так и не определившейся экономики, не просто на сию экономику влияющего, а и существующего вне этой экономики и никак не цеплявшегося и на зацепившегося до сих пор любой научно-де экономией?».

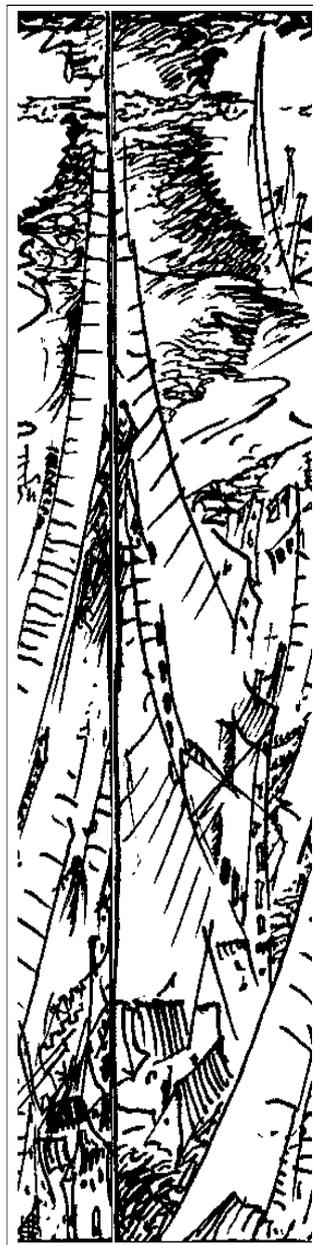
А ведь из обозначенного выше глубинного воззренческо-дискуссионного хаоса рождалось и до сих пор рождается не что иное, как... *философия хозяйства*, но не в ней сейчас дело: дело-то как раз в самом этом хаосе, да не просто воззренческо-дискуссионном, а и созидательном, рождающем что-то новое, но непременно адекватное реальности, жизни, бытию, что полно в смысле-экспликативном плане не физики, не науки, а метанауки и метафизики, к чему как раз и обращена по преимуществу, заметим скороговоркой, философия хозяйства, но опять же не в ней сейчас дело, а в утраченной атмосфере гуманитарного творчества, которая вдруг по мановению волшебной властно-административной палочки (скорее, дубинки) взяла, да и испарилась, отправившись невидимым

облачком в сторону небытия, аккурат вместе с высокой гуманитарностью вообще. Что ж, вульгарность одолела высоту, прикрывшись неуместной в гуманитарности, вульгарной же по сути математикой (и такая есть!).

А теперь лишь остается это самое «(Не)ожидание» с этим самым «(Не)возвратом». Неуверенное ожидание не слишком-то возможного возврата! Однако все-таки ожидание, хоть и не надежда, и ожидание все-таки возврата, пусть лишь за счет возрождения чего-то в миру еще чудом сохранившегося, ибо оттуда — из небытия — не очень-то возвращаются.

Что-то да будет, непременно будет, да вот что?!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор*

Аннотация. Рассматривается мировоззрение как решающий хозяйственный фактор. Таким образом проблема ставится впервые в мировой ученой и исследовательской практике, что делает работу чрезвычайно актуальной.

Ключевые слова: мировоззрение, хозяйство, философия хозяйства, гуманитарная мысль, социология, политология, история, теоретическая экономика.

Abstract. The article considers the worldview as a decisive economic factor. This problem statement is for the first time in world scientific and ideocratic practice which makes the work extremely relevant.

Keywords: worldview, economy, philosophy of economy, humanitarian thought, sociology, political science, history, theoretical economy.

УДК 330; 111
ББК 65в

Глупо отрицать наличие хозяйственной реальности как некой объективной данности относительно любого субъективного познания, но еще глупее считать, что хозяйственная реальность где-то вне субъективного сознания: оба они — хозяйственная объективная реальность и хозяйственное субъективное сознание — в единении, как и оба оказывают друг на друга хозяйственное же воздействие.

Хозяйственный субъект творит хозяйственную реальность, ну а реальность в свою очередь творит хозяйственного субъекта!

Что тут первично, а что вторично, можно разбираться бесконечно, погрузившись в нечто схожее с выяснением первичности

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 13—77. DOI: 10.5281/zenodo.11235056.

курицы или яйца, но нет хозяйственной реальности без и вне осознанной хозяйственной головы, как и нет хозяйственной головы без хозяйственной реальности. Все хозяйство зиждется в голове (головах), и вне головы (голов) хозяйства просто нет но это, однако, не значит, что хозяйство есть что-то исключительно субъектно-субъективное, нет, как целостный, хоть и головной феномен, оно является и самим-себе-хозяйством, то бишь реализующимся, пусть в головах и через головы, и как довлеющий на сии головы вполне себе объективный феномен. Не легко все это размыслительное безобразии уяснить, а надо!

Не трудно догадаться, откуда вдруг взялась эта замысловатая тема: одно дело текущие субъектные хозяйственные намерения, планы, акции, деяния, и т.п. вещи, совсем же другое — как-то целостно осмысленные, можно сказать, что и концептуально, заходы на хозяйство со стороны хозяйствующих субъектов, как раз те самые заходы, которые, отражая, с одной стороны, качество хозяйствующего субъектного сознания, его характер, даже и так, а с другой — восприятие и понимание этим субъектом реализующейся с его участием хозяйственной данности, те самые заходы, которые представляют собой нечто, что можно было бы назвать активным целе-смысло-полаганием субъекта в отношении практикующего хозяйство, его качества, тела, хода, динамики, тенденций, как и решаемых хозяйством согласно намерениям субъекта задач.

Так или иначе, речь идет о мировоззрении субъекта и влиянии этого мировоззрения на него и на хозяйство в целом, во всех возможных аспектах такого влияния: архитектурном (конструктивном, деструктивном, реструктивном); динамическом (ускорения или замедления); «самочувственном» (стабильности, процветания, упадка, кризиса, распада, гибели); «маньерическом» (реформенном, революционном, оккупационном, имперском, колониальном, либеральном, диктатном, этатическом); собственническом (частной, кооперативной, общественной, государственной форм собственности); эксплуатационном (насильственной, принудительной, наемной, эксплуатации труда, как и наличие свободного труда вне эксплуатации человека человеком); ну и, аки вишенка на торте, идейно-эксplikативно-публицистическом (с разговорами о Каине и Авеле, первобытности, цивилизованности, рабовладельчестве, фео-

дализме, ремесленничестве, капитализме, социализме, коммунизме, этатизме, дирижизме, технократизме, глобализме и т.п. хозяйственных вестях включая и теократизм).

Хозяйственное мировоззрение — некая, вольно или не очень, а то и вовсе не вольно, а вполне себе принудительно складывающаяся в головах хозяйствующих подвижная, идеальная матрица, в которой всегда есть место всякому началу, а в конкретных матрицах обычно значится и что-то наиболее предпочтительное их — этих матриц — носителям, а потому и задающее им тот или иной конкретный, знаковый характер. Будучи само хозяйственным продуктом (через осознание себя) хозяйственное мировоззрение оказывается при этом и главным субъектно-идеальным фактором всей хозяйственной жизни, ведомой приверженном ей хозяйствующим субъектом.

В обычной, более или менее стабильной и плавно текущей, к тому же еще и мирной, жизни хозяйственная мировоззренческая матрица реализуется как бы само собой, вполне себе функционально, акционно, действительно, почти что и незаметно в ее истинном мировоззренческом срезе. Иное дело — время потрясений, кризисов, войн, восстаний, разрывов в хозяйстве, упадков, взлетов, реформ, революций, в общем, тех или иных социо-хозяйственных потрясений и пертурбаций, то бишь время больших перемен. Тогда-то на передний план и выходит мировоззренческий аспект со всем своим набором возможных на тот момент мировоззрений с их калейдоскопическим, матричным заполнением.

Из хаотической борьбы мировоззрений и составляющих каждое из них элементов-нитей-сетей, причем борьбы мало того, что идейно-концептуальной, пусть и не особенно осознаваемой таковой, но и борьбы самой что ни есть физической, войновской, кровавой, смертоносной, и выходит из сей борьбы в конце концов некое новое в хаосмосных типах устройство хозяйства, как и система им управляемая, что позволяет обрести хозяйству, пусть и на время, стабильность с возможностью более или менее устойчивого развития.

Философия хозяйства всегда имела место в истории, будучи неглысным, нелегитимным и даже потаенным, а попросту — неосознаваемым, идеально-концептуальным выразителем хозяйственного мировоззрения и кое-какого его воплощения в реальной хозяй-

ственной практике, а вот в качестве частной, легализованной, самоопределившийся вести она заявила о себе уже в эпоху индустриально-экономического, вполне уже и оцивилизованного, хозяйства, оттого, во-первых, хозяйственное мировоззрение и философия хозяйства если не одно и то же, то явно нечто между собой тесно переплетенное, а во-вторых, кому или чему, как не философии хозяйства, ставить вопрос о хозяйственном мировоззрении и его роли в хозяйственной жизни человека.

Но это не все: философия хозяйства не проходит мимо и самой что ни на есть хозяйственной практики, правда, заходя на нее не так с функциональной, акционной, деятельной стороны, как со стороны (не трудно догадаться) концептуальной, как раз мировоззренческой, задаваясь вроде бы нехитрыми вопросами, да на которые, однако, нет простых ответов, например, такими вопросами, как: какое же оно ныне, в реалиях действующее хозяйство, хоть миро-планетарное, хоть миро-региональное, хоть миро-национальное, хоть то же миро-российское, с его — любого из хозяйств — суть-содержательной, целеполагательной, хомо-социальной и той же призрачно-футуральной стороны, какому мировоззрению оно следует, причем более само ведется или более его ведут, куда тогда оно идет или куда его ведут, чего достигает, а чего нет, кому, что и зачем в хозяйстве и от него надо, кто главный выгодополучатель и какой, кроме безудержного частного присвоения материального богатства выходит из всего этого гешефт, включая факт набирающей обороты деградации и угрозу самоуничтожения человечества?

Нас, конечно, волнует прежде всего Россия, российское хозяйство, российский люд, российское будущее. О-о, сколько тут острых будет вопросов! А ведь идем-то во многом вслепую, по наитию, по обстоятельствам, реактивно! То туда, то сюда, то «по-ихнему», то вдруг вроде бы по-своему, хоть и менее всего по-нашему. Что говорить: белое тут на месте отечественного хозяйственного мировоззрения пятно, если не черная дыра, в которой исчезают наши философско-хозяйственные потуги, а ведь совсем-то оно — действенное мировоззрение — не отсутствует, оно, конечно, есть, более всего, правда, аки призрак, ибо молчание вокруг о сем предмете — прямо-таки пушкинское безмолвие, не народа, конечно, как у Пушкина, а власти и интеллект-элиты, той самой — официоз-

ной. Наверное, вовсе не случайно оно — это безмолвие — а ведь потребно-то как раз молвие, да кто ж его вдруг спозаранок выдаст?!

Что ж, безмолвствующее мировоззрение — тоже мировоззрение, может и потребное текущим странным временем, даже и по-своему эффективное, однако, куда деваться? От мировидения и мироведения не уйти, как и от хозяйственного мировоззрения. Хошь, не хошь, а есть в мире и в России есть она — негласная, чуть ли по-неволле не конспиративная — борьба хозмировоззрений, нет, вовсе не пресловутых либерально-рыночного, а по сути капитал-экономического и планово-социалистического, а по сути этатодирективного — это все уже в прошлом, да и то более уже в мифологической одежке. Теперь все иначе: это борьба между желаемыми глобальной и псевдонациональной элитами — соответственно, централизованными (заокеанским, анлосаксонским), глобофинансовым и локализованным (псевдороссийским)... э-э... тоже финансовым, а ежели быть точнее, то уже глобо-техно-дигитальным (цифровым) и локализованным... э-э... тоже техно-дигитальным (цифровым) мировоззрениями.

Да, это всего лишь межполюсная мировоззренческая борьба, идущая в рамках общего, глобального мировоззрения — никаких коренных, качественных различий между полюсами, кроме властно-функционально-присвоительных, здесь нет. Однако в России как-то само собой нарастает и качественно иное мировоззрение, как бы третье — национально-соборно-российское, предполагающее сочетание частного хозяйствования с общественно-государственным в различных — приемлемых в интересах России (российской нации) — формах. И это мировоззрение, которое разделяю и я, пробивает себе дорогу, ибо *la realite oblige*, — и ничего тут не поделать, хотя вопрос тут далеко еще не решен, а будет ли решен, кто же это наверняка знает?

Вот такая тут выходит картина без ясной-то картины, разве лишь в ее призрачном образе, зато процесс есть, а потому и есть о чем подумать, что обсудить, чему подивиться!

А.В. КУЗНЕЦОВ

**Глобальное мировоззрение как подмена
реальных ценностей***

Аннотация. Мировоззрение современного глобализированного социума адаптируется к универсальным ценностям англосаксонского глобализма посредством приобщения к использованию все более сложных технических устройств и изощренных финансовых и информационных технологий. Цель статьи — систематизировать каналы формирования и распространения глобального мировоззрения, основанного на подмене реальных жизненных ценностей искусственными виртуальными суррогатами. Показано участие институтов власти, корпоративной и поп-культуры, языковой, образовательной и правовой среды в размывании нравственных, творческих и хозяйственных начал жизнеотправления. Выдвинуто предположение, как минимизировать собственное участие в создании и мультипликации фиктивных ценностей западной технократической парадигмы.

Ключевые слова: мировоззрение, человек, природа, фиктивные ценности, англосаксонский глобализм, философия хозяйства.

Abstract. The worldview of a modern globalized society is adapting to the universal values of Anglo-Saxon globalism through the introduction to the use of increasingly complex technical devices and sophisticated financial and information technologies. The purpose of the article is to systematize the channels for the formation and dissemination of a global worldview based on the replacement of real life values with artificial virtual surrogates. The participation of institutions of power, corporate and pop culture, linguistic, educational and legal environment in the erosion of the moral, creative and economic principles of life is shown. It has been suggested how to minimize one's own participation in the creation and multiplication of fictitious values of the Western technocratic paradigm.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Глобальное мировоззрение как подмена реальных ценностей // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 18—26. DOI: 10.5281/zenodo.11235102.

Keywords: worldview, man, nature, fictitious values, Anglo-Saxon globalism, economic philosophy.

УДК 330.88
ББК 65в, 65.5

Введение

На ограниченном пространстве земного шара издавна существовали две непреходящие реальные ценности, являющиеся плодом божественного творения: человек как мера всех вещей и природа как естественная среда обитания человека. Однако несколько столетий назад пытливый человеческий ум обратился к изобретательству, в результате которого появились машины, изолировавшие человека от непосредственного взаимодействия с природой. После промышленной революции ценность и богатство общества стали определяться уровнем развития техники и технологий. Разделение стран на «бедные» и «богатые» с точки зрения технологического превосходства сегодня транслируется и вживляется в сознание подрастающего поколения со студенческой скамьи посредством всего комплекса гуманитарных наук. Больше всего в создании «богатства» преуспели англосаксонские страны, которые первыми стали на путь преобразования социальной структуры общества посредством машин, повсеместно подменяя реальные ценности искусственными суррогатами. Именно англосаксы сделали доллар мерой всех вещей, а природу — объектом нещадной эксплуатации, изгнав человека из естественной среды обитания в виртуальное пространство интернета.

Рассмотрим основные каналы, по которым в современном мире в рамках формирования глобального англосаксонского мировоззрения происходит подмена реальных ценностей фиктивными.

Либерализм. В фундаментальном англосаксонском философском и общественно-политическом течении — либерализме — провозглашение неограниченных прав и свобод человека рассматривается как основополагающий императив. Однако на практике человек повсеместно вытесняется из реального жизненного пространства в результате последовательной приватизации естественной среды обитания: лесов, полей, водоемов, прибрежной полосы.

Вынужденное массовое переселение людей в мегаполисы ведет к росту цен на недвижимость и жилье. Вследствие последовательной коммерциализации реальное жизненное пространство постоянно сужается и становится все менее доступным. По сути, имеет место новая эпоха «огораживания». Естественная среда обитания человека заменяется виртуальным жизненным пространством в интернете. В современном представлении либералов реализация «неограниченных» прав и свобод человека предполагается исключительно через возможности Всемирной паутины.

Представительное правление. Узурпирование свободы человека осуществляется посредством институтов власти, которые легализуют установившийся порядок вещей. Характерно, что современная республиканская форма правления стала основой развития большинства суверенных государств мира. Одновременно в Великобритании по не вполне обозначенным соображениям сохраняется конституционная монархия, на законных основаниях обладающая всей полнотой законодательной, судебной, исполнительной, религиозной, военной и прочей власти. Британская модель государственного управления не имеет аналогов в других странах, сохранивших монархическое устройство. Таким образом, в Соединенном Королевстве поддерживается традиция недемократической структуры власти, восходящая к первичным формам абсолютизма.

Корпоративная культура ведения бизнеса. Корпоративная организация хозяйственных процессов — давняя англосаксонская традиция, подчиняющая производительную деятельность общества исключительно коммерческим интересам [4, 45]. Человек, занятый в современной англосаксонской фирме, не обладает хозяйственной и коммерческой автономией, поскольку созданный им продукт навсегда становится собственностью корпорации. К примеру, тысячи наиболее талантливых и высокоинтеллектуальных индивидов работают на такие самые капитализированные в мире компании, как Apple, Google, Amazon. Однако вся создаваемая ими продукция реализуется на рынке исключительно под корпоративным брендом. Пожалуй, единственными продуктами, на обложках которых до сих пор фигурируют имена их авторов, остаются книги. Между тем по мере совершенствования таких технологий искусственного интел-

лекта, как ChatGPT, и этот «человеческий след» вскоре может исчезнуть.

Английский язык. Глагольная структура современного английского языка имеет немецкую основу. Первоначально английский язык сформировался как производная от четырех германских диалектов, бывших в употреблении варварских племен англосаксов, ютов и данов [7, 12]. Представители этих народов были приглашены в качестве наемников для того, чтобы сохранить порядок на романизированных Британских островах, которые после ухода римлян подверглись набегам нецивилизованных шотландских пиктов и ирландских скоттов. Впоследствии англичане очистили «свой» язык от личных окончаний и склонений, все еще присутствующих в современном немецком языке, придав ему упрощенную обезличенную командную форму, идеально подходящую для программирования. Именно при помощи компьютерных программ, написанных на английском языке, людей во всех уголках мира «привязали» к мониторам электронных гаджетов, поставив в едва преодолимую зависимость от машин.

Система образования (Болонский процесс). Подготовка подрастающего поколения к встраиванию в глобальную мировоззренческую матрицу фиктивных ценностей происходит непосредственно через систему современного образования путем его всеобщего оцифровывания и ассоциирования индивида с человеческим капиталом, что в контексте теории полезности уравнивает «социальный» статус человека с обезличенными машинами, которые только и отличаются друг от друга ценой и заводской маркировкой.

Англо-американское корпоративное право. В англосаксонской системе хозяйствования верховное право голоса остается за тем, кто обладает наибольшей финансовой властью. Так, созданные в форме акционерных обществ институты глобального экономического управления МВФ и Всемирный банк хотя и состоят из 190 суверенных государств, но практически всегда выражают волю США, которым в обеих организациях принадлежит блокирующий пакет голосов. Точно так же во время глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. право на «вторую жизнь» получили корпорации, создавшие самые большие долги перед обществом в форме разнообразных финансовых инструментов. Однако именно они по-

лучили индульгенцию американского правительства в виде спасительных беспроцентных кредитов Федеральной резервной системы, в то время как наказание понесли миллионы доверчивых вкладчиков, лишившихся своих домов и прочих реальных ценностей, служивших залогом для создания фиктивных ценностей в виде финансовых инструментов, а также налогоплательщиков, за счет которых списывались долги корпораций.

Английская форма землевладения. Согласно английскому общему праву, вся земля во всех странах, признающих английского сюзерена главой государства, принадлежит британскому монарху. Речь идет об общей территории размером 27 млн км², включая Австралийскую и Британскую части Антарктики [5; 6]. Подданные «Его (Ее) Величества» лишь формально владеют землей на правах долгосрочных арендаторов (до 999 лет), но фактическим юридическим собственником земли остается британский монарх. С точки зрения английского права, частная собственность на землю является одной из самых больших иллюзий, поддержание которой позволяет осуществлять управление глобальным социумом.

Англо-американская финансовая система. На этапе становления глобального финансового капитала управление механизированным производственным процессом перешло под контроль финансистов, которые отныне управляют ценами продукции, производимой при помощи машин [1]. Современный уровень производительных сил общества настолько велик, что проблема бедности и голода во всем мире давно могла бы быть разрешена без особого перераспределения благ — исключительно за счет существующих производственных мощностей. Вместо этого готовая продукция просто выбрасывается на помойку даже не будучи распакованной. Например, в Великобритании 40% всех произведенных продуктов оказывается в мусорном баке в неиспользованном виде [2, 173]. Подобная ситуация наблюдается в других индустриальных странах. Искусственное разделение стран на развитые и развивающиеся необходимо для обоснования парадигмы устойчивого экономического роста и, как следствие, оправдания постоянного повышения цен.

Частная система пенсионного обеспечения. Даже выходя на пенсию, человек продолжает поддерживать систему создания

фиктивных ценностей. В частности, в США в 1978 г. был издан закон, согласно которому индивидуальные пенсионные накопления было разрешено переводить в частные пенсионные фонды (в этом случае они не облагаются налогами) с целью их последующего инвестирования в фиктивные ценности — инструменты фондового рынка. Сегодня сбережения 9 из 10 американских пенсионеров подключены к финансированию инвестиционной деятельности частных пенсионных фондов [3].

Финансовые инновации. Воспроизводству фиктивных ценностей в значительной мере способствуют финансовые инженеры, благодаря изобретательности которых на рынке появляются все новые и новые финансовые продукты. Спрос на такие финансовые инновации предъявляют не только зрелые, искушенные инвесторы. В первую очередь, новые финансовые продукты призваны возбудить интерес со стороны молодого поколения, открытого для все новых и новых впечатлений и ищущего возможности быстрых заработков в виртуальном пространстве интернета. При этом сама финансовая система чрезвычайно консервативна. Так, на протяжении 80 лет ее центральным элементом остается доллар США — основной «материальный» носитель фиктивных ценностей.

Культ бытового комфорта западного образца. При помощи корпоративной рекламы массовому потребителю навязываются императивы постоянного улучшения качества жизни в виде владения недвижимостью, престижными транспортными и коммуникационными средствами, инвестиционным портфелем, непременно связанными с развитием технологических инноваций и служащих залогом сытой и безопасной жизни. Одновременно подчеркивается важность постоянной работы над повышением индивидуального социального статуса, выражаемого через владение персональными домами, автомобилями, яхтами, гаджетами, сайтами, рейтингами публичной активности (количеством «лайков» под видеороликами).

Культ индивидуализма и корыстолюбия. При этом основным стимулятором приобщения к вышеозначенным фиктивным ценностям выступает получение индивидуальной выгоды через участие в различных дисконтных, кредитных и рекламных компаниях в процессе производства, продвижения и потребления плодов вещественной цивилизации.

Распространение западной поп-культуры преимущественно среди молодежи. Для того чтобы подрастающее поколение навсегда утратило способность отличать реальные ценности от фиктивных, посредством всевозможных медийных ретрансляторов — голливудского кинематографа, музыкальной поп-культуры и компьютерных игр, — в виртуальном мире насаждаются образы антигероев, для которых якобы не писаны правила общественного поведения, которые добывают блага красивой жизни, совершая безнаказанные преступления. Эти образы создают устойчивый диссонанс с реальным положением вещей, где, как уже отмечалось, совершение злонамеренных действий позволительно только тем, кто находится наверху социальной иерархии. Привлекательность виртуального жизненного пространства, в котором получение «благ» не требует какого-либо серьезного напряжения, кроме усилия следить за монитором гаджета, подавляет волю к борьбе за достижение успеха в естественной среде обитания, исключая абсолютное большинства от возможности приобщения к реальным ценностям мироздания.

Насаждение толерантного отношения к нетрадиционным половым отношениям. Разрушение института семьи через культивирование однополых браков и искусственного оплодотворения — одно из самых выраженных проявлений подмены реальных ценностей фиктивными.

Командные виды спорта. Спортивные тотализаторы фактически низвели профессиональный спорт к одной из форм финансовых инноваций, когда соревнующиеся на стадионах команды уподобляются беговым лошадям на ипподроме, на победу которых делаются денежные ставки. Таким образом, массовый спорт утрачивает связь с физической культурой, становясь источником мультипликации фиктивных ценностей.

Список каналов, по которым сегодня осуществляется подмена реальных ценностей бытия фиктивными ценностями виртуального быта, можно было бы продолжить, но встает вопрос об альтернативах. Попытка создания бесклассового и безденежного советского общества провалилась. Сами люди оказались не готовы к всеобщему равенству, развитию личности, культивированию высокой морали в виде тотального государственного контроля с наложением все-

возможных запретов и ограничений — в первую очередь, в сфере потребления.

Остается надеется, что ход событий предложит человечеству какой-то выход из глобального мировоззренческого тупика. Казалось бы, опять все упирается в определение принципов хозяйствования. Однако и здесь выбор невелик: либо примат рынка над государством, либо наоборот. Есть еще третий путь — государственно-частное партнерство. Однако и эта альтернатива, как показывает современная практика, не разрешает накопившихся мировоззренческих проблем. Главный выбор все равно остается за человеком. И этот выбор внесистемный, касающийся вариантов трактовки индивидом понятия «свобода»: или как потребительского рабства, или как осознанного самоограничения. В последнем случае есть надежда на то, что творческое, созидательное начало возьмет вверх над иждивенческим, разрушительным.

Литература

1. *Веблен Т.Б.* Инженеры и ценовая система. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2018.
2. *Кузнецов А.В.* Тайная власть Британской короны. Англо-баллизация. М.: Книжный мир, 2016.
3. 401(k) vs. Pension Plan: What's the Difference? Investopedia. March 09, 2024: URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/100314/whats-difference-between-401k-and-pension-plan.asp> (дата обращения: 26.03.2024).
4. *Abelshauser W.* Kulturkampf. Der deutsche Weg in die Neue Wirtschaft und die amerikanische Herausforderung. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003.
5. *Cahill K.* Who Owns Britain? The Hidden Facts Behind Landownership in the UK and Ireland. Edinburgh: Canongate Books, 2002.
6. *Cahill K.* Who Owns the World: The Hidden Facts Behind Landownership. Edinburgh and London: Mainstream Publishing, 2007.
7. The New Encyclopedia Britannica. Macropedia. Knowledge in Depth // P.B. Norton, President and CEO, J.J. Esposito, President Publishing Group. 15th ed. Chicago: Encyclopedia Britannica Inc., 1994. Vol. 29.

References

1. *Veblen T.B.* Inzhenery i cenovaya sistema. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2018.
2. *Kuznecov A.V.* Tajnaya vlast' Britanskoj korony. Anglobalizacija. M.: Knizhnyj mir, 2016.

С.Г. КОВАЛЕВ

Экономическая наука: смысл и ее особенности как социального знания о воспроизводстве общества в РФ*

Аннотация. В статье раскрывается проблема научно-философского отображения хозяйственной деятельности, ее трактовки как экономической науки сквозь призму философской категории смысла. Выделены особенности экономической науки, показан ее мировоззренческий характер, дана эволюционная классификация идей, теорий экономической мысли. Раскрыт системно-процессный подход отображения суверенной экономики РФ как державной хозяйственной системы.

Ключевые слова: экономическая наука, смысл экономики, классификация экономических теорий, хозяйственная система.

Abstract. The article reveals the problem of the philosophical and scientific reflection of economic activity, its interpretation as an economic science through the prism of the philosophical category of meaning. The features of economic science are highlighted, its ideological character is shown, and an evolutionary classification of ideas and theories of economic thought is given. A system-process approach to displaying the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Экономическая наука: смысл и ее особенности как социального знания о воспроизводстве общества в РФ // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 26—44. DOI: 10.5281/zenodo.11235120.

sovereign economy of the Russian Federation as a sovereign economic system is revealed

Keywords: economic science, the meaning of economics, classification of economic theories, economic system.

УДК 330
ББК. 65.в

Хозяйство — это не только бытие, но и смысл жизнедеятельности. В философском плане смысл — информационное содержание, значимое, сокровенное. Возникают вопросы, как трактовать категорию «смысл» применительно к экономической науке, что значимо в экономической науке, что вообще есть экономическая наука и наука ли она, каково ее видовое отличие от естественных наук, в чем заключается тождество и отличие хозяйства и экономики.

Наука — пространство нового упорядоченного знания о планетарных и космических явлениях, структурированного до теоретического уровня: законы, теории — и выведенного на основе специализированной исследовательской деятельности. В более широком плане наука также и деятельность по упорядочиванию, систематизации, сохранению новых знаний. Причем в последние десятилетия к науке стали относить и философские, и теологические знания. Научные знания, в отличие от обыденных знаний и знаний озарения («божественных»), отвечают определенным критериям: достоверность — выведение на основе фактов и применения научных методов результатов, проверяемость, возможность подтверждения, опровержения при соблюдении исходных условий полученных результатов, соответствие принятым критериям научной истинности.

Экономика как область человеческой созидательной деятельности в широком плане со времен Аристотеля делится на непосредственно экономику (отрасли реального производства и движения благ) и хрематистику — деятельность по извлечению доходов (как связанных, так и не связанных с производством благ). Соответственно, экономическая наука — это ветвь науки, вырабатывающая знания о социальном мире, точнее об экономике общества. Она обладает определенной спецификой, отличающей ее от естественных

наук. На это обратили внимание уже в XIX в., когда социальные знания стали относить к научным (социальная метафизика Спенсера), т. е. знания о законах общества, а позднее при составлении классификаторов науки, ее видов, в них стали выделять и экономическую науку. На особенность социальных, гуманитарных наук обратили внимание Дильтей, Риккерт: они рассматривали и трактовали их не как поиск знания и закономерностей на основе наблюдаемых социальных фактов, а как постижение вытекающих из них смыслов, зачастую скрытых и социальных закономерностей. Соответственно, хозяйственный смысл — информация о значимом, его содержании и формах его доведения до общества: научная, не научная, в виде хозяйственных знаний, экономических знаний. Срезами смысла выступают, с одной стороны, его онтологическое основание, его гносеологическое постижение, его аксиологическое восприятие, его сакральное «осознание» (осознание); с другой стороны, его объектный и субъектный характер, его уровень восприятия, осознания: индивидуальный, коллективный, его время социального существования, сохранения, механизм сменяемости парадигмальных смыслов. Хозяйство — это воспроизводственная деятельность по производству жизни путем присвоения и создания благ в системе «природа — общество». А человеческая деятельность, осмысленная и целеустремленная, помимо бытийного наполнения, имеет рефлексивную и ценностную составляющую. Современная хозяйственная деятельность двойственна: имеет и производительное начало, созидательное содержание — трансформацию материи в блага, и социальное наполнение, содержание — извлечение денежного дохода от деятельности в обществе по критериям экономической целесообразности: а) экономии времени как в физическом, так и в денежном выражении: меньше денежных затрат — больший денежный доход; б) первичность дохода, а не жизни, доход, его извлечение — самоцель, а производство реальных благ — вторичная цель. В современном обществе доход приносят не только реальные блага, но и социальные блага, востребованные обществом — как действительные, так и мнимые, в том числе и разрушающие общество. Соответственно экономика — и часть хозяйства, и современный критерий оценки социальной деятельности. На тему специфики экономики как науки написано немало, но можно лако-

нично остановиться на трех общих для всей экономической науки моментах и особенностях: многомерность, синергетичность, мировоззренчатость.

Смысловые особенности бытия хозяйствования как сферы научного познания

Первое. Обладает многомерным, очень широким объектом исследования. Известный американский историк мировой экономической мысли и исследователь мировой экономики Джейкоб Вайнер (1892—1970) дал следующее определение экономики: это то, чем занимаются экономисты [7, 6]. Ясно, что в широком плане ее объект — общество, а предмет — человеческая хозяйственная жизнедеятельность в различных формах своего проявления, а это означает эластичность, многоаспектность предмета исследования, расплывчатость его границ, множественность срезов и проблем познания [1, 105]. Экономическая наука лишь одна из множества наук, изучающая планетарное человечество, его жизнедеятельность, и соответственно может трактоваться и более широко, и более узко, но в любом случае реальные субъекты жизнедеятельности: индивид, семья, государство — их взаимодействия между собой одновременно являются субстанциональным субъектами и общества, и хозяйственной деятельности, а их исследование — предметом научного познания многих наук.

Второе. Обладает и синергетическим эффектом познания, существования знания и порождает его. Являясь частью социальных наук, работая в поле единого объекта исследования — взаимодействия природы, человека, общества, экономическая наука и решаемые ею проблемы часто проистекают из более широких явлений и пересекаются с проблемами, решаемыми в рамках других социальных дисциплин — экологии, социологии, юриспруденции, психологии, а также естественных наук, соответственно и ее инструментарий, получаемые результаты становятся достоянием многих наук, и, наоборот, налицо обратное воздействие других наук. А научные результаты воплощаются в практике хозяйственной деятельности, усиливая, масштабируя эффект воздействия научных знаний на общество. Для человечества характерно расширение поля хозяйственной деятельности: растет население, появляются новые продукто-

вые и непродуктовые отрасли экономики и соответственно новые ответвления экономической науки.

Отсюда многомерность, отличие концептуальных подходов, содержания знания, уровни его фундаментальности — теоретическая экономика и прикладные экономики. А сама экономика — это, прежде всего, практическая деятельность людей, в ней занятых. Соответственно отлично и восприятие реальной хозяйственной действительности — теоретическое либо прагматическое с позиции здравого смысла. Но элементы восприятия действительности (научное, обыденное) и ее оценки всегда присутствуют — без них невозможна деятельность. Но сами экономические знания по критерию научности могут быть истинными, либо ложными, либо «не научными».

Отсутствие единого общепринятого концептуального теоретического взгляда на экономику — это почва для расплывчатого, нечеткого очертания границ предмета, мировоззренческой многовариантности его содержания, терминологической неоднозначности и сложности выстраивания системы экономической науки, особенно для национальной экономики. Условно в истории мысли сформировались и выделялись три концептуальных взгляда на экономическую деятельность и экономическую науку как ее отражение: 1) наука о хозяйстве; 2) наука об экономике; 3) наука о влиянии институтов на экономическую деятельность [1, 106]. В принципе, это частные аспекты более широкого явления — воспроизводства человеческого общества на основе его хозяйственной деятельности в планетарной природной и социальной среде, а применительно к России — ее державное воспроизводство.

На взгляд автора, в широком смысле слова объект (предмет) экономической науки — изучение закономерностей воспроизводства и регулирования человеческой жизни, протекающей на основе присвоения природных и производства (распределения, обмена потребления) рукотворных благ и возникающих в этих процессах социально-хозяйственных форм, отношений и их изменений. Широкая трактовка экономической науки — залог достойного ее места в системе социальных наук. Соответственно в экономической науке значима не просто «мифологическая» научная достоверность знания, а возможность их прагматического, практического приме-

ния, порождающего результат, оцениваемый по многим критериям, и не только экономическим, но и по нравственным, принятым в обществе.

Общие представление о многомерности и многообразии аспектов предмета экономической науки, его наполнений дает история экономических учений (ИЭУ), их классификация по содержательному контенту на основе ряда признаков (см. табл. 1), что позволяет видеть эволюционную картину представления человечества о своей хозяйственной и экономической деятельности.

Таблица 1

Классификация идей, теорий

Признак классификации	Развернутая классификация
Взаимосвязь с периодами развития человеческого общества	<p>А. Доисторическая — отсутствие источников экономической мысли (ЭМ).</p> <p>Б. Древний мир — ЭМ стран Востока: Азия — Вавилония, Китай, Индия и Африка — Египет о централизованном хозяйственном управлении.</p> <p>В. Античный мир — ЭМ Греции, Рима о ведении полисного и рабовладельческого хозяйства.</p> <p>Г. Средневековье — ЭМ (теологическая и светская) о ведении городского и феодального хозяйства.</p> <p>Д. Новое время — ЭМ Запада об управлении страновым хозяйством, фабричным и колониальным хозяйством, источниках богатства наций.</p> <p>Е. Новейшее время — ЭМ Запада об изменении под воздействием НТП производственного базиса, экономических проблем развитых и развивающихся стран, формирование общемирового хозяйства, формирование незападных центров ЭМ.</p>
Концептуальные парадигмы экономической науки	<p>1. Общие: теологическая (иудаистическая, христианская: православная, католическая, протестантская, исламская, буддистская, включающие в систему божественного наблюдателя); светская философская картина мира.</p>

	<p>2. Социально-экономические: либеральная (рыночная: свободной и монопольной конкуренции, производительного и финансового капитала); консервативная (традиционные ценности и рыночно-государственное регулирование); антирыночная (утопический и реальный директивно-плановый социализм).</p> <p>3. Формационная — развитие общества как смена способов производства: первобытнообщинный, азиатский, рабовладельческий, феодальный, буржуазный, будущий коммунистический — и формаций.</p> <p>4. Частно-экономические:</p> <p>1) парадигмы по подходу к оценке ценности благ:</p> <p>а) стоимостная: трудовая, факторов производства (издержек производства), цены производства;</p> <p>б) полезность: субъективная индивидуальная ценность —кардинализм; объективная — порядковая ценность — ординализм;</p> <p>в) рыночная цена как баланс факторов со стороны платежеспособного спроса и платежеспособного предложения;</p> <p>2) парадигмы движения капитала:</p> <p>а) кругооборота, оборота индивидуального капитала, воспроизводства совокупного капитала;</p> <p>б) реальных (классики, Маркс) и трансформационных (Коуз) издержек;</p> <p>в) равновесия, предельной производительности и убывающей отдачи факторов;</p> <p>3) парадигмы отношений:</p> <p>а) пучка прав собственности как основы хозяйственной деятельности и сделок;</p> <p>б) эффективного спроса и государственного регулирования (Кейнс), индикативного планирования — Перру и др.</p>
--	--

3. Основные направления (школы)	а) меркантилизм; б) физиократы; в) предшественники; г) классики (основоположники, вульгарные продолжатели и популяризаторы); д) экономические историки; е) марксисты; ж) маржиналисты; з) институалисты; и) неоклассики; к) кейнсианцы; л) монетаристы; м) представители современных иных течений: неоинституционалисты, глобалисты, эволюционисты, экономические экологи и др.
Степень общности экономической теории	<p>А. Универсальная теория богатства и развития наций, идущая от А. Смита.</p> <p>Б. Страновая теория национальной экономики, учитывающая природно-климатические, территориальные, культурно-исторические, институциональные, геополитические факторы, достигнутый уровень богатства и странового, развития, в том числе технологического развития, идущая от Ф. Листа.</p> <p>В. Глобалистская теория единой планетарной экономики, основы которой заложил еще К. Маркс, выдвинувший гипотезы: а) социальной планетарной эволюции как смены формаций; б) эволюция форм эксплуатации планетарной природы на основе частной эксплуатации труда: от необходимого к прибавочному продукту, от стоимости к прибавочной стоимости; в) планетарной интернационализации наемного труда (современная версия — интернализация финансового капитала).</p>
Взаимосвязь с современной картиной планетарного мира	Современное разделение мира по уровню экономического развития, выделение в нем групп развитых и развивающихся стран порождает различные теории развития мира в целом и развития отстающих стран: а) теории мировой торговли и движения капитала; б) колониализма, неоколониализма, зависимого развития, в том числе империализма и неоимпериализма.

<p>Понимание «первичной клетки» теории и роли государства в ней</p>	<p>В качестве единицы обеспечения жизнедеятельности людей в обществе и научного познания, построения теории берется понятие:</p> <p>а) экономика и ее уровни: микро-, мезо-, макро-;</p> <p>б) хозяйство и его уровни: семенное хозяйство, крупное частное и акционерное хозяйство, народное хозяйство, не сводимое к сумме частных хозяйств;</p> <p>в) блага, товар, богатство, капитал, производственные отношения, производительные силы, экономический человек;</p> <p>г) институт (как традиционная и правовая норма), сделка;</p> <p>д) государство и его роль в хозяйственной деятельности и в экономической теории.</p> <p>Концепции:</p> <p>1) без государства — она роднит классическую, марксистскую, маржиналистской школы;</p> <p>2) с государством — роднит историческую, кейнсианскую, российскую школы;</p> <p>е) мировое правительство и ТНК, ТНБ и современные технологии (информационные, сетевые и др.).</p>
---	--

Источник: составлено автором.

Из таблицы 1 видно, что проблема общего, особенного, специфического, единичного в экономической науке существует и требует раскрытия в различных аспектах. Прежде всего, это осмысление реальной хозяйственной действительности, что имманентно включает в себя выделение: а) единого онтологического основания — воспроизводственная деятельность общества в природной среде и многообразие гносеологических и аксиологических подходов получения и оценок знаний о человеческом планетарном социальном и хозяйственном бытии, ее философскую хозяйственную интерпретацию — философия хозяйства; б) научное познание, отвечающее критериям научности применяемых методов, логике выработки, обоснования, формализации, теоретического знания —

фундаментального (теория хозяйства как теория хозяйственных систем, теория экономики как политическая экономия в ее различных версиях либо как институциональная экономика, а также история экономической мысли) и прикладного: отраслевые, функциональные, страноведческие экономические науки, вырабатывающие новое знание, его проверку по критериям смысловой и научной истинности и практической хозяйственной эффективности, в том числе и по линии здравого смысла. А также включает в единую цепь социального бытия общественное признание знаний, их систематизацию, тиражирование и популяризацию, доведение их до потенциальных потребителей и просто любознательных людей различными способами, в том числе и путем издания научных журналов.

В этом плане совпадение даты проведения секции и круглого стола «Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии» в рамках «Ломоносовских чтений — 2024», выступления на них Ю.М. Осипова «Экономическая наука на перепутье» и 25-летия журнала «Философия хозяйства» символично [8, 287—292]. Научное знание, отражаемое в публичных изданиях, налагает определенные требования к ним. Идеальный тип научного издания журнального типа — это: а) наличие у издания концептуального мировоззрения, научного «лика», терпимость в отношении авторского свободомыслия; б) актуальность, фундаментальность, тематичность, полемичность, оригинальность, междисциплинарность, свежесть публикуемых статей и материалов, нацеленность на поиск и новизну; в) продуманная структура макета, смысловое и качественное изобразительное оформление текста, обложек, солидный объем, массовый тираж: бумажный и электронный; г) неконъюнктурность в отражении действительности, поиск не мифологических, а глубинных смыслов, научного вклада, отсутствие погони за рейтинговостью: международной и национальной, а долговременное выстраивание научного признания, в том числе и за счет вхождения в Elibrary, РИНЦ, список ВАК. В этом плане альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ ведет подвижническую работу по формированию пространственно-сущностного мира философии хозяйства, поля экономической мысли, научного и иного восприятия единой природно-социальной действительности.

Третье. Является мировоззренческой наукой, что объективно означает наличие элементов познавательного субъективизма в концептуальных подходах, выборе предмета и методов исследования. С одной стороны, онтологическое многообразие и сложность хозяйственных явлений, их изменения, множество субъектов, их связей, форм хозяйственной жизнедеятельности и поведения, а с другой стороны, наличие возможности выбора у познающего субъекта целей и средств исследования, интерпретации его результатов, собственного идеала модели экономической действительности. Выделим три среза понимания мировоззрения. Первый срез — гносеологический. Мировоззрение — и как термин, и как категория — имеет немецкие корни, проистекает от немецкой идеалистической традиции. У Канта — в смысле мирозерцания, у Гегеля — в смысле познания и нравственного осмысления сотворенного, у Шеллинга — в смысле идеалистического понимания духовного мира. Материалистическая, моническая трактовка мировоззрения идет от В.И. Ленина. В целом мировоззрение — это взгляд на мир, его реальный и идеальный образ — как вырабатываемый отдельным индивидуумом, так и формирующийся коллективными усилиями, складывающийся в массовом общественном сознании. Мировоззрение неоднородно: имеет разные срезы — здравого смысла, религиозного, философского, мифологического восприятия картины мира. Мировое бытие и его восприятие формируются и переформируются, но всегда субъектно и структурно. С позиции науки можно говорить о научном мировоззрении, научной картине мира, а с позиции общества — о социальном мировоззрении — социальной картине мира и ее двух аспектах — глобальном и страновом. Социальное мировоззрение не едино, не однородно, изменчиво. Меняется мир — меняется и мировоззрение.

Второй срез — онтологический. Мировоззрение — это эволюция, движение взглядов: и по линии «прошлое — настоящее — будущее»; и по линии «сохранение — изменение»; и по линии «страновое — планетарное»; и по линии «собственное — привнесенное, навязываемое»; и по линии «смыслы социальных групп — смыслы общества в целом». Соответственно природа социального мировоззрения тесно связана с устройством общества, его сословно-классовой структурой, интересами больших слоев населения и ин-

тересами общества в целом. Это зависит от многих факторов, в том числе и усилий социальных сил, прежде всего властных, политических, по принесению и сохранению в обществе определенного мировоззрения. Но в любом случае суверенная страна должна обладать собственным концептуальным, в том числе хозяйственным, мировоззрением. Проблема РФ в том, что западный мир не принял страну и ее элиту в свой клуб в качестве равноправного субъекта, имеющего свои суверенные интересы и свое суверенное пространство жизнедеятельности. РФ как крупная мощная страновая целостность не вписалась в новую западную парадигму нового миропорядка.

Соответственно ее коридор возможностей сузился: а) либо силой заставить считаться со своими интересами, в том числе и по вхождению в Запад; б) либо признать превосходство Запада и его правила устройства миропорядка и отводимое в нем РФ место; в) либо выработать собственный смысловой проект, модель нового миропорядка и выстроить на ее базе новый миропорядок; г) либо адаптироваться к складывающемуся миропорядку, сохраниться в нем для себя, а не для других на основе суверенной державной субъектности и более солидаризированного хозяйствования [1, 106].

Третий срез — идеологический. Мировоззрение общества — это смыслы, а РФ и как общество, и как страна неоднородна — структурированный объект, отсюда его «расколотость»: у значительной части элиты — либерально-рыночное, глобальное, а у большей части населения — остаточное-социалистическое, страновое. Мир хотя и глобализируется, но степень его планетарной социальной нецелостности, неоднородности, неуправляемости, непрочности, нетотальности, накопленной проблемности еще позволяет воплотить альтернативные варианты странового развития, несводимого к антиномиям: социализм — капитализм, либерализм — тоталитаризм, неоколониализм — экономическая независимость. А это предполагает вкрапление мозаики многих мировых и национальных черт в российскую державную нецелостную целостность, вписывающуюся в новейший миропорядок на правах субъекта, а не объекта мировой игры [3, 28—35]. Мировоззрение выполняет роль идеала для устремлений общества, его веры, роль консолидатора, целевого ориентира по достижению целей. В условиях РФ нужно не расколо-

тое, а консенсусное, объединяющее мировоззрение — это российское державное мировоззрение. Мировоззрение — это всегда элементы идеологии, так как оно предусматривает модельное проектирование будущего, а значит, и идеологизирование действительности, а как следствие, и экономической науки, ее нормативность — не как есть, а как должно быть. Две линии в экономической науке — нормативная и позитивная — это ее родимое историческое пятно. Идеология издревле присуща экономической науке — отличие ее школ лежит в плоскости идеологии, например, марксизм — маржинализм. В целом идеологическое означает наличие позиции восприятия, представления, преобразования действительности, в основе которой лежит система взаимосвязанных нравственных принципов о желаемом прошлом, настоящем, будущем. Соответственно современное восприятие и знание об РФ объективно несут налет идеологизации. Вопрос только в том, какой и какова его степень — мифологизированной либерально-рыночной либо научной, реального отражения действительности, интересов страны и большинства населения и выстраивания на этом фундаменте экономической политики? Безусловно, проблема идеологии очень тонкая — чревата социальными последствиями, шантажом и властным навязыванием. Однако делать вид, что экономическая идеология в социальных науках отсутствует, есть лукавство. Есть ее отсутствие, закрепленное в статьях Конституции страны, но это не означает отсутствия в мировоззрении общества. История страны последних тридцати лет — это насаждение либеральной псевдорыночной, потребительской, компрадорской идеологии, но такая идеология не отвечает задаче долговременного воспроизводственного выживания страны. Отсюда важно осмыслить и изменить сложившуюся ситуацию, безусловно не нарушая принцип идеологической терпимости.

Смысловое системное практическое отображение хозяйственной деятельности

Смысловое отображение включает не только философско-научное восприятие хозяйственной деятельности, но и ее отображение как системы, как совокупности практических процессов. Поиск модели экономики, сочетающей хозяйственную свободу с интересами общества, модели иного пути — сложная задача, которую пы-

тались решить многие экономисты. А это требует: а) познания количественных взаимосвязей повседневного хозяйственного процесса; б) познания качественно различных хозяйственных порядков, бесконечное разнообразие которых складывается (по В. Ойкену) из ограниченного числа «чистых форм» полной конкуренции, монополии, частичной монополии, олигополии, различных форм централизованно управляемого хозяйства и денежных систем.

Державная суверенная экономика РФ есть в идеале деятельность субъектов общества по производству благ в обществе, для нужд общества, их потребления обществом и в пространстве суверенного общества [5, 100—104; 2, 35]. Системное представление любого объекта — это всегда упрощение реальности, но одновременно и выделение сущностных и существенных его признаков, его атрибутов, процессов, свойств, параметров. Учитывая, что хозяйство, хозяйствование индивидов и их групп — сложный ролевой деятельностный процесс, причем управляемый процесс, обладающий и социальной, и материально-вещественной субстанцией, и сложным поведением, развитием, то возможна вариативность его познавательного отображения, которое базируется на трех основаниях: парадигме исторического представления общества (формационная, цивилизационная, страновая или их комбинация); использовании системно-процессной методологии (комбинация системного и процессного подходов), философском понимании деятельности (хозяйство — это человеческое стихийное природно-социальное бытие и сознательно конструированное социально-природное бытие, воплощенное в деятельности по производству благ). А это допускает возможность теоретической вариантности отображения (например, подходы К. Маркса, В. Зомбарта, В. Ойкена) и многообразие самой практики суверенного хозяйствования.

Системный подход — это использование методологического принципа системности и в мышлении, и в отношении реальной хозяйственной жизнедеятельности, отображение последней как поведенческой эволюционирующей хозяйственной системы, обладающей целеполаганием, структурностью, общесистемными свойствами, закономерностями поведения, функционирования, развития.

Процессный подход — это использования методологического принципа непрерывного упорядоченного подхода к хозяйственной

деятельности, разбиение ее на взаимосвязанные деловые процессы, взаимосвязанные и внутри самой организованной системы, и с процессами среды, проектирование их протекания, параметров, регулирования.

Соответственно суверенная экономика России (СЭР) — это большая, сложная, многоуровневая, управляемая и внутри себя и извне страновая хозяйственная система, ее типовой класс — социально-экономическая система, род — смешанная рыночная экономика, вид — постпереходная, трансформационная страновая экономика в североевразийском пространстве, склонная к сползанию в колею разрушающего развития, в неокOLONиализм.

Если говорить о СЭР как о хозяйстве, о хозяйственной системе, то выделению и описанию подлежит множество ее атрибутов строения: 1) цели, их декомпозиция; 2) элементы (субъекты: их иерархия, мотивация, права); 3) подсистемы (отрасли материального производства, денежная система); 4) связи (иерархические — подчинения; рыночной координации, включая прямые, обратные), структура и ее сдвиги; 5) внешняя среда; 6) историческая эволюция. А также процессы: а) производства (базовые технологии и переделы — технологические уклады), кооперации, организации, распределения, обмена, потребления); б) регулирования субъектного взаимодействия и потоков людей, товаров, денег, в том числе взаимодействия с заграницей. А как дополнение особенности в системных свойствах: а) специфика российских природных и общественных черт по отношению к преобладающим, типологическим, универсальным либо для Запада, либо для Востока; б) специфика в условия ведения хозяйства; в) специфика исторической и культурной эволюции; г) специфика в эмерджентности (обеспечении целостности) странового хозяйства; в комбинации экономических и неэкономических факторов развития; в примате общественных интересов над индивидуальными; в социальных и экономических субъектах, их поведении; в институтах регулирования жизнедеятельности, при взаимодействии с внешним окружением и др.

Резюмируя все вышеизложенное, можно выделить типичные признаки страновой и хозяйственной системы, лежащие в основе разнообразия современных национальных экономик, преобладание которых формирует и описывает экономическую модель конкрет-

ной страны. В современном мире, мире разнообразных социальных хозяйственных систем, следует учитывать, выделять следующее.

а) институционально-ментальный тип общества — западное, восточное — и разнообразие систем социальных институтов, их роль в экономической деятельности;

б) обеспеченность факторами воспроизводства: не экономическими — внутренними (природное пространство, культурные и исторические традиции); внешними — геополитическое положение; экономическими — производственный потенциал страны (как реального так и фиктивного сектора);

в) способ хозяйственного воспроизводства: смешанный, рыночный, административно-плановой, традиционный.

Помимо вышеназванных атрибутов можно дополнительно выделить: 1) структуру экономики: аграрная, индустриальная, постиндустриальная, инновационная; 2) накопленное национальное богатство и его виды: разведанные природные ресурсы, производственный, человеческий, интеллектуальный капитал, культурные ценности; 3) цели производителей: интересы общества, частные интересы; 4) тип развития: колониальный, догоняющий, опережающий; 5) регулирование деятельности: рыночная самоорганизация, государственная координация (в диапазоне от установления правил рыночной игры до тотального директивного планирования); 6) преобладание реальной или фиктивной экономики; 7) степень самостоятельности денежно-кредитной системы по отношению к мировой; 8) субъекты хозяйственной деятельности и формы собственности; 9) собственные технологические возможности и технологическую независимость; 10) конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и тип конкуренции на рынках: монополистическая, олигополистическая, совершенная, монополистическая; 11) экономическую политику: стабилизации, развития; 12) открытость экономики (экспорт и импорт к ВВП); 13) продуктивно-пространственное разделение национального производства (виды отраслей, их удельный вес в ВВП, центры размещения; региональное деление — по субъектам: республики, области, по федеральным округам, по макроэкономическим районам).

СЭР как хозяйственная система обладает и общесистемными закономерностями, которые присущи классу социальных систем.

1. Потенциальной целостностью и способностью ее сохранения в пространстве и времени, что вызывает синергетический эффект накопления и повышения долговременной продуктивности — результативность целого больше суммы системных разрозненных компонентов.

2. Устойчивостью — способностью в определенной степени нивелировать внутренние и внешние негативные и дестабилизирующие воздействия за счет поддержания и трансформирования хозяйственного порядка, адаптируя его к новым условиям и новой среде.

3. Синтетическим, агрегированным целеполаганием — системной синхронизацией целевых интересов своих элементарных субъектов, формированием целей под воздействием внутренних и внешних факторов, декомпозицией целей для обеспечения целостности воспроизводства.

4. Эквивинальностью — способностью достижения максимальных результатов в границах своих потенциальных возможностей и параметров, но жестко не детерминированных текущими, начальными условиями, а лишь целевыми усилиями субъектов.

5. Вариативностью развития — возможностью в определенном диапазоне выбирать сценарии, траектории, параметры хозяйственного поведения и собственной системной эволюции.

6. Иерархичностью — склонностью к выстраиванию вертикальной, уровневой, ролевой взаимозависимости для своих субъектов.

7. Исторической преемственностью — сохранением в снятом, трансформированном виде компонентов старой системы в новой («родовой след»).

8. Средовой зависимостью — повышением степени открытости, увеличивающей влияние параметров среды на национальную экономику России: среда становится неотъемлемой частью самой системы, и, наоборот, экономика России — частью среды.

9. Эффектом колеи — попаданием в ловушку настоящего развития, зависящего от траектории прошлого развития либо разрушающего развития [6, 15—17].

10. Самосохранением — способностью адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы, переформатировать и себя, и среду.

11. Регулируемостью — способностью менять поведение, результативность, модель развития при воздействии на параметры системы.

В мире систем, идентифицируемых понятием «смешанная рыночная экономика», условно выделяют скандинавскую, франко-германскую, американскую, восточно-азиатскую модели. Отличие данных моделей не только в устройстве и регулировании экономик, главное — в типе общества и его целей, менталитете населения. СЭР ни к одному из них не относится, это своего рода трансформационный феномен процесса перехода от социализма в капитализм в переформирующейся мировой и евразийской среде. Но в любом раскладе в основе любого хозяйства — деятельность его субъектов по производству благ — диалектика производства и потребления, народного хозяйства и хозяина, наделенных интересами, смыслами, волевым целеполаганием, поведением в своем воспроизводстве-незе.

Литература

1. Ковалев С.Г. Державность как парадигма теоретической экономики и стратегии воспроизводственной безопасности РФ // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 104—120. DOI: 10.5281/zenodo.8416732.

2. Ковалев С.Г. Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 29—42. DOI: 10.5281/zenodo.7840612.

3. Ковалев С.Г. Мирустройство: метафизика новых реалий, переформатирования и места РФ // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 27—45. DOI: 10.5281/zenodo.10869290.

4. Ковалев С.Г. Российская державность: феномен, уходящий в прошлое или возможность для альтернативного будущего? // *Философия хозяйства*. 2023. № 6. С. 121—140. DOI: 10.5281/zenodo.1009112.

5. Ковалев С.Г. Суверенизация национальной экономики: понятийный смысл сквозь призму наследия зарубежной и отечествен-

ной мысли // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 81—106. DOI: 10.5281/zenodo.8065401.

6. *Ковалев С.Г.* Трансформация общественного производства СССР—РОССИЯ. Ч. 2. СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1997.

7. *Медема С.* Великая экономика. От Ксенофонта до криптовалюты. 250 основных вех в истории экономики. М.: Лаборатория знаний, 2021.

8. *Осипов Ю.М.* Экономическая наука на перепутье // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 287—292. DOI: 10.5281/zenodo.10869496.

References

1. *Kovalev S.G.* Sovereignty as a paradigm of theoretical economics and the strategy of reproductive security of the Russian Federation // *Philosophy of Economics*. 2023. No. 5. P. 104—120. DOI: 10.5281/zenodo.8416732.

2. *Kovalev S.G.* Sovereignty of the Russian Federation: illusions and reality // *Philosophy of Economics*. 2023. No. 2. P. 29—42. DOI: 10.5281/zenodo.7840612.

3. *Kovalev S.G.* World order: metaphysics of new realities, reformatting and place of the Russian Federation // *Philosophy of Economics*. 2024. No. 2. P. 27—45. DOI: 10.5281/zenodo.10869290.

4. *Kovalev S.G.* Russian sovereignty: a phenomenon of the past or an opportunity for an alternative future? // *Philosophy of management*. 2023. No. 6. P. 121—140. DOI: 10.5281/zenodo.1009112.

5. *Kovalev S.G.* Sovereignization of the national economy: conceptual meaning through the prism of the heritage of foreign and domestic thought // *Philosophy of Economics*. 2023. No. 4. P. 81—106. DOI: 10.5281/zenodo.8065401.

6. *Kovalev S.G.* Transformation of social production USSR—RUSSIA. P. 2. SPb.: Publishing house SPBUEF, 1997.

7. *Medema St.* Great economy. From Xenophon to cryptocurrency. 250 major milestones in economic history. M.: Knowledge Laboratory, 2021.

8. *Osipov Yu.M.* Economic science at the crossroads // *Philosophy of Economics*. 2024. No. 2. P. 287—292. DOI: 10.5281/zenodo.10869496.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. КУЛЬКОВ

**Сопоставление политэкономических подходов
в теоретическом анализе экономики***

Аннотация. В статье содержится сопоставление двух политэкономических подходов в теоретическом анализе экономики: социально-экономического и национально ориентированного. Выявляются их содержание и принципиальные различия. Особый акцент делается при этом на разном понимании экономических систем. Одновременно раскрываются возможности их взаимодополнения. Формулируется вывод о том, что конструктивное взаимодействие указанных подходов может сформировать более широкое и богатое представление об экономической системе России.

Ключевые слова: политэкономия, социально-экономический подход, национально ориентированный подход, экономическая система, российская экономика.

Abstract. The article contains a comparison of two political and economic approaches in the theoretical analysis of the economy: socio-economic and nationally oriented. Their content and fundamental differences are revealed. Particular emphasis is placed on the different understanding of economic systems. At the same time, the possibilities of their complementarity are revealed. The conclusion is formulated that the constructive interaction of these approaches can form a broader and richer idea of the Russian economic system.

Keywords: political economy, socio-economic approach, nationally oriented approach, economic system, Russian economy.

УДК 330.101
ББК 65.01

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.М. Сопоставление политэкономических подходов в теоретическом анализе экономики // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 47—58. DOI: 10.5281/zenodo.11235170.

Проблема, затрагиваемая в данной статье, состоит в сопоставлении двух подходов, получивших распространение в разных направлениях политической экономии, но обладающих, как нам представляется, потенциалом взаимодействия.

Первый из них наиболее полностью был реализован в марксистской политической экономии: он может быть обозначен как социально-экономический (или социально-ориентированный) подход. Для него присущи акценты на способах социального присвоения, на социальных (классовых) интересах, на универсалистском, наднациональном характере законов экономической жизни, которые реализуются в системах исторически последовательно сменяющихся способов производства или общественно-экономических формаций. Смысл другого подхода (назовем его национально ориентированным или национально-государственным) выражается в акценте на национальных интересах, на учете всего комплекса национально-специфических условий, характерных для страны и ее экономики и в конечном счете формирующих экономическую систему страны (национальную систему экономики).

Марксистское направление шло при этом в русле тех течений, которые вышли из общего смитовского корня (более широко — из английской классической политической экономии), включая и ее либеральную (неоклассическую) ветвь, несмотря на их жесткое противоборство по принципиальным теоретико-методологическим и идейно-философским принципам. Вместе с тем оба эти направления оказались в одной научной «корзине», противостоящей другому подходу, обозначившемуся в свое время в рамках немецкой исторической школы в трудах Ф. Листа (прежде всего, в его работе «Национальная система политической экономии» [6]), в последующем времени — в частности, в институциональном течении (прежде всего, в рамках его традиционной версии и ее последующих обновлений), в целом ряде других течений консервативного и национально-самобытного характера, в большей или меньшей степени делающих акцент на особенностях стран и их национальных хозяйств.

Здесь уместно обратить внимание на важную, но недостаточно признанную и акцентированную линию разлома в экономической теории и в сложившихся курсах истории экономических уче-

ний. Хорошо известно и описано в науке противостояние марксизма и либерализма, кейнсианства и неоклассики, институционализма и неоклассической теории. А вот обозначенный разлом такого внимания не удостоился: в этих конструкциях он уходит на задний план. Достаточно вспомнить выражение «романтические и националистические отходы классической экономики» [8, 399], принадлежащее основоположнику неоклассического синтеза П. Самуэльсону. Хотя бы по этой причине размышления относительно данной проблемы интересны и необходимы.

При этом, оценивая марксистскую политэкономия, нельзя прямолинейно утверждать, что она игнорировала национальные особенности в анализе экономики. Так, в 1-ом томе «Капитала» К. Маркса можно встретить выводы, касающиеся «национальных различий в зарплате», важности «исторического и морального элементов» в формировании стоимости рабочей силы, роли природно-климатического и географического факторов в процессе создания стоимости и прибавочной стоимости. Но, тем не менее, для него это, по большому счету, только периферия приоритетного универсалистского подхода. Главное же выражается в том, что экономические законы осуществляются «с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [7, 6—9]. В таком случае отторгаются особенности «локальной цивилизации», в рамках которой идентифицируется страна, игнорируется своеобразие пути национального развития, традиции отождествляются с «отсталыми» формами (как правило, с «неразвитостью капитализма», о чем много говорили на рубеже XIX—XX вв. российские марксисты), а национальное богатство и национальные интересы рассматриваются во многом иррационально. При таких параметрах не может сложиться и стать полноценной национальная экономическая система страны. Складываются только экономическая система определенной формации и отражающая ее политэкономия в узком смысле слова. Не случайно, что такой вывод во многом характерен и для нынешнего мейнстрима: только относиться это будет не к формациям, а к стадиям роста; к выдвигению на первую линию не классового подхода, а принципа методологического индивидуализма, когда они оба при этом пренебрегают интересами нации как особого

субъекта, стоящего, по выражению Листа, «между отдельным человеком и человечеством... с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией» [6, 152].

Два отмеченных подхода (марксистский, или социально ориентированный, и лигианский, или национально ориентированный) содержат разные акценты в понимании экономической системы. В одном случае преобладает универсалистское понимание экономических отношений и самой системы; в другом — система отражает совокупность «национально-экономических отношений», вбирающих в себя все своеобразие страны и национального хозяйства. В одном случае происходит линейное развитие социально-экономических формаций; в другом — более важное значение приобретают устойчивые формы, включая надысторическое позиционирование цивилизационного характера. В одном случае на первый план выдвигаются интересы отдельных социальных слоев (классов), в другом — самоценное значение придается общим национальным интересам. Среди них — поддержание экономической безопасности страны, обеспечение территориальной целостности и единого экономического пространства, осуществление «сбережения народа» и общественной консолидации, коренная модернизация отечественной экономики, формирование высокого уровня самодостаточности страны, разработка стратегических приоритетов развития, наращивание экономического потенциала страны, забота о будущих поколениях и т. п. В одном случае превалирует «чистая» система; в другом — акцент делается на смешанном характере национальной экономики, который продуцируется не только общемировыми трендами, но и реальным разнообразием национально-специфических условий, что делает смешанность экономики еще более сложной. При этом следует отметить, что для национального хозяйства и его теоретического отражения важны все фактически функционирующие экономические отношения и формы (включая так называемые «эксплоярные хозяйственные формы»), как бы они ни позиционировались с высоты господствующей универсальной системы. В итоге можно сделать более широкий вывод о том, что национальная экономическая система по своей структуре и наполнению богаче универсальной экономической системы.

Однако, несмотря на альтернативность подходов, можно говорить о теоретическом потенциале их интеграции. Такие попытки предпринимали многие российские исследователи. Так, в роли академического интегратора (пусть и с элементами эклектики) выступал А.И. Чупров, возглавлявший в конце XIX — начале XX в. кафедру политической экономии и статистики Московского университета. Говоря о трех наиболее известных на тот момент научных школах (классической, марксистской и исторической), он исходил из того, что «при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ оказывается своя доля истины» [9, 69]. Отечественные марксисты повернулись лицом к национальному аспекту и тогда, когда стали доказывать возможность построения новой социальной системы в отдельно взятой стране (это был на самом деле большой национально ориентированный перелом в их умонастроениях, не осознанный до конца); и когда уже в новых условиях в первом советском учебнике по политэкономии социализма 1954 г. анализ системы начинали с производительных сил (материально-технической базы), что, скорее, было более адекватно воззрениям Листа, нежели Маркса. Можно усмотреть и в последующей попытке советских политэкономов зафиксировать исходную роль планомерности в отечественной экономической системе востребованностью большей роли государственного регулирования именно в российской экономике. Можно отметить и современный китайский опыт соединения в учебно-научном поле марксистского подхода и китайской национальной специфики. За последние 10 лет в КНР было открыто более 200 национальных аналитических центров, в том числе Центр инноваций современной марксистской политэкономии с китайской спецификой. «В настоящее время в Китае взят курс на создание “мозговых центров” нового типа с китайской спецификой, которые должны творчески... опираться на современные теоретические разработки в увязке с национальными условиями и историческими традициями» [3]. Речь в этом контексте идет и о продолжении поиска китайского пути развития и усилий по адаптации иностранных учений к специфическим условиям Китая, включая и привнесение инноваций в классическую марксистскую политэкономю. Это касается и других центров подобного рода, сориентированных, прежде всего, на содействие формированию «мягкой силы» националь-

ной системы управления Китая, а в конечном счете — на решение национальных задач страны, на реализацию ее национальных интересов в мире. Мы привели здесь только несколько примеров, предпринимавшихся в разное время, в разных условиях и форматах попыток соединения марксистского подхода и национальной специфики, что, помимо прочего, свидетельствует об их востребованности и возможности реализации.

В таких попытках нуждается и современная Россия. После всех передряг, случившихся со страной с 1990-х гг., российские марксисты в своей заметной массе, в отличие от советского периода, стали гораздо более ответственно относиться к национальным особенностям и интересам страны, к так называемым «универсальным» ценностям — в данном случае неважно, какими будут эти ценности — «всемирно-пролетарскими» или «общечеловеческими». И это может стать важной субъективной предпосылкой активизации усилий по расширению параметров экономической системы страны, по реализации национально ориентированного подхода в теоретической и практической экономике.

В рамках собственно экономической системы можно видеть разные интегральные возможности.

Первый посыл связан с возможной коррекцией позиции марксистов, которые могли бы пойти на расширение экономической системы за счет применения национальных спецификаций — причем активных и объемных. И здесь было бы уместно использовать применяемые в самом «Капитале» Маркса так называемые «посредствующие звенья», благодаря которым «общее» трансформируется в «особенное». В частности, можно вспомнить превращение товара в капитал (или простого товарного производства в капиталистическое производство), которое требовало такого «звена», вначале отсутствующего, как юридически свободный работник. Национально ориентированный подход дает хороший повод для расширения числа посредствующих звеньев путем включения в их ряд всей совокупности национальных условий. В этом случае на основе «общего» формируется не просто «особенное», а «национально-особенное», или, иначе говоря (по Листу), «национально-экономические отношения». Следует при этом отметить и возможности отклонения от «общего», и даже несоответствие ему. Примером может служить

«закон (принцип) сравнительных преимуществ во внешней торговле», который был зафиксирован еще в английской классической политэкономии: с точки зрения интересов страны и национальной экономической безопасности он может иметь негативное значение для развития национальной экономики, при этом обеспечивая лучшие условия для более развитых стран. К тому же могут функционировать и «национальные экономические законы» — эксклюзивы, характерные только для данной страны, если она обладает уникальными условиями: мало кто будет оспаривать такую уникальность применительно к России — будь это пространственные, геополитические и многие другие характеристиками, имеющие реальные «законотворческие» последствия. Это уже не просто национально-особенное, а национально-уникальное. Ортодоксальным марксистам трудно принять такой вывод, но в рамках национального синтеза (или, по крайней мере, в рамках конвенционального подхода) могли бы ужиться оба понимания национальных спецификаций: и национально-особенное, и национально-уникальное — тем более что второе (для многих — наиболее спорное) продуцируется тем, что всегда было важным для Маркса, — объективными условиями, которыми являются не только производительные силы (их приоритет в этом нельзя игнорировать), но и страновые предпосылки. Этот вывод позволяет зафиксировать данную взаимосвязь в качестве закона соответствия национально-экономических отношений уровню и характеру национальных производительных сил, национально-специфическим факторам, интересам и целям развития страны. Таким путем обеспечивается интегральность усилий, полезная для современной России.

Второй посыл связан с возможной коррекцией позиции сторонников национально ориентированного подхода в аспекте признания важной роли социально ориентированного подхода. Это важно для понимания сущностных социально-воспроизводственных характеристик экономической системы страны — прежде всего, социально-экономического строя страны, целого ряда конкретных социальных, воспроизводственных доминант и др. Этот социально-воспроизводственный аспект должен быть неременным ракурсом национальной экономической системы несмотря на то, что координаты этой системы простираются в области, более широкие, чем

политическая экономия. Политэкономическую конструкцию Маркса можно использовать и при структуризации национальной экономической системы (по крайней мере, ее социального блока), выделяя в ней исходное производственное отношение (в рамках смешанной экономики — это соотношение рынка и государства как двух способов координации экономической деятельности — при этом с учетом национальных особенностей), основное отношение (соотношение способов социального присвоения — и вновь с учетом национальной специфики) и производные экономические отношения. Это позволит сделать национальную систему более социально заостренной и структурированной.

Указанные различия реально доходили до научного антагонизма. Можно вспомнить и резкие упреки в эмпиризме, адресованные в свое время Марксом «национальной политэкономии», и острейшую полемику марксистов и народников в России в конце XIX в., и неприятие национально ориентированного подхода с его обвинениями в эмпиризме, субъективности и антиисторизме, проявившееся у некоторых современных представителей марксистского спектра, и т. п.). Однако, несмотря на эти различия, имеются поводы и способы для интеграции (или, по крайней мере, для сотрудничества) марксистского (социально ориентированного, универсалистского) и национально ориентированного подходов. Иначе говоря, марксистский подход может работать на формирование национальной экономической системы — естественно, при условии ее признания и несводимости к чисто формационному состоянию; в свою очередь, этот подход станет более реалистичным и жизнеспособным, если будет сопрягаться со всем набором национальных спецификаций, присущих стране. В таком случае речь может идти не просто о возможностях взаимодействия, но и о взаимообогащении этих подходов.

Любопытно соотнести указанные подходы (в привязке к России) и в отношении парадигмального выбора. Ведь закономерен вопрос о большей или меньшей адекватности экономической системе России той или иной из известных научных парадигм. Можно поставить вопрос и по-другому: какая парадигма способна лучше отразить национальную специфику страны, ее хозяйственной системы? Многие свидетельствуют о том, что если реалии Запада, во-

плотившиеся в индивидуалистском обществе потребления, более адекватно отражает неоклассическая обменно-полезностная парадигма, то для российских реалий более свойственной выглядит производственно-трудовая парадигма с ее потенциально выраженным акцентом на роли материально-технической базы суверенной экономики, на социально-коллективистскую ориентацию и трудовую мораль. Данное соответствие в условиях России можно обнаружить и применительно к отдельным экономическим законам («закон планомерности», «основной закон», «закон распределения по труду»), которые, несмотря на их заметную формационную привязку и трактовку, во многом отражали и особенности национальной российской системы как таковой.

В марксистской терминологии нашла свое выражение «политическая экономия в широком смысле слова». На наш взгляд, в ее пространство можно было бы поместить и «национальную политэкономия» в рамках той линии, которая тянется еще от Листа, и такие современные направления, как «институциональные матрицы» [2], «евразийская политэкономия» [1] и некоторые другие, относящиеся к гетеродоксальному направлению (см.: [5, 80—83]). И, конечно, можно привлечь сюда и те синтетические направления и возможности, которые были приведены выше. Случившиеся в мире в последние годы кризисы (экономический, ковидный, геополитический) и происходящая ломка глобализации усилили внимание к политико-экономическому наследию, показали его актуальность и востребованность. Важно при этом не сужать эту востребованность только марксистским спектром, а видеть потребность в реактуализации также и национально ориентированного подхода. Признание этого позволит расширить возможности политико-экономического наступления, обеспечить более тесную связь с реальностью, с конкретными проблемами и направлениями развития национальной экономики.

Что касается обращения к национальной проблематике, то его необходимость в современных условиях заметно выросла как по общемировым причинам (явные провалы сложившейся модели глобализации, расстройство мирохозяйственных связей, в целом нарастание противоречий между национальным и глобальным), так и по российским основаниям (очевидная потребность в обновлении

национальной экономической системы страны в условиях слабости внутренних импульсов к развитию, дополненной санкциями и общим геополитическим усложнением позиций России). Серьезные проблемы испытывает и сама экономическая теория, обнаруживающая все более острую потребность в повороте к реальности. В попытке ее реализации кто-то уходит в «поведенческую экономику», кто-то растворяется в «экспериментальной экономике» или ищет другие пути и формы приближения к практике, но, как представляется, не надо забывать в этом ряду и более масштабное направление поворота, связанное с акцентом на особенностях национальной экономики. И в целом для формирования адекватного научного ответа на обозначенные выше проблемы и вызовы (как общемировые, так и российские и научные) исключительное значение имеет обращение именно к реальной национальной среде, к интересам страны. Конечно, важно при этом не сводить национальную ориентацию к каким-то поверхностным формам — в частности, только к экономической политике, пусть даже формально и интерпретируемой в качестве национально ориентированной. Здесь свою роль должен сыграть политэкономический стержень, обеспечивающий сохранение фундаментальности научного исследования.

Стоит привести и еще один пример интеграции теоретических усилий. Речь идет о так называемой «экономике предложения». Возникшая вначале в среде «новых классиков», т. е. формально в либеральном спектре экономической мысли, она, тем не менее, как я постарался показать в одной из своих статей [4, 70—73], обладает потенциалом научной интеграции и может работать в интересах национальной экономики с учетом того, насколько важно для современной России наращивание производственных возможностей, структурной перестройки и активизации хозяйственной активности. Следует формировать такую российскую модель экономики предложения, которая учитывала бы всю совокупность национальных условий, целей и интересов. И таких примеров можно найти немало.

В итоге можно сформулировать вывод о необходимости и взаимной пользе совместных усилий марксистской политэкономии и «национальной системы политэкономии» (в единстве с другими интегральными возможностями) в теоретическом анализе экономи-

ки. Обе стороны не должны противоборствовать в условиях общих опасностей, а искать пути укрепления взаимодействия, которое может перерасти в конструктивное сотрудничество, устраняющее односторонности одного и другого подходов. Именно на таком пути можно сформировать более богатое и целостное представление об экономической системе России, позволяющее отыскать адекватные направления обеспечения национального суверенитета, социальной справедливости и эффективного воспроизводства.

Литература

1. Евразийская политическая экономия / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 684 с.
2. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
3. *Комиссина И.Н.* Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Россия и Китай. Азиатское обозрение. 2019. 11 нояб.
4. *Кульков В.М.* Новые ракурсы экономики предложения // Проблемы современной экономики. 2023. № 3. С. 70—73.
5. *Кульков В.М.* Об актуализации национально ориентированного подхода в экономической теории // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 77—86.
6. *Лист Ф.* Национальная система политической экономики. М.: Европа, 2005. 382 с.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1969. 907 с.
8. *Самуэльсон П.* Экономика. Т. 2. М.: Алгон, 1992. 416 с.
9. *Чупров А.И.* О современном значении и задачах политической экономики // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. № 4. С. 61—71.

References

1. Eurasian Political Economy / Ed. by I.A. Maksimtsev, D.Yu. Miropolsky, L.S. Tarasevich. SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, 2016. 684 p.

2. *Kirdina S.G.* Institutional matrices and the development of Russia: an introduction to X-Y theory. SPb.: Nestor-History, 2014. 468 p.
3. *Komissina I.N.* New «think tanks» with Chinese specifics: problems and prospects of development // *Russia and China. Asian Review*. 2019. November 11th.
4. *Kulkov V.M.* New perspectives in the Economics of Demand // *Problems of modern economics*. 2023. No. 3. P.70—73.
5. *Kulkov V.M.* On the actualization of a nationally oriented approach in economic theory // *Problems in Political Economy*. 2023. No. 3(35). P. 59—68.
6. *List F.* The national system of political economy. M.: Europe, 2005. 382 p.
7. *Marx K.* Capital. Vol. 1 // *Marx K., Engels F. Soch.* 2nd ed. Vol. 23. M.: Politizdat, 1969. 907 p.
8. *Samuelson P.* Economics. Vol. 2. M.: Algon, 1992. 416 p.
9. *Chuprov A.I.* On the modern meaning and tasks of political economy // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 6. Economics*. 2016. No. 4. P. 61—71.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ, В.А. РАЙЛЯН

**Современные аспекты социально-экономического
неравенства в России***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями социально-экономического неравенства в России. В работе показана динамика уровня бедности, денежных доходов населения, распределения населения по группам в зависимости от уровня дохода и др. На основании анализа статистической информации, работы с широким перечнем научной литературы, по итогам работы был сделан вывод о том, что на текущий момент ситуация с

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Альпидовская М.Л., Райлян В.А. Современные аспекты социально-экономического неравенства в России // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 58— 82. DOI: 10.5281/zenodo.11235189.

социально-экономическим неравенством в России требует углубления государственного контроля и управления в части реализации государственной политики по борьбе с социально-экономическим неравенством, а также стоит обратить внимание на эффективные в условиях российской экономики способы повышения уровня жизни населения.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, уровень бедности, денежные доходы, прожиточный минимум, уровень потребления, способы повышения уровня жизни.

Abstract. The article discusses issues related to the peculiarities of socio-economic inequality in Russia. The paper shows the dynamics of the poverty level, the monetary income of the population, the distribution of the population by groups depending on the income level, etc. Based on the analysis of statistical information, work with a wide range of scientific literature, the results of the work concluded that at the moment the situation with socio-economic inequality in Russia requires deepening state control and management in terms of implementing state policy to combat socio-economic inequality, and it is also worth paying attention to effective in the conditions of the Russian economy, ways to improve the standard of living of the population.

Keywords: socio-economic inequality, poverty level, monetary income, subsistence level, consumption level, ways to improve living standards.

УДК 330
ББК 65

Социально-экономическое неравенство является проблемой почти всех современных экономик. Оно обусловлено различными причинами, среди которых — уровень оплаты труда, экономическая стабильность и др. Последствия социально-экономического неравенства являются еще более серьезными, нежели его причины.

Актуальность данной работы заключается в том, что сегодня экономика России находится в непростой ситуации, в некоторой степени наблюдается перестройка экономики. Вследствие чего важно детально рассмотреть социально-экономическое неравенство как

одну из ключевых проблем государственной политики. Впервые проблемы уровня жизни обострились в период перехода экономики России к рыночному типу: ввиду экономической перестройки количество безработных возрастало, усиливалась дифференциация населения по уровню доходов. Сегодня эти проблемы до сих пор актуальны и их состояние обуславливает последующее развитие экономики России.

Исследованием социально-экономического неравенства и уровня жизни занимались многие исследователи, среди которых К. Маркс, М. Вебер, А. Смит, Д. Рикардо, А. Маршалл, А. Пигу рассматривали основы деления общества на классы; М.Л. Альпидовская, В.В. Антропов, В.М. Белобородов, А.А. Саидов и др. анализировали инструментарий социально-экономического неравенства, современные причины неравенства.

Анализ работ по данной теме показал, что проблема действительно актуальна и при любом изменении рыночной конъюнктуры она дает новый виток развития и проявляются новые последствия. Целью данной работы является анализ текущего социально-экономического неравенства в России, его проблем и перспектив.

Социально-экономическое неравенство является одной из ключевых проблем общества не только сегодня, но и с истоков формирования капиталистических отношений общества. Несмотря на то, что в последние годы был относительный экономический рост, относительная политическая стабильность, проблемы дифференциации населения все еще актуальны. Нарастающей проблемой остается дифференциация населения по уровню денежных доходов.

Говоря о социально-экономическом неравенстве, можно встретить и такие понятия, как социально-экономическая дифференциация, социально-экономическое расслоение. Под социальным неравенством подразумевается то, что общество состоит из различных слоев населения, которые имеют неравный доступ к благам и услугам. Классификация на богатые и бедные слои населения зависит не только от уровня дохода конкретного человека, но и от его богатства в целом. Если доход характеризуется как поток денежных средств, то богатство — это некий запас. Богатство может быть физическим (наличие в собственности недвижимости, драгоценных металлов и др.), финансовым (обладание денежными средствами,

финансовыми инструментами и др.), а также быть выражено как человеческий капитал (образование, воспитание, личностные качества человека). Таким образом, под социальным неравенством понимается социальная дифференциация, при которой общество разделено на слои, группы, классы в зависимости от того, каковы их жизненные шансы и возможности удовлетворения потребностей.

Понятие социально-экономического неравенства отличается тем, что оно подчеркивает экономическую причину социальной дифференциации. Социально-экономическая дифференциация общества означает то, что общество разделено по уровню жизни.

Социально-экономическое расслоение характеризует динамику дифференциации общества. То есть усиление различий в денежных доходах населения, приводящее к углублению дифференциации населения по уровню социальной обеспеченности.

М. Вебер выделял несколько компонентов неравенства: имущественное (богатство), различный престиж (какие-то группы имеют больший почет и уважение, какие-то — меньший), неравный доступ к власти. Таким образом, Вебер акцентировал внимание на взаимодействие классов как базу социально-экономического неравенства, в то время как Маркс выражал неравенство исключительно через деление общества на классы и группы. Согласно марксистскому взгляду на распределение, оно является неотъемлемой частью общественного воспроизводства (имеют место законы распределения по труду, возмещения затрат рабочей силы, стоимости и др.).

А. Смит и Д. Рикардо рассматривали теорию распределения через компоненты факторов производства (заработная плата, прибыль, рента). Трактовка распределения доходов сводилась к распределению доходов между тремя основными классами общества на основе принципов собственности и конкуренции.

Кейнсианство основывает свой подход на функциональном анализе агрегированных величин, перераспределительном механизме. Трактовка теории распределения в рамках этой экономической школы основана на государственном регулировании, которое непосредственно воздействует на перераспределение доходов путем бюджетно-налоговой политики, денежно-кредитного регулирования; таким образом, представители кейнсианской школы считают

социально-экономическое неравенство объективным экономическим аспектом [17, 32].

Исходя из рассмотренных понятий, можно сделать вывод о том, что в основном социальная дифференциация базируется именно на различиях в денежных доходах. Дифференциация доходов населения — это результат распределения доходов, выражающий степень неравномерности распределения благ и проявляющийся в различии долей доходов, получаемых разными группами населения.

Дифференциация доходов в обществе объективна, однако она должна быть рациональной. Когда дифференциация доходов относительно равномерная, общество характеризуется стабильным, платежеспособным и многочисленным средним классом.

Социально-экономическое неравенство чаще всего понимается как различие между людьми в зависимости от обеспеченности благами, удовлетворения своих потребностей. Можно выделить несколько групп факторов, которые оказывают прямое влияние на социально-экономическое неравенство общества: экономические, социальные, политические, демографические и др. [20, 191].

Все факторы воздействуют на социально-экономическое неравенство по-разному. Например, какие-то факторы имеют прямое воздействие, другие — косвенное; одни факторы влияют на формирование доходов населения и его несправедливость, другие — на распределение доходов и его неравномерность. Однако общее для всех факторов, влияющих на социально-экономическое неравенство, — то, что они взаимосвязаны между собой и могут как усиливать свое воздействие, так и ослаблять.

Одним из основных факторов социально-экономического неравенства является то, что социальные ресурсы недоступны населению в равных условиях. Здесь подразумевается, что многие образовательные услуги, медицинские услуги и другие базовые социальные ресурсы социального характера сегодня доступны населению только на платной основе. Финансирование социальной сферы не позволяет обеспечить все население бесплатным высшим образованием, доступом ко многим медицинским услугам (сегодня, например, для операции на глаза необходимо или очень долго ждать квоты, или идти делать операцию за счет своих средств, которые в таком объеме есть далеко не у всего населения). Отсюда вытекает не-

равенство людей в их способностях (не всегда человек способен сам, без помощи профессионалов, раскрыть свои природные способности; например, в оперном пении), уровне образования (обучение в бакалавриате в достойном вузе стоит более 400 000 р. в год — для многих семей это неподъемная сумма) и т. д. [17, 33].

Что касается факторов политической группы, то можно в общем отметить, что снижение дифференциации доходов и уровня бедности населения достигается, во-первых, за счет перераспределения государством доходов с помощью социальных трансфертов, во-вторых, за счет прогрессивной шкалы налогообложения [12, 159].

Таким образом, к причинам социально-экономического неравенства отнесем кризисное состояние экономики, инфляцию, безработицу (кроме естественной), диспропорцию в доходах населения, снижение объема и качества бесплатных услуг в социальной сфере, иные причины институционального характера [15].

Уровень жизни как социально-экономическая категория представляет собой степень удовлетворения материальными и духовными потребностями, выражается в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг, оцениваемых системой показателей. Уровень жизни является важнейшим аспектом социально-экономической политики государства. Данная категория позволяет сделать вывод о том, как живет население, какие блага оно себе позволяет.

Социально-экономическое неравенство и уровень жизни взаимосвязаны. Социально-экономическое неравенство является одним из факторов определения уровня жизни, а то, что уровень жизни бывает разным, является основой дифференциации общества [1, 41; 14; 18].

Категория уровня жизни впервые встречается в работах К. Маркса, который пишет о том, что «уровень жизни предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются». Затем А. Маршалл писал о том, что уровень жизни — это уровень жизненных удобств, которыми располагает человек; отсюда вытекает понятие образа жизни. Его последователь А. Пигу при-

равнивал уровень жизни к благосостоянию, т. е. это степень удовлетворенности жизнью [6].

Количественная оценка социально-экономического неравенства и уровня жизни основывается на базовых макроэкономических показателях, среди которых: индекс Джини, коэффициент фондов, распределение денежных доходов по процентным группам, распределение численности населения по размерам соотношения денежных доходов, величины прожиточного минимума, структуры доходов и расходов населения и др. [5, 115].

Коэффициент фондов является одним из базовых коэффициентов оценки дифференциации доходов населения. Так, данный показатель характеризует то, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами. То есть методика его определения представляет собой отношение 10% наиболее обеспеченных слоев населения к 10% наименее обеспеченных слоев населения. В частности, за последние десятилетия коэффициент фондов в России постепенно увеличивается, и на сегодня средний коэффициент фондов по России превышает 15%.

Индекс Джини характеризует степень неравенства различных вариантов распределения дохода. Как правило, в рамках экономической теории индекс Джини рассматривается в совокупности с кривой Лоренца. Основная идея состоит в том, чтобы каждая группа населения получала пропорциональный доход. Исходя из того, какой процент дохода соответствует 20% населения и каково равно распределением доходов в обществе, определяется индекс Джини. За последние 10 лет индекс Джини изменился незначительно, его значение составляет от 0,41 до 0,43. По сравнению с европейскими показателями этот показатель выше среднего.

Величина прожиточного минимума является неким индикатором уровня бедности в стране. Бедность является объективным последствием социально-экономического неравенства. Например, в России после приватизационной политики достаточно сильно выросла доля олигархата, при этом большая часть населения России все еще относится к наименее обеспеченным слоям населения. Большинство людей не способно удовлетворить все свои текущие

потребности за счет своего располагаемого дохода, поэтому социальные выплаты и льготы являются для них важнейшим элементом их жизнедеятельности. Согласно трактованию прожиточного минимума, к бедным относится то население, которое в месяц получает доход меньше, чем величина установленного прожиточного минимума [25, 80].

Применение данных показателей в основном направлено на оценку распределения денежных доходов, но не учитываются и другие аспекты социально-экономического неравенства: условия жизни и труда, уровень образования, качество и доступность медицинских услуг, район проживания, развитие городской инфраструктуры и др. [24, 302].

Социально-экономическое неравенство в России стоит рассматривать на основании данных Росстата по следующим показателям: уровень денежных доходов населения, численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума), структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования, расходы на потребление и доходы населения по 10%-ым группам [23, 270]. Помимо этого, важно затронуть неравенство населения по имуществу и по доступу к различным благам.

Уровень денежных доходов населения по России представлен в табл. 1. Для сравнения были выбраны данные за 2020 и 2021 гг. (данные за 2022 г. на момент апреля 2024 г. представлены в отношении узкого перечня показателей). Как видно из таблицы 1, за год денежные доходы населения в расчете на душу населения выросли на 4 032 р. За исследуемый период дифференциация субъектов по уровню доходов не изменилась. Лидирующее место занимает Центральный федеральный округ, где денежные доходы находятся на уровне выше среднего (за 2020 г. — 48 566 р., при среднем по России 36 240 р., за 2021 г. — 54 727 р., при среднем по России 40 272 р.). Второе место занимает Северо-Западный федеральный округ с доходами за 2020 г., равными 39 486 р., за 2021 г. — 44 531 р. По сравнению с Центральным ФО разница в доходах возрастает и является достаточно большой, более 10 тыс. р. Третье место занимает Дальневосточный федеральный округ: за 2020 г. денежные доходы на душу населения составили 39 086 р., за 2021 г. —

42 455 р. Наименьший объем денежных доходов получился в Северо-Кавказском федеральном округе. Так, за 2020 г. на душу населения денежные доходы составили 24 525 р., на 2021 г. — 26 774 р. Стоит отметить, что в целом доходы на душу населения невысокие, учитывая, сколько людей находится за чертой бедности. Таким образом, по федеральным округам России уровень денежных доходов сильно различается. Причины этого носят не только социально-экономический характер (нехватка рабочих мест, отсутствие достаточного уровня социально-активного и работающего населения и др.), но также влияют климатические условия (например, местность позволяет заниматься только одним видом деятельности, но доходы и занятость ограничены), иные причины.

Таблица 1

Уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам РФ

	2020 г.		2021 г.	
	Денежные доходы в расчете на душу населения (р./мес.)	Место в РФ	Денежные доходы в расчете на душу населения (р./мес.)	Место в РФ
РФ, среднее	36 240	—	40 272	—
Центральный ФО	48 566	1	54 727	1
Северо-Западный ФО	39 486	2	44 531	2
Южный ФО	30 910	5	34 974	5
Северо-Кавказский ФО	24 525	8	26 774	8
Приволжский ФО	28 625	6	31 306	6
Уральский ФО	37 351	4	40 219	4
Сибирский ФО	27 999	7	30 770	7
Дальневосточный ФО	39 086	3	42 455	3

Источник: составлено авторами на основании [25].

Из таблицы 2 видно, что численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составляет около 16 млн чел. на 2021 г. При этом величина прожиточного минимума для России в целом на данный год была установлена на уровне 12 654 р. Численность населения России на 2021 г. составила порядка 147 млн чел. Таким образом, более 10% населения находится за чертой бедности и обладает денежными доходами выше прожиточного минимума.

Согласно данным Росстата, также важно отметить, что до 2015 г. численность населения ниже границы бедности имела тенденцию к увеличению и своего пика достигла к 2015 г., когда почти 20 млн чел. получали доходы ниже величины прожиточного минимума. Во многом это было обусловлено тем, что в 2014 г. против России стали вводить множество санкций и население переживало непростой кризисный период. К 2021 г. численность бедного населения не вернулась на уровень 2013 г. (15,5 млн чел.), что говорит о еще существующих серьезных проблемах экономики. Однако особого внимания заслуживает численность населения ниже границы бедности на момент 2022 г., за весь исследуемый период — это наименьшее значение. Возникает объективный вопрос о том, как резко за год перестройки экономики, роста цен, обесценения заработной платы численность населения за границей прожиточного минимума сократилась аж на 2 млн чел.

Таблица 2

Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
РФ, всего в млн чел.	15,5	16,3	19,6	19,4	18,9	18,4	18	17,7	16	14,3

Источник: составлено авторами на основании [22].

Далее необходимо рассмотреть структуру денежных доходов населения по основным источникам их формирования (табл. 3). Как видно из таблицы 3, на 2021 г. основная доля приходится на доходы от оплаты труда, и эта доля сильно разнится по федеральным окру-

гам. Так, в Дальневосточном ФО доля оплаты труда составляет 67,6%, что является самым высоким значением по субъектам РФ. Самая низкая доля приходится на Северо-Кавказский ФО, где оплата труда составляет около 33,5%. Среднее значение по России находится на отметке 57,3%.

Следующим основополагающим доходом являются социальные выплаты. Более 27% совокупного дохода приходится на социальные выплаты в Сибирском ФО, в то время как чуть более 16% доходов составляют социальные выплаты для жителей Центрального ФО. Среднее значение доли социальных выплат по России составляет 20,6% [7, 110].

Прочие денежные доходы, которые включают в себя безвозмездные переводы, деньги, полученные по переводам, и др., составляют почти 11% по России. Наибольший показатель приходится на Северо-Кавказский ФО (33,3%), а наименьший показатель — на Дальневосточный ФО (2%).

Доходы от предпринимательской деятельности и доходы от собственности составляют примерно одинаковую долю. Так, в среднем по России за 2021 г. доходы от предпринимательской деятельности составили 5,5%, а доходы от собственности — 5,7%. В Южном ФО на долю доходов от предпринимательства приходится порядка 8,7%, что является наибольшим значением. Самый низкий уровень доли дохода от предпринимательства приходится на Уральский ФО. Что касается доходов от собственности, то здесь жители Центрального ФО в большей степени формируют свои доходы за счет, например, сдачи собственности в аренду и т. д. Доля дохода составляет около 8,8%. Примерно 1% дохода от собственности соответствует Северо-Кавказскому ФО.

Таким образом, можно с четкой определенностью сказать, что доходы от оплаты труда являются основными в структуре совокупного дохода населения. Дифференциация по структуре формирования дохода весьма отличается по федеральным округам, что обусловлено их трудовой деятельностью, месторасположением (как правило, все стараются ехать в Центральный ФО и снимать/покупать квартиру здесь, поэтому доля дохода от собственности здесь наибольшая), транспортной доступностью, развитостью инфраструктуры и др.

Таблица 3

**Структура денежных доходов населения по основным
источникам их формирования в России за 2021 г., в %**

	Доходы от предпри- мательской деятельности	Оплата труда	Социаль- ные вы- платы	Доходы от собствен- ности	Прочие денежные поступле- ния
РФ, среднее	5,5	57,3	20,6	5,7	10,9
Центральный ФО	4,8	59,5	16,1	8,8	10,8
Северо- Западный ФО	5,6	62,6	21,2	6,8	3,8
Южный ФО	8,7	44,7	20,8	2,7	23,1
Северо- Кавказский ФО	7,7	33,5	24,5	1	33,3
Приволжский ФО	5	54,1	24,7	3,8	12,4
Уральский ФО	3,9	63,6	22,2	4,8	5,5
Сибирский ФО	6,1	60,4	27,1	3,2	3,2
Дальнево- сточный ФО	5,2	67,6	22,2	3	2

Источник: составлено авторами на основании [25].

Далее обратимся к расходам населения на потребление. Для этого рассмотрим данные за 2020 и 2021 гг., расходы на потребление по нескольким видам и потребительские расходы целиком. В качестве некоторых видов расходов на потребление были выбраны расходы на образование и здравоохранение, домашнее питание (в том числе денежные расходы на него), чтобы показать, что основной статьёй расхода является именно питание. Расходы представлены в соответствии с децильной группой населения.

Таблица 4

Расходы на потребление домашних хозяйств по 10%-м группам населения, в среднем на члена домохозяйства, в р./мес.

Расход/ группа	Расходы на потребление	Домашнее питание	Денежные расходы	Здравоохранение	Образование	Потребительские расходы, всего
2020 г.						
1	6 183	3 263	2 782	178	14	5 702
2	8 716	4 334	3 759	290	34	8 141
3	10 471	4 950	4 363	387	57	9 895
4	12 184	5 566	4 937	474	76	11 556
5	13 968	6 075	5 395	565	123	13 302
6	16 266	6 763	6 120	671	260	15 623
7	18 818	7 587	6 952	757	154	18 183
8	22 886	8 664	8 007	971	262	22 263
9	27 637	9 230	8 559	1 279	232	27 033
10	50 653	10 088	10 088	1 656	317	50 077
2021 г.						
1	6 941	3 558	3 018	200	82	6 401
2	9 838	4 682	4 076	323	125	9 230
3	11 914	5 485	4 844	427	171	11 272
4	13 787	6 015	5 356	533	191	13 103
5	15 755	6 714	6 005	633	212	15 043
6	18 490	7 396	6 682	755	307	17 768
7	21 595	8 072	7 387	910	333	20 861
8	25 691	8 880	8 298	1 166	390	25 116
9	32 236	9 985	9 274	1 679	737	31 514
10	55 302	10 949	10 350	1 953	436	54 759

Источник: составлено авторами на основании [22].

Так, наименее обеспеченные слои населения в расчете на члена семьи потратили на домашнее питание чуть более 3 000 р. за месяц, в то время как наиболее обеспеченная группа населения —

10 088 р. Как видно, дифференциация существенная, если учесть постоянный рост цен и то, сколько и что можно купить на 3 000 р. в месяц для одного человека. Наименее обеспеченная группа населения, скорее всего, обходится только товарами первой необходимости.

Расходы на здравоохранение и образование чрезмерно низкие. Так, представитель наименее обеспеченной группы населения в 2020 г. потратил на свое образование около 14 р. в месяц, а член 10-й децильной группы — 317 р. Расходы на здравоохранение несколько выше: 1-я децильная группа тратила 178 р. в мес., 10-я децильная группа — 1 656 р. в мес.

Если говорить о 2—9 группах, то здесь наблюдается постепенный рост. На 5-ю децильную группу не всегда приходится около половины расходов 10-й децильной группы. Например, на здравоохранение члены 5-й децильной группы потратили 565 р. в мес., что почти в 3 раза меньше, чем в 10 группе.

В 2021 г. расходы несколько увеличились по всем статьям и группам. Например, совокупные потребительские расходы 3-й группы в 2020 г. составили 9895 р., а в 2021 г. — 11 272 р. Заметно возросли доходы на здравоохранение и образование: минимальный уровень расходов на образование в месяц в 2021 г. находился на уровне 82 р., что более чем в 5 раз выше уровня 2020 г.; здравоохранение также несколько увеличилось (например, уровень расходов 9-й децильной группы больше уровня расходов 10-й группы на 2020 г.) [11].

Наконец, необходимо рассмотреть средние доходы по децильным группам за IV квартал 2022 г. Первая группа в среднем по России получила доход ниже, чем уровень прожиточного минимума на месяц. Повышение уровня прожиточного минимума не способствует повышению уровня доходов населения, поэтому уровень бедности все еще находится на уровне 10% населения. Например, 7-я группа получила в среднем 54 694 р. Это достаточно неплохой уровень дохода, чтобы обеспечить удовлетворение своих базовых потребностей в полной мере. Однако сильная дифференциация начинается уже на уровне 9—10 групп, которым соответствуют доходы в размере 90 961 р. и 165 695 р. Если смотреть на дифференциацию по группам в целом, то на 9—10 группы приходится

наибольший объем доходов, и сама дифференциация между ними составляет почти вдвое больше.

Таблица 5

Доходы населения по 10%-м группам на IV квартал 2022 г., в р.

Все население	1 гр.	2 гр.	3 гр.	4 гр.	5 гр.
54 466	10 535	18 283	24 188	30 217	36 897
Все население	6 гр.	7 гр.	8 гр.	9 гр.	10 гр.
54 466	44 770	54 694	68 425	90 961	165 695

Источник: составлено авторами на основании [22].

В последние несколько лет в большей степени исследованию подвергаются неравенство населения по имущественному признаку и по доступности различных благ. Так, за период 2011—2018 гг. в России наблюдается снижение доступности благ для населения, в частности, это доступность занятости.

Также социально-экономическое неравенство выражается в неравном доступе к социальным услугам, а именно — к медицинским услугам. Это обусловлено региональными отличиями в обеспеченности медицинским оборудованием и др. Доступность к медицинским услугам осложняется и сокращением численности врачей, что вызывает чрезмерную нагрузку на действующий медицинский персонал. Помимо этого, сокращается финансирование сферы здравоохранения, в связи с чем население вынуждено обращаться к платным услугам, которые многим просто недоступны.

Имущественное неравенство выражается в наличии и потреблении товаров длительного пользования и доступности жилья. В тех регионах, в которых наименьший уровень среднедушевых доходов, наблюдается снижение совокупного потребительского спроса, что вызывает еще большую дифференциацию по товарам длительного пользования (для сравнения: в 2018 г. минимальный уровень обеспеченности ТДП был отмечен в Ингушетии (около 300 ед. ТДП), а максимальный уровень — в Мурманской области (около 500 ед. ТДП)).

Приобретение жилья — это своеобразная роскошь для населения в России. Во-первых, приобрести жилье без привлечения ипотеки могут позволить себе далеко не все; во-вторых, выплата этих средств также является бременем для населения. Согласно статистике, около 2,4 млн людей в России находилось на учете в качестве нуждающихся в жилье в 2018 г. [4, 90].

Социально-экономическое неравенство в России является источником многих других проблем социальной сферы. Экономика России представляет из себя сырьевой олигархический капитализм. Проявление этого капитализма есть стремление любыми путями и как можно скорее получить сверхприбыль, при этом не выполняя никаких социальных функций. К сожалению, российский бизнес вместе с органами государственной власти по большей части не считается с интересами населения, и однажды эта модель управления может дать сильнейшую трещину, которая приведет к развалу всей системы.

Здесь в параллель можно привести позицию В.И. Ленина: для него, как и для К. Маркса, путь решения проблемы социальной справедливости сводится к трем основным моментам:

- 1) экономическая справедливость сводится к проблеме равноправия;
- 2) само экономическое равноправие сводится к уничтожению классов;
- 3) следовательно, справедливость сводится к уничтожению классов.

«Хотя вся деятельность В.И. Ленина была направлена на уничтожение классов и построение общества без классов, общества действительно равноправных и свободных граждан, даже пусть ликвидация классов, по его мысли, есть путь к полной социальной справедливости. А ведь именно в этом ключе Ленин решает проблему равенства и справедливости применительно к коммунистическому обществу. Рассматривая коммунистическое общество в его первой фазе, он делает вывод, что равноправие и справедливость в первой фазе коммунизма невозможны в силу сохранения различия в богатстве, когда останутся различия в доходах, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, если средства производства

фабрики, машины, земля и прочее — не останутся в частной собственности» [13].

Сегодня разрабатываются, принимаются и реализуются многочисленные социально-экономические программы, направленные на сглаживание неравенства общества. Однако социально-экономическая политика в полной мере не учитывает интересы социальных слоев, не действует в интересах преодоления социального расслоения и напряженности [9; 10].

Одним из основных последствий социально-экономического неравенства является то, что российское общество вовсе потеряло уверенность в том, что они смогут реализоваться в России и обеспечить себе достойный уровень жизни. В большей степени это касается молодежи, ведь они не видят никаких перспектив в экономике, где многие компании закрываются, зарплаты или не растут, или сокращаются, высшее образование становится все более недоступным (а по окончании университета нет уверенности в том, что получится трудоустроиться). Многие высококвалифицированные кадры стараются найти более выгодные варианты или в смежных отраслях, или в целом в других странах. Сегодня абсолютно любой человек в России может оказаться без средств к существованию. В качестве примера можно привести результаты социологического опроса «Левада-центра» от 2019 г. Им были опрошены люди в возрасте от 18 до 24 лет, и по результатам более 40% респондентов изъявили желание покинуть Россию и уехать жить за границу на постоянное место жительства. Данный итог, по мнению П. Циткилова, позволил сделать вывод о том, что современная российская экономика находится в состоянии системного неблагополучия [21, 9].

Еще одним последствием является то, что падает уровень доверия к представителям власти. Люди уверены, что раз население находится на грани выживания и государство не предпринимает необходимых мер, то, значит, оно вовсе в этом не заинтересовано. Россия находится на 11-м месте из 16 возможных по уровню доверия парламенту и на 10-м месте по уровню доверия партиям. Такой настрой также обусловлен тем, что многие до сих пор считают состояние олигархата итогом неправильно проведенной политики приватизации. Социально-психологический настрой, заостренное

внимание на благосостоянии олигархата — результат социальной несправедливости.

Ранее упоминалось про уровень бедности в России (исходя из величины прожиточного минимума). Так, если применить методики оценки бедности, которые применяют международная Организация экономического сотрудничества и Евростат, то количество бедного населения в России окажется больше. Различные эксперты отмечают, что величина прожиточного минимума не соответствует реальной жизненной ситуации и определение его величины необъективно по своему существу.

Еще одним серьезным последствием социально-экономического неравенства является то, что люди начинают искать решение своих финансовых проблем во вредных привычках. Например, человек не может трудоустроиться по своей специальности или ему предлагают чересчур низкую оплату труда. Люди начинают связываться с криминалом, чтобы заработать легкие и быстрые деньги, или заниматься иной противозаконной деятельностью. Обращаясь к статистическим данным о пагубных привычках населения, можно сделать вывод о том, что они имеют большое значение в жизни людей. И даже траты на сигареты, акцизы на которые ежегодно возрастают, от чего увеличивается и стоимость, не останавливают их.

Также важно отметить, что социально-экономическое неравенство является катализатором экономического развития. Но при этом чрезмерное социально-экономическое неравенство выступает барьером для межрегиональных инвестиционных потоков. В этом случае капитал не переходит от региона к региону, происходит серьезный экономический рывок одних регионов по отношению к другим, что в дальнейшем определяет условия труда, оплату труда, инфраструктуру и др. Практика показывает, что, по мере увеличения неравенства между богатыми и бедными регионами, возможности межрегионального перелива капитала уменьшаются. Соответственно нарушается рыночный механизм обеспечения равномерного развития территории страны, и актуализируется вмешательство государства [8, 213].

Общими последствиями социально-экономического неравенства являются различные психологические настроения по поводу

богатства других людей, различный уровень доходов, неравный доступ к образованию, здравоохранению, различные условия регионов [19].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в России около 10% населения находится за чертой бедности, большая часть доходов населения тратится на потребление (в частности, на питание), а наибольшая доля доходов обеспечивается доходом от оплаты труда. Дифференциация по уровню жизни по регионам сильно разнится. Например, доходы от собственности обеспечивают в большей степени население Центрального ФО, а оплата труда в большей степени — это источник доходов для жителей Дальневосточного ФО. Последствия такого социально-экономического неравенства могут быть также различны, начиная от морального настроения населения, заканчивая уровнем образования и умственных способностей населения [3, 135].

Одним из основных инструментов сглаживания социально-экономического неравенства является введение прогрессивной системы налогообложения. Используя прогрессию, государство более эффективно перераспределяет средства, особенно в отношении наименее обеспеченных слоев населения. За последние 20 лет многие страны, которые используют прогрессивную шкалу налогообложения, показали большие успехи в экономическом росте, в повышении уровня жизни, нежели это произошло в России. В России и в других странах с наибольшим уровнем неравенства (например, ЮАР, Бразилия) прогрессивная система налогообложения или вовсе не работает, или является неэффективной [2, 25]. Основными причинами этой неэффективности выступают: высокая доля теневой экономики, отсутствие стабильного и платежеспособного среднего класса, низкие доходы населения. Отсутствие прогрессивной шкалы налогообложения также сопровождается отсутствием и многих прямых налогов (например, налог на наследование и дарение), перекладывание налогового бремени на беднейшие слои населения через введение косвенных налогов, которые население уплачивает в ходе потребления товаров и услуг.

В России можно повысить уровень жизни через введение прогрессивного налогообложения, однако для этого необходимо в достаточном объеме финансировать социальную сферу (высшее

образование должно быть доступным как минимум для большинства граждан, различные дополнительные занятия для детей школьного возраста должны быть профинансированы со стороны государства, а не со стороны родителей и т. д.), инвестировать в производственный сектор экономики (развивать свое промышленное производство, а не покупать все комплектующие у других стран; развивать экспорт разнообразных товаров и услуг, уходя от сырьевого типа экономики и т. д.). [16, 557].

Таким образом можно сделать вывод о том, что уровень жизни и социально-экономическое неравенство являются важнейшими проблемами экономического роста любой страны. В России социально-экономическое неравенство является угрозой национальной безопасности, поэтому для повышения уровня жизни населения и сглаживания неравенства действуют различные социально-экономические программы и стратегии. В основном государство старается преодолевать неравенство через регулирование цен, введение величины прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, перераспределение сверхдоходов, выплату социальных трансферт и др. На наш взгляд, в России, в первую очередь, необходимо обеспечить равный доступ к социальным благам и создать основу для среднего класса. Затем уже исходить из того, что необходимо вводить прогрессивное налогообложение, развивать сферу социального страхования, минимизировать бедность.

Литература

1. Альпидовская М.Л. Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // Философия хозяйства. 2013. № 1 (85). С. 37—46.
2. Антропов В.В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15 (3). С. 21—37.
3. Басманова П.А., Яковлева Е.Е., Альпидовская М.Л. Человек эпохи перемен в контексте социально-экономической трансформации систем // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 1. С. 132—141.

4. *Басова Е.* Региональное неравенство в контексте доступности социально значимых благ: компаративная оценка // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 20 (1). С. 83—98.

5. *Белобородов В.М.* Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения // Экономическая социология. 2020. С. 113—123.

6. *Владимирова А.А., Шнякин К.В.* Уровень и качество жизни как объект социально-экономической политики государства // X Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум — 2018»: URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005179?ysclid=lggfb6tqsg66731480> (дата обращения: 05.04.2024).

7. *Гончарова К.С.* Социально-экономическая политика, направленная на снижение экономического неравенства населения (на примере субъектов ЦФО) // Социально-экономические факторы демографического развития. 2019. С. 107—117.

8. *Демидова К.И., Пронина Е.С., Альпидовская М.Л.* Роль государства в процессе трансформации социально-экономической системы // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2024. № 1 (65). С. 209—220.

9. *Дорофеев М.Л.* Современная концепция регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. 2022. № 57. С. 45—60.

10. *Дорофеев М.Л.* Экономическое неравенство в России: проблемы и пути их решения // Вестник университета. 2020. № 9. С. 85—93.

11. *Калабеков И.Г.* Российские реформы в цифрах и фактах: URL: <https://refru.ru> (дата обращения: 13.04.2024).

12. *Кочубей Е.И., Бондаренко И.А., Мельников Н.А.* Взаимосвязь экономического роста и социально-экономического неравенства // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 41 (3). С. 158—161.

13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 7. М.: Политиздат, 1969. С. 129—203.

14. *Мартынова С.М.* Социальное неравенство и проблема бедности в России // Юный ученый. 2022. № 4 (56). С. 38—40.

15. *Мельничук К.П.* Социально-экономическое неравенство и причины его усиления // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2017: URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037319?ysclid=lgts64lmf6272243292> (дата обращения: 05.04.2024).

16. *Морозова М.М.* Повышение уровня и качества жизни населения России // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 557—558.

17. *Николаева Е.Е.* Концепции распределительных отношений в истории экономической мысли // Журнал историко-экономических исследований. 2017. № 1. С. 32—52.

18. *Попова Е.А., Альтидовская М.Л.* Современные тенденции бедности и социального неравенства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2023. № 32. С. 189—197.

19. *Саидов А.А.* Социальное неравенство в российском обществе: причины и последствия: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-rossiyskom-obschestve-prichiny-i-posledstviya?ysclid=lgb5ahnmyu26167261> (дата обращения: 10.04.2024).

20. *Селиверстова Н.И.* Факторы, влияющие на социально-экономическое неравенство в России // Международный журнал «Естественно-гуманитарные исследования». 2021. № 34 (2). С. 189—193.

21. *Соболь Т.С.* Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Экономика и управление. 2020. № 3 (34). С. 7—12.

22. Федеральная служба государственной статистики: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 29.03.2024).

23. *Хаустова К.В., Цхададзе Н.В.* Анализ социально-экономической дифференциации и уровня благосостояния населения России // Инновации и инвестиции. Экономика отраслей и регионов. 2019. № 1. С. 269—272.

24. *Цхададзе Н.В.* Социально-экономическое неравенство населения России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 300—306.

25. Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4 (15). С. 74—87.

References

1. Al'pidovskaya M.L. Social'no-ekonomicheskaya evfemizaciya kak sposob sushchestvovaniya sovremennogo ekonomizma // *Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 1 (85). S. 37—46.
2. Antropov V.V. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire: instrumentarij ocenki, tendencii i strategii preodoleniya // *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2022. № 15 (3). S. 21—37.
3. Basmanova P.A., YAKovleva E.E., Al'pidovskaya M.L. Chelovek epohi peremen v kontekste social'no-ekonomicheskoy transformacii sistem // *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Hetagurova*. 2023. № 1. S. 132—141.
4. Basova E. Regional'noe neravenstvo v kontekste dostupnosti social'no znachimyh blag: komparativnaya ocenka // *ZHurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2022. № 20 (1). S. 83—98.
5. Beloborodov V.M. Problema regional'nogo neravenstva v Rossii: prichiny i puti resheniya // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2020. S. 113—123.
6. Vladimirova A.A., SHnyakin K.V. Uroven' i kachestvo zhizni kak ob"ekt social'no-ekonomicheskoy politiki gosudarstva // X Mezhdunarodnaya studencheskaya elektronnyaya nauchnaya konferenciya «Studencheskij nauchnyj forum — 2018»: URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005179?ysclid=lggfb6tqsg66731480> (data obrashcheniya: 05.04.2024).
7. Goncharova K.S. Social'no-ekonomicheskaya politika, napravlennaya na snizhenie ekonomicheskogo neravenstva naseleniya (na primere sub"ektov CFO) // *Social'no-ekonomicheskie faktory demograficheskogo razvitiya*. 2019. S. 107—117.
8. Demidova K.I., Pronina E.S., Al'pidovskaya M.L. Rol' gosudarstva v processe transformacii social'no-ekonomicheskoy sistemy // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. ekonomika i upravlenie*. 2024. № 1 (65). S. 209—220.

9. *Dorofeev M.L.* Sovremennaya koncepciya regulirovaniya social'no-ekonomicheskogo neravenstva domohozyajstv // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika. 2022. № 57. S. 45—60.
10. *Dorofeev M.L.* Ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: problemy i puti ih resheniya // Vestnik universiteta. 2020. № 9. S. 85—93.
11. *Kalabekov I.G.* Rossijskie reformy v cifrah i faktah: URL: <https://refru.ru> (data obrashcheniya: 13.04.2024).
12. *Kochubej E.I., Bondarenko I.A., Mel'nikov N.A.* Vzaimosvyaz' ekonomicheskogo rosta i social'no-ekonomicheskogo neravenstva // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2022. № 41 (3). S. 158—161.
13. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch.: V 55 t. 5-e izd. T. 7. M.: Politizdat, 1969. S. 129—203.
14. *Martynova S.M.* Social'noe neravenstvo i problema bednosti v Rossii // YUnyj uchenyj. 2022. № 4 (56). S. 38—40.
15. *Mel'nichuk K.P.* Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo i prichiny ego usileniya // Materialy IX Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». 2017: URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037319?ysclid=lgts64lmf6272243292> (data obrashcheniya: 05.04.2024).
16. *Morozova M.M.* Povyshenie urovnya i kachestva zhizni naseleniya Rossii // Molodoj uchenyj. 2019. № 22 (260). S. 557—558.
17. *Nikolaeva E.E.* Koncepcii raspredelitel'nyh otnoshenij v istorii ekonomicheskoy mysli // ZHurnal istoriko-ekonomicheskikh issledovanij. 2017. № 1. S. 32—52.
18. *Popova E.A., Al'pidovskaya M.L.* Sovremennye tendencii bednosti i social'nogo neravenstva // Vestnik YUzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Ser.: Social'no-ekonomicheskie nauki. 2023. № 32. S. 189—197.
19. *Saidov A.A.* Social'noe neravenstvo v rossijskom obshchestve: prichiny i posledstviya: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-rossiyskom-obshchestve-prichiny-i-posledstviya?ysclid=lgb5ahnmyu26167261> (data obrashcheniya: 10.04.2024).
20. *Seliverstova N.I.* Faktory, vliyayushchie na social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal «Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya». 2021. № 34 (2). S. 189—193.

21. *Sobol' T.S.* Uroven' zhizni naseleniya Rossii: sovremennyy vzglyad na dejstvitel'nost' // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.YU. Vitte. Ekonomika i upravlenie. 2020. № 3 (34). S. 7—12.
22. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (data obrashcheniya: 29.03.2024).
23. *Haustova K.V., Ckhadadze N.V.* Analiz social'no-ekonomicheskoy differenciacii i urovnya blagosostoyaniya naseleniya Rossii // Innovacii i investicii. Ekonomika otraslej i regionov. 2019. № 1. S. 269—272.
24. *Ckhadadze N.V.* Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo naseleniya Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 6. S. 300—306.
25. *SHatalova O.M., Kasatkina E.V.* Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo regionov RF: voprosy izmereniya i dolgosrochnaya retrospektivnaya ocenka // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2022. № 4 (15). S. 74—87.

В.Е. ГАВРИЛОВА

Денежные суррогаты как инструмент иллюзорной социальной эмансипации в XXI в.*

Аннотация. Целью исследования является анализ воздействия новых форм и видов денег на человека в процессе социализации. Современный период глобального финансового кризиса порождает новые денежные инструменты и технологии, которые формируют новые социальные реалии и культурные навыки, что нуждается в осмыслении и оценке. Так, одним из значимых социально-культурных преобразований социального мышления стали социальные иллюзии, что новые формы денег дают невиданную степень свободы от социальной регламентации. Однако стремительный рост денежных суррогатов, в основном за счет электронных и цифровых

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гаврилова В.Е. Денежные суррогаты как инструмент иллюзорной социальной эмансипации в XXI в. // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 82—93. DOI: 10.5281/zenodo.11235242.

криптоактивов, вызывает к жизни новые варианты социальной несвободы человека. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда беспрецедентная социокультурная вседозволенность на деле оказывается монетарной зависимостью, которая характеризуют ментальность современного человека.

Ключевые слова: деньги, денежные суррогаты, функции денег, платежные инструменты, криптовалюта.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the impact of new forms and types of money on a person in the process of socialization. The current period of the global financial crisis gives rise to new monetary instruments and technologies that form new social realities and cultural skills that need to be understood and assessed. Thus, one of the significant socio-cultural transformations of social thinking has become the social illusion that new forms of money provide an unprecedented degree of freedom from social regulation. However, the rapid growth of monetary surrogates, mainly due to electronic and digital crypto-assets, gives rise to new variants of human social unfreedom. As a result, a paradoxical situation has arisen when unprecedented sociocultural permissiveness in fact turns out to be a monetary dependence that characterizes the mentality of modern man.

Keywords: money, money surrogates, functions of money, payment instruments, cryptocurrency.

УДК 336.74
ББК 65.262.6

Исторические формы денежных суррогатов

Денежные суррогаты существовали всегда: не исключено, что с них началась история денег. Это справедливо в случае с доминированием неторгового, ритуального начала денег, когда для обеспечения статусного взаимодействия в виде покупки должности, выкупа вождя, война, невесты, оплаты дани или штрафа использовались исторически первые формы денег [1, 5].

Нет сомнения, что поиски «суррогата» [11, 491] денег, т. е. более доступного или вынужденного аналога, который не обладает

всем функционалом оригинала на первых этапах формирования этого социального института, были постоянными.

В широком смысле «денежный суррогат» — это специфический механизм выражения стоимости и осуществления расчетов между хозяйствующими субъектами. Его появление инициировано частными лицами и может быть как следствием поиска нелегальных, но легитимных способов уменьшения транзакционных издержек, так и результатом кризисных явлений в экономике, таких как дефицит законных платежных средств или жесткая денежно-кредитная политика со стороны денежных властей. Официальная позиция власти состоит в том, что денежные суррогаты в современных условиях не являются элементом финансовой системы и не могут быть признаны явлениями одного порядка с деньгами. В обширной финансовой литературе синонимичными понятиями для «денежного суррогата» являются такие термины, как «заменители денег» [16, 131], «денежные субституты», «квазиденьги» [9], «почти деньги» [15].

Экономическая природа денежных суррогатов крайне противоречива. Так, исторические формы денежных суррогатов в виде товаров-эквивалентов, ценных бумаг, казначейских налоговых освобождений одновременно являются и не являются деньгами. Деньги прошли в своем развитии несколько стадий и не являются однородным явлением. Выделяют товарные, кредитные, государственные, криптоденьги. При этом каждый новый вид дополнял предыдущий, нередко выступая в качестве суррогата по отношению к более ранним формам и видам денег.

Более 2800 лет назад Гомер упоминал скот в качестве денег в своем эпосе. Древние угорские племена использовали мех для оплаты значимых демографических событий: слова «невестка», «свадьба» в современном венгерском языке являются однокоренными с мехом ласки.

В США после введения доллара одна денежная единица «вампу» в виде пришитых на кожаном поясе раковин каури была официально оценена в 40 долл. и продолжила хождение [10, 25].

В XVII в. в Московском государстве мех куницы служил суррогатными деньгами, которые из-за недостатка денег официально принимались в уплату торговых пошлин [18].

В XIX в. русские экономисты и юристы относили к денежным суррогатам государственные кредитные билеты, поскольку они не могут конвертироваться в полноценные деньги, так как утратили способность отражать ценность в соответствии с номинальным содержанием драгоценного металла [17].

В царской России банковские билеты однозначно считались денежными суррогатами. Так, профессор Императорского Казанского университета П.А. Никольский в работе 1892 г. «Бумажные деньги в России», полемизируя с европейскими экономическими светилами того времени — Д. Рикардо, Дж. Ллойдом, У. Ст. Джевансом, К. Книсом, утверждает, что «банковские билеты не имеют самостоятельной ценности, что они не могут быть средством платежа» [6, 348—349].

В особенно тяжелый для экономики России период Первой мировой войны, вследствие дефицита металла для преодоления кризиса с мелкими разменными монетами, правительство выпускает «образцовые» денежные суррогаты. Ими стали заменители монет в виде марок номиналом 10, 15 и 20 коп. с использованием клише почтовых марок юбилейной серии 1913 г. в честь 300-летия Дома Романовых. В 1916 г. была произведена дополнительная эмиссия марок-денег номиналом в 1, 2 и 3 коп. Однако к февралю 1917 г. рубль девальвировался более чем на 75%, и марки-деньги были изъяты из обращения. После Февральской революции до октября 1917 г. Временное правительство выпустило денежных суррогатов в виде кредитных билетов и казначейских знаков на 9 533,4 млн р. разными номиналами [4, 32].

В период распада денежной системы страны в 1917—1923 гг. денежные суррогаты активно эмитировались местными властями в виде чеков, марок, бон, талонов, квитанций. Известно, что в 1918 г. отделение Государственного банка в г. Армавире чеканило собственные монеты из сплава меди. В 1919 г. были выпущены советские расчетные знаки РСФСР номиналом в 1, 2 и 3 р., которые имели хождение до 1924 г., а в целом «очищение» денежного обращения СССР от денежных суррогатов произошло к середине 1930-х гг.

В период позднего СССР, для смягчения проблемы товарного дефицита, появились государственные денежные суррогаты в виде продуктовых, имущественных талонов. Для реализации иностран-

ной валюты граждан, командированных в зарубежные страны, использовали чеки Внешторгбанка СССР, которые принимались в качестве оплаты за товары в сети магазинов «Березка» Всесоюзного объединения «Внешпосылторг». Пиком использования денежных суррогатов является период экономического кризиса 1998 г., когда до 70% оборота промышленной продукции происходило за счет денежных заменителей в условиях экономики неплатежей и нарастающего бартерного обмена.

Множественность денежных суррогатов в первой четверти XXI в.

Из краткого экскурса в историю «суррогатных денег» нашей страны ясно, что в зависимости от эмитента денежные суррогаты могут быть трех видов. Во-первых, речь идет о государственных денежных суррогатах, к которым относятся казначейские обязательства, налоговые льготы и др., во-вторых, денежные суррогаты как результат функционирования бизнеса выступают как векселя, долговые расписки, облигации, и, в-третьих, денежные суррогаты по своему происхождению могут носить смешанный характер. В последнем случае — это талоны на бензин, сахар, сигареты, продукты, одежду; товарные документы; игровая валюта, криптовалюта, «мобильные» и интернет-купоны и др.

Основными причинами денежных суррогатов до появления криптоактивов считались дефицит законных платежных средств или жесткая денежно-кредитная политика со стороны Центрального Банка. В современное время число денежных суррогатов увеличивается за счет процесса цифровизации в денежной сфере, что отражает стремление частных экономических агентов, иногда предпочитающих оставаться анонимными или «невидимыми» для государства, минимизировать свои взаимоотношения с последним. Результатом такой, ранее недоступной, экономии на транзакционных издержках в процессе денежного обращения стало появление корпуса криптовалют и стейблкоинов. Сегодня само понятие «денежный суррогат» в основном связано с виртуальной валютой (криптовалюта, игровая валюта) и может быть определено как специфический механизм выражения стоимости и осуществления расчетов между

экономическими субъектами как в рамках национальной, так и мировой экономики.

Для определения цифровой валюты, отличной от крупнейших мировых криптовалют — биткойна и эфириума, используется термин «токен», или «альткоин» (альтернативная криптовалюта, выпущенная после биткойна). В последние годы появился новый мир протоколов на основе криптовалюты, цель которых — воспроизведение традиционных функций финансовой системы: инвестирование, кредитование, сбережение, страхование, торговля. Эти протоколы выпускают токены с широким спектром функций, могут продаваться или храниться, как и любая другая криптовалюта. Сегодня токены используются от продажи специфических объектов в видеоиграх (NFT) до помощи в децентрализованном обмене (токены ценных бумаг).

Современные денежные крипто-суррогаты выступают результатом трансформационного кризиса и, не являясь элементом финансовой системы, рассматриваются как источник макроэкономических дисбалансов и классифицируются как риски в силу их трансграничной и экстерриториальной природы [8].

В РФ законодатель определяет цифровую валюту как цифровой код с возможностью выступать средством платежа, быть объектом инвестиций, но отказывает криптовалюте в праве являться денежной единицей РФ или какого-либо государства [13]. Однако в июне-июле 2023 г. в России было порядка 13 млн (что составляет примерно 9% населения страны) пользователей криптовалют, среди которых насчитывался 1 млн активных пользователей с суточным торговым оборотом, превышающим 10 млрд р. [7]. Для сравнения, финансирование науки в этом же году в МГУ имени М.В. Ломоносова составило 11 млрд р., из которых только 6 млрд р. было получено от государства [14].

Деньги как иллюзия всеобщего равенства в условиях доминирования сферы потребления

Деньги играют деструктивную роль по отношению к традиционным социальным общностям и выступают инструментом индивидуализации: уводят человека от личностных отношений между работниками, деловыми партнерами, членами семьи на формальный

уровень [3]. Однако действуют деньги не напрямую, а, наоборот, создают весьма убедительную иллюзию вовлеченности человека в общество с единственной базовой функцией — потребления. Социальное коварство денег заключается в их действительно интегрирующей способности превращать атомизированных индивидов, закрытых на крепкий замок под названием «тайна индивидуального достатка и способов его достижения», в некое социальное целое.

Следует признать за деньгами способность создавать и воспроизводить универсальные каналы взаимодействия между людьми и результатами производства в самом широком смысле. Деньги в данном случае невидимыми канатами с особой прочностью привязывают человека к материальному миру, индикатором успешности которого становится рейтинг национальной валюты, с одной стороны, и личный инвестиционный портфель каждого участника экономических отношений, представленный денежными инструментами и суррогатами разной степени ликвидности, — с другой. При этом общество, функционирующее с помощью универсального инструмента общения в виде денег, оказывается гораздо обширнее и прочнее традиционного общества, основа которого межличностное общение, не подлежащее монетизации. В рамках традиционного общества, будь то малая или большая социальная группа (семья, друзья, коллеги, однопартийцы), материальные блага или привилегии, во-первых, ограничены, во-вторых, строго обусловлены личными заслугами. Мир денег, подобно другим универсальным кодам или языкам музыки, математики, химии, без возложения дополнительных обязательств, уравнивает всех своих обладателей. Как пишет немецкий философ Г. Зиммель, «Благодаря эквивалентности, которая вообще только в связи с обменом привлекает к себе сознание и интерес, ценность обретает специфические характерные черты объективности. Пусть даже каждый из элементов будет только личностным или только субъективно ценным — но то, что они равны друг другу, есть момент объективный, не заключенный ни в одном из этих элементов как таковом, но и не внеположный им. Обмен предполагает объективное измерение субъективных ценностных оценок, но не в смысле временного предшествования, а так, что и то и другое существуют в едином акте» [5, 193]. В этом смысле Г. Зиммель наделяет деньги особым качеством, указывая на их

«освободительное», в известной степени схожее с эмансипацией свойство, благодаря которому деньги формируют отношения между людьми, но у людей не возникает личной зависимости.

Отношения, опосредованные деньгами, формально не воздействуют на человеческую идентичность. Однако эта иллюзия довольно быстро исчезает, если согласиться с идеей, что общество тотального потребления несет новую форму равенства: по сути, обществу навязывают единственно возможный вариант картины мира, в которой равенство замещено потреблением. Иными словами, человеку отказано быть творцом на стадии производства и распределения, а уготовано место социально обреченного конформиста исключительно на стадии потребления рыночного продукта в условиях тотального монополизма. В данном случае речь идет о необходимости связывать человеческую судьбу исключительно с деньгами, но «истинная хитрость капитала заключается в том, что он... убедил их (людей. — *В.Г.*) в том, будто отныне от него уже не зависит, будет ли удел толпы менее унижительным... что, наоборот, его судьба зависит от судеб масс» [12, 14].

Логика развития капитала, основным инструментом удержания тотального господства для которого являются деньги с их многочисленными суррогатами, предполагает дальнейшее вовлечение человека в процесс извлечения прибыли уже не в качестве объекта эксплуатации, а в качестве особого информационного ресурса.

Роль денежных суррогатов в утрате социальной включенности и коллективной солидарности

С появлением нового мира протоколов на основе криптовалюты, цель которых — воспроизведение традиционных функций финансовой системы: инвестирование, кредитование, сбережение, страхование, торговля, виртуализация социальных отношений приобрела новый смысл, а денежные суррогаты, общим числом не поддающиеся ни исчислению, ни осмыслению, стали критерием экспансии качественно нового периода в развитии финансовых отношений.

Помимо цифровой валюты, существует целый мир игровых денег в так называемых метавселенных, под которым понимается динамичный набор пользовательских цифровых приложений, со-

здающих партнерское окружение технологического, инструментального, методического, документального характера. Метавселенные функционируют на блокчейне, используют технологии дополненной реальности и свою криптовалюту. Так, в цифровой *Axie Infinity* с ежедневным многомиллионным «населением» зарабатываются реальные деньги от продажи игровых существ, а оборот торгов в этой игре в 2021 г. превысил 1 млрд долл. США [2]. Метавселенные являются креатурой таких мегакорпораций, как Amazon, Disney, Microsoft, и служат инструментом сбора информации о человеке с помощью смарт-часов, смарт-пуговиц, обуви, контактных линз, с целью монетизации персональных данных, а в дальнейшем превращения человека в киберплатформу. При этом люди оказываются выключенными из важнейших социально-экономических и демографических процессов — создания семьи, рождения детей, формирования ответственности, производства реальных благ.

Литература

1. *Гаврилова В.Е.* Институт денег: от Античности до Финансового модерна: Монография. М.: Издат. дом «Научная библиотека», 2023. 188 с.
2. *Гаврилова В.Е.* Цифровые финансовые активы как инструмент обеспечения финансовой безопасности // Информационное общество. 2023. № 4. С. 11—21.
3. *Зарубина Н.Н.* Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. 200 с.
4. *Зверев С.В.* История денег в России. К 350-летию русской рублевой монеты. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2012. 103 с.
5. *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
6. *Кауфман И.И., Никольский П.А.* История денег в России. М.: Эксмо, 2012. 608 с.
7. Майнинг, кадры и законы. Каковы масштабы российского рынка криптовалют: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6486f59f9a7947490d1c7b54> (дата обращения: 18.03.2024).

8. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов: URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024-26.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

9. *Предеин Е.В.* Принципы разграничения денег, квазиденег, денежных суррогатов: URL: <https://www.sice.ru/cnts/1237.html> (дата обращения: 01.03.2024).

10. *Роберт Й.* История денег. Будапешт: Изд-во Корвина, 1968.

11. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989.

12. *Сюриа М.* Деньги: крушение политики. СПб.: Наука, 2001. 138 с.

13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.

14. Финансирование науки в МГУ обошлось в 11 миллиардов рублей: URL: https://arb.ru/b2c/fun/finansirovanie_nauki_v_mgu_oboshlos_v_11_milliardov_rublej-10664132/ (дата обращения: 18.03.2024).

15. *Фишер С.* Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи / Пер. с англ. со 2-го изд. М.: Дело ЛТД, 1995. 864 с.

16. *Фридмен М.* Количественная теория денег. М.: Эльфпресс, 1996. 131 с.

17. *Цитович П.П.* Деньги в области гражданского права // Цитович П.П. Соч. Харьков: Унив. тип., 1873. 72 с.

18. *Шейнин Л.Б.* Таможенные книги Московского государства XVII века. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма (опыт финансово-экономического и правового исследования) // Таможенное дело. 2006. № 3, 4. 2007. № 1.

References

1. *Gavrilova V.E.* Institut deneg: ot Antichnosti do Finansovogo moderna: Monografiya. M.: Izdat. dom «Nauchnaya biblioteka», 2023. 188 s.

2. *Gavrilova V.E.* Cifrovye finansovye aktivy kak instrument obespecheniya finansovoj bezopasnosti // *Informacionnoe obshchestvo*. 2023. № 4. S. 11—21.
3. *Zarubina N.N.* Den'gi kak sociokul'turnyj fenomen. M.: Ankil, 2011. 200 s.
4. *Zverev S.V.* Istoriya deneg v Rossii. K 350-letiyu russkoj rublevoj monety. M.: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml”», 2012. 103 s.
5. *Zimmel' G.* Izbrannoe. Problemy sociologii / Sost. S.YA. Levit. M.; SPb.: Universitetskaya kniga; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 416 s.
6. *Kaufman I.I., Nikol'skij P.A.* Istoriya deneg v Rossii. M.: Eksmo, 2012. 608 s.
7. Majning, kadry i zakony. Kakovy masshtaby rossijskogo rynka kriptovalyut: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6486f59f9a7947490d1c7b54> (data obrashcheniya: 18.03.2024).
8. Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossijskoj Federacii na 2024 god i period 2025 i 2026 godov: URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024-26.pdf (data obrashcheniya: 18.03.2024).
9. *Predein E.V.* Principy razgranicheniya deneg, kvazideneg, denezhnyh surrogatov: URL: <https://www.sice.ru/cnts/1237.html> (data obrashcheniya: 01.03.2024).
10. *Robert J.* Istoriya deneg. Budapesht: Izd-vo Korvina, 1968.
11. Slovar' inostrannyh slov. 18-e izd., stereotip. M.: Russkij yazyk, 1989.
12. *Syuria M.* Den'gi: krushenie politiki. SPb.: Nauka, 2001. 138 s.
13. Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2020. № 31. St. 5018.
14. Finansirovanie nauki v MGU oboshlos' v 11 milliardov rublej: URL: https://arb.ru/b2c/fun/finansirovanie_nauki_v_mgu_oboshlos_v_11_milliardov_rublej-10664132/ (data obrashcheniya: 18.03.2024).

15. *Fisher S. Ekonomika / S. Fisher, R. Dornbush, R. SHmalenzi / Per. s angl. so 2-go izd. M.: Delo LTD, 1995. 864 s.*

16. *Fridmen M. Kolichestvennaya teoriya deneg. M.: El'fpress, 1996. 131 s.*

17. *Citovich P.P. Den'gi v oblasti grazhdanskogo prava // Citovich P.P. Soch. Har'kov: Univ. tip., 1873. 72 s.*

18. *Shejnin L.B. Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII veka. Severnyj rechnoj put': Ustyug Velikij, Sol'vychegodsk, Tot'ma (opyt finansovo-ekonomicheskogo i pravovogo issledovaniya) // Tamozhennoe delo. 2006. № 3, 4. 2007. № 1.*

П.Г. ВЛАСКИН

Обзор подходов к концепции вековой стагнации*

Аннотация. В статье рассматриваются подходы сторонников и противников концепции вековой стагнации национальных экономик. Целью работы является систематизация взглядов сторонников вековой стагнации на ее причины и аргументации ее противников. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, метод сравнительного анализа, а также системный подход. Показано, что сторонники вековой стагнации национальной экономики подразумевают под ней состояние экономики, при котором невозможно одновременное достижение таких экономических целей, как стабильно высокие темпы экономического роста, эффективное использование производственного потенциала и финансовая устойчивость. Проведена периодизация развития теории вековой стагнации с выделением таких этапов, как постулирование, затухание, возрождение, обоснование актуальности. Противники концепции вековой стагнации отрицают долгосрочное замедление глобального и американского экономического роста и опираются на утверждение

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Власкин П.Г. Обзор подходов к концепции вековой стагнации // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 93—105. DOI: 10.5281/zenodo.11235259.

о кратковременности текущих низких темпов роста, вызванных цикличностью экономики.

Ключевые слова: вековая стагнация, естественная процентная ставка, финансовализация, экономический рост.

Abstract. The article examines the approaches of supporters and opponents of the concept of secular stagnation of national economies. The purpose of the work is to systematize the views of supporters of secular stagnation on its causes and the arguments of its opponents. The work uses general scientific methods of analysis and synthesis, the method of comparative analysis, as well as a systematic approach. It is shown that supporters of the secular stagnation of the national economy mean by it a state of the economy in which it is impossible to simultaneously achieve such economic goals as consistently high rates of economic growth, efficient use of production potential and financial stability. A periodization of the development of the theory of secular stagnation has been carried out, highlighting such stages as postulation, attenuation, revival, justification of relevance. Opponents of the concept of secular stagnation deny the long-term slowdown in global and American economic growth and rely on the assertion that the current low growth rates are short-lived due to the cyclical nature of the economy.

Keywords: secular stagnation, natural interest rate, financialization, economic growth.

УДК 33.330

ББК 65.01

Введение

Одной из основных проблем современной экономики является замедление темпов экономического роста, прежде всего, в развитых странах мира, по сравнению с долгосрочным трендом, который наблюдался до мирового экономического кризиса 2008 г.

При этом до последних повышательных тенденций в динамике процентных ставок в развитых странах, связанных с конфликтами на Украине и Ближнем Востоке, наблюдалось значительное снижение равновесной или естественной реальной процентной ставки до уровня ниже нулевой отметки [12].

Вышеупомянутые геополитические тенденции вносят свой вклад в развитие концепции долгосрочной стагнации, однако по ожиданиям экспертного сообщества, один из основных ее пунктов, заключающийся в долгосрочном снижении естественной процентной ставки, после завершения эффекта упомянутых экзогенных факторов для национальной экономики и снижения и стабилизации инфляционной динамики вновь станет актуальным [8].

Кроме того, в современной экономике наблюдается противоречивое долгосрочное влияние финансиализации экономики на экономический рост.

Эти и другие тенденции в экономической динамике заставили исследователей вернуться к идее долгосрочной стагнации, обусловленной внутренними структурными противоречиями экономики и объясняющей неэффективность традиционных монетарных и фискальных мер для решения проблемы устойчиво низкого экономического роста.

Одной из концепций, пытающихся дать объяснение причинам долгосрочного низкого экономического роста, является концепция *вековой стагнации*. Она определяется как невозможность одновременного достижения желаемых темпов экономического роста, использования производственных мощностей на потенциальном уровне и финансовой стабильности при текущей конфигурации экономики [3].

В соответствии с данной концепцией, для содействия экономическому росту в современных условиях необходимы нетрадиционные экономические меры, специфичные для конкретной национальной экономики.

Отметим также, что теория вековой стагнации отличается от циклических спадов различной длительности, поскольку характеризует замедление долгосрочной тенденции потенциального экономического роста.

Подход сторонников вековой стагнации

Идея долгосрочной стагнации не нова в экономических исследованиях, и в разное время возникали концепции, задающиеся вопросом: вечна ли капиталистическая экономика? В теории народонаселения Т. Мальтуса, в законе тенденции нормы прибыли к по-

нижению К. Маркса, который до него затрагивали А. Смит, Д. Рикардо и Дж.С. Милль, ставится вопрос о том, подрываются ли по мере роста капитализма условия его существования, тем самым порождая периодическую или долгосрочную стагнацию [5; 6; 9; 10; 20].

Сторонники вековой стагнации отрицают краткосрочный характер замедления экономического роста и заявляют о долгосрочном понижательном тренде потенциального ВВП.

К сторонникам вековой стагнации относятся Э. Хансен (A. Hansen), Т. Коуэн (T. Cowen), Р. Гордон (R. Gordon), Л. Саммерс (L. Summers), Б. Эйхенгрин (B. Eichengreen), П. Кругман (P. Krugman), Э. Глезер (E. Glaeser). Этот список не является исчерпывающим и отражает лишь фамилии наиболее ярких исследователей вековой стагнации [12; 13, 14; 15; 16; 18; 27].

Поскольку развитие концепции вековой стагнации носило неравномерный характер — появившись в 1930-х гг., основной период развития пришелся на второе десятилетие этого столетия — проведем периодизацию развития концепции.

Развитие концепции вековой стагнации включает 4 этапа разной длительности, характеризующие направление развития концепции: постулирование концепции (конец 1930-х гг.), затухание концепции (1940-е — конец 2000-х), возрождение концепции (конец 2000-х — начало 2010-х) и обоснование актуальности концепции (с начала 2010-х).

На первом этапе *постулирования концепции* (конец 1930-х гг.) Э. Хансен заявил о надвигающейся долгосрочной стагнации американской экономики (англ. — *secular stagnation*) в связи с исчерпанием свободной земли, снижением темпов роста населения, нехваткой инвестиционного спроса, торможением технологического прогресса [27].

В связи с последовавшим затем этапом *затухания концепции* (1940-е — конец 2000-х гг.), обусловленным демографическим и технологическим бумом в США после Великой депрессии 1930-х гг. и «Золотым веком капитализма» 1950—1960 гг., за концепцией закрепились крайне негативная оценка.

П. Суизи (P. Sweezy) и Г. Мэгдофф (H. Magdoff) в конце 1980-х гг. отмечали, что тенденции стагнации или замедления тем-

пов экономического роста, по мере достижения зрелости рыночной экономикой, установления в ней монополистического или олигополистического уклада, являются нормой, а высокие темпы экономического роста — скорее исключение. В своей работе 1987 г. они обобщили большой объем эмпирических данных и использовали методологию Дж.М. Кейнса, Э. Хансена, М. Калецки и К. Маркса [19].

По их мнению, процесс накопления капитала связан с медленным экономическим ростом, избыточными производственными мощностями, неполной занятостью и безработицей. В то же время государственные расходы, технологические инновации и финансовое развитие могут стимулировать экономический рост. Последнее, однако, со временем приобретает характер финансиализации и усугубляет противоречия системы, порождая спекулятивные пузыри и приводя к углублению застоя.

Под финансиализацией понимаются приобретение финансовым сектором чрезмерной роли в экономике, по сравнению с реальным сектором, и переток финансовых и трудовых ресурсов из реальной экономики в финансовую сферу [2].

На этапе *возрождения концепции* вековой стагнации (конец 2000-х — начало 2010-х) на фоне замедления темпов экономического роста после мирового экономического кризиса 2008 г. популяризаторами концепции стали Р. Гордон, Л. Саммерс и Т. Коуэн.

Р. Гордон объяснил застойные тенденции замедлением роста производительности труда из-за снижения отдачи от инноваций, старением населения, снижением экономической активности вследствие низких экономических возможностей [16].

Л. Саммерс обратил внимание на темпы экономического роста около 2%, несмотря на практически 0% ставку и беспрецедентные по объему меры господдержки [27]. Он провел аналогию с японской экономикой, имеющей схожие структурные проблемы и находящейся в состоянии стагнации более 20 лет.

Вековая стагнация, по Саммерсу, интерпретируется как устойчивый тренд на снижение реальной процентной ставки, что приводит к долгосрочному разрыву ВВП и замедлению темпов экономического роста. Основная идея его концепции вековой стагнации заключается в том, что, если реальная процентная ставка посто-

янно превышает естественную, это приводит к недостаточному уровню инвестиции (для уравнивания сбережений и достижения потенциального ВВП) и снижению темпов экономического роста [7].

Естественная ставка процента определяется как ставка, соответствующая потенциальному уровню ВВП в отсутствие временных шоков спроса и предложения [1].

Т. Коуэн главной причиной вековой стагнации видит действие закона убывающей доходности (производительности) и конкретизирует три направления действия закона: исчерпание свободных плодородных земель, повсеместный охват образования с понижением качества и отсутствие прорывных технологий [13].

На последовавшем за этим этапом *обоснования актуальности концепции* Б. Эйхенгрин, П. Кругман, Э. Глезер представили теоретическое обоснование вековой стагнации.

Б. Эйхенгрин видит причины вековой стагнации в долгосрочной понижательной динамике реальной ставки процента [14]. Он связывает ее с «глобальным избытком сбережений», снижением активности инвесторов из-за ограниченных возможностей выгодного инвестирования и снижением темпов роста населения.

П. Кругман выделил такие факторы вековой стагнации, как снижение спроса на инвестиции из-за замедления роста численности и старения населения (замедления роста населения трудоспособного возраста); замедление влияния НТП; «парадокс бережливости»; постоянный дефицит спроса, который невозможно преодолеть даже при почти нулевых процентных ставках [18].

П. Кругман интерпретирует парадокс бережливости Дж.М. Кейнса в современной американской экономике как ситуацию, при которой сбережения вредят ей. По этой причине политика ограничения расходов и усложнения условий кредитования наносит урон по экономике. По его мнению, осознание долгосрочного характера стагнации поможет осознать необходимость изменения монетарной и фискальной политики.

Р. Ку (R. Коо) связывает замедление экономического роста с устойчивым отсутствием совокупного спроса из-за рецессии балансов фирм [4]. По Ку, фирмы и домохозяйства стараются выплатить свои долги в момент, когда лопается пузырь, который финансирует-

ся за счет долга. В силу действия на уровне всей экономики наблюдается стойкое отсутствие совокупного спроса. ВВП может начать падать, парадокс бережливости может ухудшить балансы организаций, что приведет к усугублению рецессии, в случае провала попытки найти и предоставить новые инвестиционные возможности.

Э. Глезер объясняет вековую стагнацию неустойчивостью инноваций и тем, что они приносят пользу лишь малому количеству людей с высокими доходами [15]. Также он говорит о важности эффекта храповика (о невозвращении уровня безработицы к прежнему уровню почти после каждой рецессии после 1970 г.).

Итак, ключевыми причинами вековой стагнации, по версии ее сторонников, являются нижеследующие причины.

Прежде всего, это значительное снижение равновесной ставки процента. При нулевой процентной ставке затрудняется достижение стабильного роста, полной занятости и финансовой стабильности. В будущем ожидается гораздо больше периодов, когда даже нулевой ставки будет недостаточно для восстановления полной занятости. Может понадобиться реальная ставка ниже нуля, чтобы сбалансировать сбережения и инвестиции при полной занятости.

Также вековая стагнация может быть связана со снижением инвестиций в основной капитал, падением потенциального спроса на труд, переносом будущих доходов на текущий период из-за низкой ставки процента; это обуславливает затормаживание инвестиционной активности при росте ставок и скатывание в рецессию из-за дефицита спроса; неустойчивостью инноваций, так как новейшие изобретения приносят пользу небольшому количеству людей.

Кроме того, они приходят к выводу о том, что мер традиционной монетарной политики недостаточно и что необходим новый инструментарий макроэкономической политики, способный поддерживать экономику в условиях ее длительной стагнации. Вековая стагнация приводит к выбору политической стратегии: медленный рост или финансовые пузыри.

На современном этапе развития концепции ее сторонники занимаются поиском эмпирических доказательств вековой стагнации, проводят прикладные исследования, отражающие влияние различных причин на длительное устойчивое замедление экономического роста.

Подход противников концепции вековой стагнации

Противники концепции вековой стагнации отрицают существование такого явления в экономике, указывая на временный характер наблюдаемых низких темпов экономического роста и наличие долгосрочного (сверхвекового) нисходящего тренда динамики реальной процентной ставки, который соотносится с периодами как высоких, так и низких темпов экономического роста.

К критикам вековой стагнации относятся К. Рогофф (K. Rogoff), Дж. Стиглиц (J. Stiglitz), П. Шмельцинг (P. Schmelzing), А. Ауэрбах (A. Auerbach), Дж. Гамильтон (J. Hamilton), Л. Котликофф (L. Kotlikoff), Дж. Мокир (J. Mokyr), Б. Росси (B. Rossi) и другие исследователи [11; 17; 21; 22—26]. Тезисно их аргументы можно представить следующим образом.

Прежде всего, они не признают замедление экономической скорости роста ни в мире, ни в США. К заявлениям о перенасыщении капитала и вековой стагнации в развитых странах, по их мнению, привели крайне низкая доходность гособлигаций и большой дефицит текущего счета [11].

В США не наблюдается ни перенасыщения капитала, ни чрезмерных сбережений, снижающих доходность капитала и объясняющих низкую доходность гособлигаций [17].

Также не произошло ни значительного увеличения капиталоемкости, ни снижения предельного продукта капитала. Резкое сокращение национальных сбережений и чистых инвестиций в послевоенный период обусловлено снижением нормы сбережения домохозяйств, отражающим политику перераспределения доходов от молодым к старым [11].

Что касается динамики реальных процентных ставок, то они имеют небольшой нисходящий тренд с момента зарождения современных финансовых рынков — это сверхвековой (suprasecular) тренд [25].

Они также подчеркивают, что при определении реальной нейтральной ставки последователи теории вековой стагнации не учитывают премии за риск, а при учете эта ставка около 2% [24].

Резкое падение реальной ставки процента после мирового экономического кризиса 2008 г., по их мнению, носит временный

характер. А снижение темпов экономического роста было обусловлено временными явлениями, такими как медленное восстановление ипотечного рынка и сдерживающая фискальная политика [26].

Причиной мирового экономического кризиса 2008 г. стали ошибочные меры, приведшие к масштабному перераспределению доходов к богатым и увеличению неравенства, падению совокупного спроса, недостаточному бюджетному финансированию [26].

По их мнению, существуют как минимум две различные, но связанные концепции вековой стагнации: провал долгосрочного тренда роста и постоянная ловушка ликвидности. Для каждого случая есть меры, работавшие в прошлом. Вековая стагнация если и наблюдается, то из-за ошибочных мер госполитики, а не неизбежности законов экономического развития.

Направления современных исследований критиков вековой стагнации включают формирование доказательной базы для опровержения ее существования и поиск альтернативных объяснений застойных явлений.

Сравнение подходов сторонников и противников вековой стагнации

Для наглядного представления подходов последователей и критиков теории вековой стагнации представим их взгляды в табличном виде. Обзор подходов к концепции вековой стагнации представлен в табл. 1.

Таблица 1

Обзор подходов вековой стагнации

Подход сторонников ВС	Подход критиков ВС
Нехватка инвестиционного спроса и низкие экономические возможности	Отрицание замедления мировой и американской экономики
Снижение производительности труда из-за падающей отдачи от инноваций	Капиталоемкость и предельный продукт капитала не изменились
Неустойчивость инноваций и их польза для малого количества людей	Перераспределение доходов к богатым из-за ошибочных мер

Продолжение табл. 1

Замедление НТП и отсутствие прорывных технологий	Сверхвековой (suprassecular) тренд на понижение ставки процента
Исчерпание легкодоступных и высокодоходных природных ресурсов	Необходимость в естественной ставке процента учитывать риск-премию
Снижение темпов роста населения и его старение (< трудоспособных)	Краткосрочный характер падения реальной ставки процента
Снижение совокупного спроса из-за рецессии балансов организаций	Отсутствие перенасыщения капитала и чрезмерных сбережений
Долгосрочная понижательная динамика реальной ставки процента	Низкие доходности гособлигаций и рост дефицита текущего счета

Источник: составлено автором.

Мы видим, что концепция вековой стагнации все еще не вошла в мейнстрим экономической теории, а некоторыми исследователями и вовсе отрицается ее существование. Все же ряд исследователей активно операционализирует понятие вековой стагнации, в большей степени применительно к развитым странам.

По нашему мнению, вековая стагнация действительно наблюдается в ряде стран с развитой экономикой. В США вековая стагнация проявляется в старении населения и снижении экономической активности вследствие низких экономических возможностей.

Литература

1. *Власкин П.Г.* Роль развития финансовых технологий в преодолении вековой стагнации // *Инновации и инвестиции.* 2020. № 12. С. 31—36.
2. *Власкин П.Г., Теняков И.М.* Оценка влияния финансиализации на экономический рост (на примере США и России) // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2023. № 11. С. 103—114.

3. *Власкин П.Г., Чичекина Е.М.* Сравнительный анализ мер по преодолению стагнации в развитых странах на примере США, Евросоюза и Японии // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 9. С. 46—49.
4. *Ку Р.* Священный Грааль макроэкономики. Уроки великой рецессии в Японии. М.: Мысль. 2014. 440 с.
5. *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения. СПб.: К.Т. Солдатенков, 1868. 479 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1961.
7. Низкие ставки: поиск баланса: URL: <https://econs.online/articles/opinions/nizkie-stavki-poisk-balansa/> (дата обращения: 24.03.2024).
8. Перспективы развития мировой экономики. 2023. Гл. 2: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023/> (дата обращения: 28.03.2024).
9. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Пер. с англ. М.: АСТ, 2023. 576 с.
10. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 1056 с.
11. *Auerbach A., Kotlikoff L.* The US Capital Glut and Other Myths. 2023: URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/us-capital-glut-and-other-myths/> (дата обращения: 17.03.2024).
12. *Cowen T.* Are Real Rates of Return Negative? Is the «Natural» Real Rate of Return Negative? *Marginal Revolution*. 2013: URL: <https://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2013/11/are-real-rates-of-return-negative-is-the-natural-real-rate-of-return-negative.html/> (дата обращения: 19.03.2024).
13. *Cowen T.* The Great stagnation: How America ate all the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better. N. Y.: Penguin Group, 2011.
14. *Eichengreen B.* Secular stagnation: The long view // NBER Working Paper. 2015. No. 20836.
15. *Glaeser E.* Secular Joblessness // *Secular stagnation: Facts, causes, and cures* / С. Teulings, R. Baldwin (eds.). L.: CEPR Press, 2014.
16. *Gordon R.J.* Secular Stagnation: A Supply-Side View // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105. No. 5. P. 54—59.
17. *Hamilton J.D., Harris E.S., Hatzius J., West K.* The Equilibrium Real Funds Rate: Past, Present and Future. University of California San Diego, 2015. 59 p.

18. *Krugman P.* Four Observations on Secular Stagnation. voxEU CERP. 2014: URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/four-observations-secular-stagnation/> (дата обращения: 22.03.2024).
19. *Magdoff H., Sweezy P.* Stagnation and the Financial Explosion. N. Y.: Monthly Review Press, 1987. 208 p.
20. *Mill J.S.* Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy / W.J. Ashley (ed.). London: Longmans, Green and Co, 1909. 450 p.
21. *Мокыр J.* The Next Age of Invention: Technology's Future is Brighter than Pessimists Allow // City Journal. 2014. Vol. 24. No. 1. P. 12—20.
22. *Rogoff K.* Higher Interest Rates Are Here to Stay. 2023: URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/era-of-low-interest-rates-has-come-to-an-end-by-kenneth-rogoff-2023-12/> (дата обращения: 07.04.2024).
23. *Rogoff K.* The Case for Deeply Negative Interest Rates. 2020: URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/advanced-economies-need-deeply-negative-interest-rates-by-kenneth-rogoff-2020-05/> (дата обращения: 02.03.2024).
24. *Rossi B., Schmelzing P., Rogoff K.* Was the Post-Global Financial Crisis Collapse in Real Interest Rates Secular? 2022: URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/was-post-global-financial-crisis-collapse-real-interest-rates-secular> (дата обращения: 21.03.2024).
25. *Schmelzing P.* Eight Centuries of Global Real Interest Rates, R-G, and the «Suprasecular» Decline, 1311—2018 // Bank of England Staff Working Paper. 2020. No. 845.
26. *Stiglitz J., Rashid H.* How to Prevent the Looming Sovereign Debt Crisis // voxEU CERP. 2020. No. 8. P. 3—8.
27. *Summers L.H.* U.S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound // Business Economics. 2014. No. 49 (2). P. 65—73.

References

1. *Vlaskin P.G.* Rol' razvitiya finansovyh tekhnologij v preodole-nii vekovoj stagnacii // Innovacii i investicii. 2020. № 12. S. 31—36.

2. *Vlaskin P.G., Tenyakov I.M.* Ocenka vliyaniya finansializacii na ekonomicheskij rost (na primere SSHA i Rossii) // SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2023. № 11. S. 103—114.

3. *Vlaskin P.G., Chichekina E.M.* Sravnitel'nyj analiz mer po preodoleniyu stagnacii v razvityh stranah na primere SSHA, Evrosoyuza i Yaponii // Innovacii i investicii. 2020. № 9. S. 46—49.

4. *Ku R.* Svyashchennyj Graal' makroekonomiki. Uroki velikoj recessii v Yaponii. M.: Mysl'. 2014. 440 s.

5. *Mal'tus T.R.* Opyt o zakone narodonaseleniya. SPb.: K.T. Soldatenkov, 1868. 479 s.

6. *Marks K., Engel's F.* Soch. T. 25. CH. 1. M., 1961.

7. Nizkie stavki: poisk balansa: URL: <https://econs.online/articles/opinions/nizkie-stavki-poisk-balansa/> (data obrashcheniya: 24.03.2024).

8. Perspektivy razvitiya mirovoj ekonomiki. 2023. Gl. 2: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023/> (data obrashcheniya: 28.03.2024).

9. *Rikardo D.* Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya / Per. s angl. M.: AST, 2023. 576 s.

10. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov / Per. s angl. M.: Eksmo, 2016. 1056 s.

М.В. БАЗАЕВА

Применение механизмов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения в развитых и развивающихся странах*

Аннотация. Статья посвящена изучению механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере здравоохранения таких стран, как Великобритания, Канада, Китай, Индия, Россия.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Базаева М.В. Применение механизмов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения в развитых и развивающихся странах // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 105—119. DOI: 10.5281/zenodo.11235275.

Выявлено, что в развитых странах данное направление активно развивается, в то время как в развивающихся странах оно поступательно набирает обороты, но больше ориентировано на развитие инфраструктурных проектов посредством ГЧП. В каждой из рассмотренных стран механизмы государственно-частного партнерства имеют свою специфику, что представляет обширный материал для использования передового опыта. Вместе с тем актуальными остаются вопросы эффективности проектов в сфере здравоохранения как в развитых, так и развивающихся странах.

Ключевые слова: сектор здравоохранения, государственно-частное партнерство (ГЧП), мировой опыт реализации проектов ГЧП.

Abstract. This article is devoted to the study of the mechanisms of public-private partnership in the field of healthcare in countries such as the United Kingdom, Canada, China, India, and Russia. It has been revealed that in developed countries this area is actively developing, while in developing countries it is steadily gaining momentum, but is more focused on the development of infrastructure projects through PPP. In each of the countries considered, public-private partnership mechanisms have their own specifics, which provides extensive material for using best practices. At the same time, issues of the effectiveness of projects in the field of healthcare remain relevant, both in developed and developing countries.

Keywords: healthcare sector, public-private partnership (PPP), global experience in implementing PPP projects.

УДК:33
ББК:65

Введение

Актуальность проблемы использования механизмов государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) в здравоохранении постоянно растет. Это связано с необходимостью поиска путей совершенствования данной сферы в условиях существующих сложностей (ограниченность государственного финансирования, рост числа заболеваний, нехватка персонала), когда государство и бизнес

отдельно не могут эффективно их решить. В этих условиях на помощь может прийти механизм государственно-частного партнерства.

Особенности механизмов государственно-частного партнерства в здравоохранении в развитых и развивающихся странах

По данным Всемирного Банка, в 2022 г. лидером по объему инвестиций в проекты ГЧП стали Восточная Азия и Тихоокеанский регион.

Рис. 1. Инвестиции в ГЧП в 2022 г., млрд долл. [24]

По мнению исследователей, в 2022 г. общие инвестиции в 263 проекта ГЧП в мире составили 91,7 млрд долл. при росте 23% относительно предыдущего года. В первой половине 2023 г. лидером по объему инвестиций в инфраструктурные проекты ГЧП в мире стал Китай (14,99 млрд долл.) [26].

В сфере здравоохранения также реализуются проекты ГЧП. Однако их количество уступает тем, которые относятся к более перспективным для государства и бизнеса сферам, связанным с созданием инфраструктуры.

Функционирование механизма ГЧП в сфере здравоохранения, как правило, происходит аналогично тому, как и в других сферах, если речь идет о строительстве объекта. Если же дело в его передаче, в мировой практике существует два варианта. Один из них заключается в передаче инфраструктуры заказчику, другой — в пол-

ной передаче объекта вместе с процессом предоставления медицинских услуг.

Закономерным является тот факт, что в развитых странах механизм ГЧП получил большее развитие, чем в развивающихся. Это можно увидеть на примере нескольких стран, где реализуются соответствующие проекты.

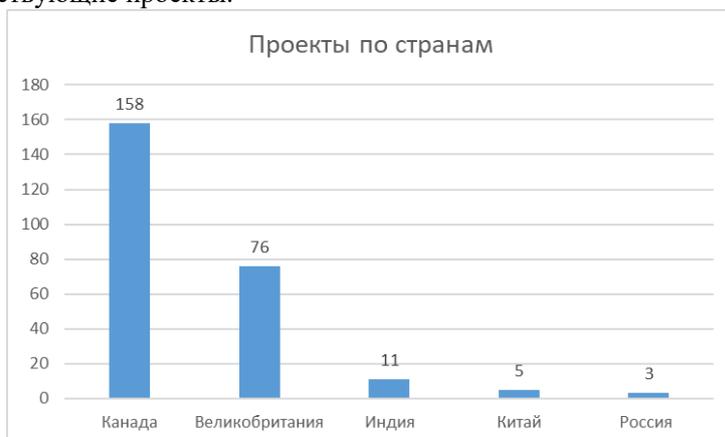

Рис. 2. Проекты ГЧП по странам в сфере здравоохранения в 2024 г. [19]

Несмотря на то, что в Европе в 2022 г. по количеству ГЧП-проектов лидировала Франция [21], неоспоримым лидером по внедрению механизма остается Великобритания. Здесь отсутствует специальное законодательство и популярна модель «Инициатива частного финансирования» (PFI — Private Finance Initiative) [5].

Указанные недостатки компенсировались использованием других моделей¹, созданием консультативного «Центра передовой практики» (Centre of Best Practice) при Министерстве здравоохранения и социального обеспечения [15], онлайн-системы централизованного учета и отчетности (OSCAR) [24], Программы управления контрактами PFI.

¹ Контракты на разницу (Contracts for Difference), базовая модель регулирования активов (the Regulated Asset Base Model), система гарантий (the UK Guarantee Scheme).

По состоянию на 2022 г. в Великобритании реализовывалось 79 проектов PFI и PF2 в сфере здравоохранения (10% от общего количества [23]). Однако сохранялись недостаточные координация и управление проектами [28], а также потеря финансовой привлекательности для участников механизма [16].

Таблица 1

Особенности моделей ГЧП в Великобритании

Модель	Суть	Недостатки
PFI	Создание специального проектного консорциума (Special Purpose Vehicle, SPV), который 25—30 лет самостоятельно занимался проектом и получал вознаграждение [9]	Невысокая прозрачность проектов
PF2	Расширилось количество работ, которые может выполнять частный партнер. Ему запрещено передавать обязательства по косвенным услугам. Управление контрактами осуществляют отделения Национальной системы здравоохранения и местные власти. Правительство выступает миноритарным соинвестором в капиталах проектов. Более тщательно подход к выбору исполнителей проектов [2]	Низкая финансовая эффективность, высокая стоимость медицинских услуг для населения, сокращение расходов на государственные больницы, рост количества субсидий. Не было достаточно квалифицированных специалистов, которые могли бы консультировать исполнителей по поводу реализации проектов [2]

Еще один лидер в реализации проектов ГЧП находится в другом полушарии. В Канаде отсутствует единый регулирующий орган, но присутствуют субъекты на федеральном, провинциальном и муниципальном уровнях [21, 25].

Распространенная модель P3 «Сделано в Канаде» подразумевает создание консорциума государственных и частных партнеров,

где заказчиком и собственником является государство. Они работают над проектом под ключ, распределяя ресурсы, риски, вознаграждения, и отвечают конкретным потребностям общества [30].

В сфере здравоохранения распространены такие модели, как DBFM (проектирование — строительство — финансирование — эксплуатация), где частный партнер берет на себя ответственность за полный жизненный цикл инфраструктуры, включая предоставление услуг, и Прогрессивная P3 (присутствует ранняя стадия проектирования), где частый партнер привлекается на ранней стадии, а обе стороны определяют проектные требования, дизайн, цены и риски перед заключением соглашения [29]. В обоих случаях финансирование осуществляется частным партнером. Со стороны государства осуществляется выплата вознаграждения в рассрочку по результатам выполнения работ. Управление неклиническими операциями передается частному сектору или клиническим службам [4].

Отличием канадской модели от британской является то, что в Канаде частный партнер получает авансовое финансирование, перед реализацией проект тщательно планируется, оплата услуг осуществляется только после их оценки и не осуществляется, если они неудовлетворительны. Удаётся совмещать ресурсы и опыт государства и бизнеса [4].

Если обратиться к опыту развивающихся стран, стоит обратить внимание на самые крупные экономики. Китай, в силу бурного экономического роста, активно развивает сферу здравоохранения. Отсюда интерес к проектам ГЧП. Однако на данном этапе развития страны они не очень распространены. Причиной является первоочередная ориентация на инфраструктурные проекты. Данная тенденция сохраняется с тех пор, как в 2003 г. в Пекине был создан Центр государственно-частного партнерства [5].

С середины 2010-х гг. внимание сфокусировано на развитии городской и сельской инфраструктуры. В отличие от прошлых подходов к модели (недостаточное внимание местных властей, стремление получить только доступ к дополнительному финансированию, недоработанные механизмы [17]), сейчас ситуация исправляется. В период 2014—2022 гг. было создано 7934 проекта ГЧП с объемом инвестиций 13,1 трл юаней [8]. Однако проектов в сфере

здравоохранения пока не так много. Один из самых крупных проектов недавнего времени — на 1,3 млрд юаней, который в 2017 г. получила компания Sino Great Wall [27].

Что касается модели, то наиболее популярной является СЭП (строительство — эксплуатация — передача). Суть ее в том, что частные компании строят объект, получают прибыль от него в течение согласованного срока, а затем безвозмездно передают его правительству. Со стороны местных правительств поддерживаются, в первую очередь, инфраструктурные проекты, в основном гарантиями по кредитам.

В Индии на протяжении нескольких лет также сохраняется интерес к инфраструктурным проектам. Однако, что касается социальных проектов, интерес к ним пока невелик. Например, в период до 2013 г. реализовано всего 8 проектов в сфере здравоохранения. В последние несколько лет их количество также невелико. Пока совместно с Азиатским банком развития запускаются пилотные социальные проекты, которые в том числе направлены на строительство больниц и диагностических центров.

Основными моделями в Индии можно считать модифицированные контракты на проектирование и сборку «под ключ», контракты на управление и техническое обслуживание и СЭП.

Несмотря на то, что специального законодательства не существует, а система институтов находится в процессе становления, практические вопросы реализации проектов продуманы достаточно тщательно. В число институтов, оказывающих поддержку проектам, входят:

- регулятор рынка — Секретариат по ГЧП и инфраструктуре, который занимается разработкой типовой проектной документацией и отслеживает прогресс в реализации проектов;
- Департамент по экономическим вопросам Министерства финансов Индии, осуществляющий поддержку партнерств, в том числе посредством специально созданного портала для бизнесменов, желающих поучаствовать в ГЧП;
- Комитет одобрения проектов ГЧП при Департаменте по экономическим вопросам Министерства финансов Индии;
- индийский Фонд развития инфраструктурных проектов, за счет средств которого компенсируется часть средств (75%) на под-

готовку проекта (если успех будет успешным, партнер возмещает 40%);

- Министерство финансов, поддерживающее систему субсидирования дефицита жизнеспособности — ведомство отвечает за выделение субсидий с дефицитом проекта до 2 трлн рупий, а Исполнительный кабинет при нем — свыше этой суммы (максимальный объем субсидии — 20% от объема капиталовложений);

- Индийская инфраструктурная финансовая компания, которая поддерживает значимые инфраструктурные проекты.

Стоит отметить, что третья часть всех проектов ГЧП финансируется путем объявления на международных торгах. Однако в данной сфере сохраняются такие проблемы, как дефицит финансирования проектов бизнесом, ограничения для небольших инвесторов, завышенные показатели по проектам, задержки при согласовании проектов, недоработанность налоговых стимулов.

Что касается проектов в сфере здравоохранения, они рассматриваются как перспективные на будущие периоды [1]. Тем не менее те, которые реализуются, осуществляются в соответствии с концессионными соглашениями [17].

Особенности реализации механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации в секторе здравоохранения

В России механизм ГЧП постепенно развивается. Ориентируясь на мировые тенденции, Россия стремится к цифровизации здравоохранения, использованию телемедицины, искусственного интеллекта, медицинского блокчейна.

Сфера здравоохранения в России сводится к существованию бесплатного и платного обслуживания населения. В первом случае речь идет о системе ОМС [11], во втором — о частных медицинских организациях. Вместе с тем стоит отметить, что структура рынка медицинских услуг по источнику финансирования представлена не только системой ОМС и коммерческой медициной. Дополнительно выделяется отдельно бюджетное финансирование, ДМС и теневая коммерческая медицина [10]. В условиях существования такой структуры, невысокой эффективности управления, волатильности рынка, региональных диспропорций [6] обеспечить доступность

медицины пока не удается. И это в условиях роста финансирования отрасли со стороны государства [4].

Внимание к сфере здравоохранения со стороны государства также оправдано теми негативными тенденциями, которые отмечались здесь в прошлые годы (наличие зданий в аварийном состоянии и требующих капитального ремонта и реконструкции, сокращение числа стационаров, отсутствие необходимых условий в ряде организаций, таких как горячее водоснабжение, центральное отопление, канализация, водопровод, телефонная связь) [3] и сохраняются до сих пор.

Опираясь на соответствующее законодательство [12; 13], в стране реализуют проекты ГЧП. По данным Центра ГЧП, по состоянию на апрель 2022 г. осуществлялась реализация 161 проекта (70% — на региональном уровне, 29% — на муниципальном уровне, 1% — на федеральном уровне) на сумму 202,3 млрд р., 69% из которых — средства инвесторов [7]. В сфере здравоохранения заключено всего три концессионных соглашения на сумму 35,1 млрд р., включая 78% частных инвестиций.

Концессия	Долгосрочные договоры	Краткосрочные договоры
<ul style="list-style-type: none"> • ВТО (строительство или реконструкция объекта частным партнером с последующей передачей в собственность государства и получение дохода от эксплуатации) • BOT/DBOT (проектирование или реконструкция объекта частным партнером с последующим получением дохода от эксплуатации на правах собственности и передаче государству по окончании концессионного соглашения) • BOO/DBOO (строительство или реконструкция объекта частным партнером с сохранением права собственности) • DBFO (проектирование, строительство или реконструкция объекта частным партнером с последующей передачей в собственность государства за вознаграждением) 	<ul style="list-style-type: none"> • договоры о ГЧП • контракты жизненного цикла, • аренда с инвестиционными обязательствами • инвестиционные договоры, • договоры лизинга, • офсетные контракты, договоры управления, • создание совместных предприятий • другие 	<ul style="list-style-type: none"> • контракты на выполнение определенных работ или услуг, закупки, • участие в программах государственных гарантий бесплатной медицинской помощи

Рис. 3. Модели ГЧП в России

Инициаторами проекта могут выступать как государство, так и частный партнер. При этом государство осуществляет контроль выполнения проекта.

Несмотря на незначительное число проектов ГЧП в сфере здравоохранения, в краткосрочной перспективе ожидается запуск программы софинансирования развития инфраструктуры первичного звена здравоохранения. Это позволит увеличить число подобных проектов.

Стоит обратить внимание на то, что незначительное количество проектов в сфере здравоохранения в России объясняется существованием следующих рисков.

Во-первых, для государства среди них можно выделить такие, как:

- потенциальная потеря объекта;
- неэффективный в управлении частный партнер и, как следствие, банкротство;
- переключение частного партнера на более выгодные сферы бизнеса;
- высокая стоимость медицинских услуг может сделать их недоступными для населения, что снизит эффективность проекта.

Во-вторых, для частного партнера имеются следующие угрозы:

- угроза досрочного расторжения контракта;
- риск повышения операционных расходов;
- невозможность покрытия расходов тарифами ОМС;
- долгий период окупаемости проекта, что делает его невыгодным для частного партнера (финансирование и государственные гарантии на местном уровне не более года, банки не хотят предоставлять долгосрочные кредиты, а привлекать зарубежных инвесторов дорого).

В-третьих, следует выделить риски общего характера:

- нет единого государственного управляющего органа;
- ограниченность форм взаимодействия;
- сложно оценить эффективность проектов из-за того, что они находятся в стадии реализации.

Заключение

Опыт применения государственно-частного партнерства в различных странах свидетельствует о его эффективности. Несмотря

на схожесть подходов, каждая страна разрабатывает свой собственный путь развития модели государственно-частного партнерства, который учитывает социально-экономические, географические и климатические условия.

Если рассматривать опыт применения ГЧП в здравоохранении в развитых и развивающихся странах, можно отметить, что в Великобритании и Канаде, несмотря на отсутствие специального законодательства и единого регулятора рынка, проекты активно реализуются. При этом важным остается не сама модель, которая используется в работе, а условия подготовки, координации и контроля проектов. Последние нововведения, которые были сделаны в Великобритании, говорят в пользу этого. В Канаде данная работа налажена изначально, поэтому возникает меньше проблем. Здесь повсеместно внедряются инновации и формируются новые возможности для бизнеса. Кроме того, в этой стране государственная поддержка ГЧП находится на более высоком уровне, чем в Великобритании. Этим объясняется успех канадской модели на мировой арене.

Что касается развивающихся стран, можно отметить единую тенденцию — ориентацию на инфраструктурные проекты ГЧП. Эта тенденция на данном этапе препятствует продвижению проектов в сфере здравоохранения. Кроме того, еще недостаточно сформированы соответствующие институты и системы управления и контроля. Это свидетельствует о том, что всем существующим институтам следует подключиться к решению вопросов совершенствования законодательства, непрерывного финансирования проектов, созданию многочисленных стимулов для частных партнеров, справедливого распределения ответственности.

Литература

1. *Гафурова Г.Т.* Опыт Индии в поддержке и развитии государственно-частного партнерства // *Russian Journal of Economics and Law*. 2013. № 3 (27). С. 52—57.
2. *Горчакова Д.Ю.* Практика применения государственно-частного партнерства в Великобритании // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 8. С. 1—4.

3. Здравоохранение в России 2021. Федеральная служба государственной статистики: URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_34/Main.htm (дата обращения: 27.03.2024).

4. *Ибятков Ф.М.* Зарубежный опыт реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения и образования: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-realizatsii-proektov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-sfere-zdravoohraneniya-i-obrazovaniya> (дата обращения: 27.03.2024).

5. *Курсанова И., Товтстолес Д.* Модели государственно-частного партнерства (ГЧП) в Китае. Возможности их применения в белорусской экономике // Сборник научных трудов Международной конференции «Китай в современном мире». 17—19 декабря 2009 г. в БГУ. 2010. Вып. 7. № 1.

6. Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации: URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (дата обращения: 01.07.2022).

7. Поддержка проектов. Национальный центр ГЧПЯ: URL: <https://pppcenter.ru/podderzhka-proektov/#block2> (дата обращения: 26.03.2024).

8. Проекты государственно-частного партнерства в Китае реализуются ускоренными темпами. RG: URL: <https://rg.ru/2022/08/19/proekty-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-kitae-realizuiutsia-uskorennymi-tempami.html> (дата обращения: 27.03.2024).

9. *Растрюгина О.В.* Развитие государственно-частного партнерства на рынке медицинских услуг: мировая и российская практика // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 1—13.

10. Рынок медицинских услуг быстро растет // Финансовая газета: URL: <https://fingazeta.ru/business/medicine/455044> (дата обращения: 30.01.2024).

11. *Соболева Е.А.* Бюджетно-страховая модель финансирования здравоохранения в России // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 3. С. 127—149.

12. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

13. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации

и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ.

14. Шарпан А.А. Особенности государственно-частного партнерства в КНР на современном этапе // Проблемы науки. 2016. № 15 (57). С. 1—3.

15. Budget 2018 Private Finance.

16. Bye-bye, PFI: UK signals effective end of private finance initiative. Global Construction Review: URL: <https://www.globalconstructionreview.com/bye-bye-pfi-uk-signals-effective-end-private-finan> (дата обращения: 11.03.2024).

17. Can PPPs Expand Access to Affordable Diagnostic Services in Emerging Markets? Lessons from 15 Case Studiesю IFC: URL: <https://www.ifc.org/content/dam/ifc/doc/2023/2023-PPP-Insights-Health.pdf> (дата обращения: 26.03.2024).

18. ССPPP: URL: <https://www.pppcouncil.ca/> (дата обращения: 08.03.2024).

19. InfraPPP by Aniwer. Statistics: URL: <https://www.infrappworld.com/project-tracker> (дата обращения: 27.03.2024).

20. Initiative (PFI) and Private Finance 2 (PF2). HM Treasury: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/844205/PF2_web_.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

21. Market update Review of the European public-private partnership market in 2022: URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20230009_ерес_market_update_2022_en.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

22. PPP Unit Canada. The World Bank: URL: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/library/ppp-unit-canada> (дата обращения: 08.03.2024).

23. Private Finance Initiative and Private Finance 2 projects: 2022 summary data: URL: <https://www.gov.uk/government/publications/private-finance-initiative-and-private-finance-2-projects-2022-summary-data> (дата обращения: 05.03.2024).

24. Private Finance Initiative Process: URL: <https://www.gov.uk/government/publications/private-finance-initiative-process> (дата обращения: 07.03.2024).

25. Private Participation in Infrastructure (PPI) 2022 Annual Report. The World Bank: URL: <https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/documents/PPI-2022-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 27.03.2024)

26. Private Participation in Infrastructure (PPI). HALF YEAR (H1) UPDATE 2023: URL: <https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/documents/PPI-Half-Year-H1-Update-2023.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

27. Sino Great Wall Consortium Wins Healthcare PPP Project for RMB 1.3 Billion. Reuters: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a61078bf-6603a720-f94fdc84-74722d776562/https/www.reuters.com/article/brief-sino-great-walls-consortium-wins-h-idUSL4N1K53F8/ (дата обращения: 27.03.2024).

28. Top 10 largest private finance initiative (PFI) contracts by capital value. Стр.10-11. Managing PFI assets and services as contracts end: URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2020/06/Managing-PFI-assets-and-services-as-contracts-end.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

29. Types of P3s. ССPPP: URL: <https://www.pppcouncil.ca/why-p3s/types-of-p3s> (дата обращения: 27.03.2024).

30. What are public-private partnerships (P3s)? ССPPP: URL: <https://www.pppcouncil.ca/why-p3s/what-are-p3s> (дата обращения: 08.02.2024).

References

1. *Gafurova G.T.* Опыт Индии в поддержке и развитии государственного партнерства // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 3 (27). S. 52—57.

2. *Gorchakova D.YU.* Практика применения государственного партнерства в Великобритании // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 8. S. 1—4.

3. Zdravoohranenie v Rossii 2021. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_34/Main.htm (дата обращения: 27.03.2024).

4. *Ibyatov F.M.* Zarubezhnyj opyt realizacii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere zdravoohraneniya i obrazovaniya: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-realizatsii->

- proektov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-sfere-zdravoohraneniya-i-obrazovaniya (data obrashcheniya: 27.03.2024).
5. *Kirsanova I., Tovstoles D.* Modeli gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (GCHP) v Kitae. Vozможnosti ih primeneniya v belorusskoj ekonomike // Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj konferencii «Kitaj v sovremennom mire». 17—19 dekabrya 2009 g. v BGU. 2010. Vyp. 7. № 1.
 6. Kratkaya informaciya ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzhetna Rossijskoj Federacii: URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (data obrashcheniya: 01.07.2022).
 7. Podderzhka proektov. Nacional'nyj centr GCHPYA: URL: <https://pppcenter.ru/podderzhka-proektov/#block2> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
 8. Proekty gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Kitae realizuyutsya uskorennymi tempami. RG: URL: <https://rg.ru/2022/08/19/proekty-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-kitae-realizuiutsia-uskorennymi-tempami.html> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
 9. Rastrigina O.V. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na rynke medicinskih uslug: mirovaya i rossijskaya praktika // Vestnik evrazijskoj nauki. 2020. T. 12. № 3. S. 1—13.
 10. Rynok medicinskih uslug bystro rastet // Finansovaya gazeta: URL: <https://fingazeta.ru/business/medicine/455044> (data obrashcheniya: 30.01.2024).
 11. *Soboleva E.A.* Byudzhethno-strahovaya model' finansirovaniya zdravoohraneniya v Rossii // Finansy: teoriya i praktika. 2021. T. 25. № 3. S. 127—149.
 12. Federal'nyj zakon ot 21.07.2005 g. № 115-FZ «O koncesionnyh soglasheniyah».
 13. Federal'nyj zakon «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipal'no-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 13.07.2015 № 224-FZ.
 14. SHarpan A.A. Osobennosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v KNR na sovremennom etape // Problemy nauki. 2016. № 15 (57). S. 1—3.

Д.Е. ДАНИЛОВ

Наследие программно-целевого подхода стратегического планирования и балансовых расчетов в осуществлении климатической политики российской экономики на современном этапе*

Аннотация. Соблюдение мировой климатической повестки в настоящее время может порождать структурные изменения в российской экономике в связи с тем, что в структуре национальной экономики значительную долю имеет энергетический сектор. Статья указывает на то, что программно-целевой подход, который зародился в стратегическом планировании Советского Союза, позволяет разрабатывать необходимые меры поддержки для энергетического сектора и для экосистем с поглощающей способностью в целях реализации климатической политики в российской экономике. Более того, расчеты на основе метода «затраты—выпуск» (межотраслевой баланс) позволяют России «аккуратно» осуществлять стратегическое планирование в контексте достижения целей климатической политики. Учет экосистем с поглощающей способностью позволяет снизить интенсивность необходимых структурных изменений в российской экономике из-за перехода с показателя выбросов к нетто-выбросам парниковых газов.

Ключевые слова: планирование, стратегическое управление, модель «затраты — выпуск», программно-целевой подход, климатическая повестка, декарбонизация, экосистемы с поглощающей способностью.

Abstract. The compliance of global climate agenda at present time may generate structural changes in the Russian economy, due to the fact that energy sector has a significant share in the structure of. The article sheds light that the program-oriented approach, which originated in

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Данилов Д.Е. Наследие программно-целевого подхода стратегического планирования и балансовых расчетов в осуществлении климатической политики российской экономики на современном этапе // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 120—131. DOI: 10.5281/zenodo.11235311.

the strategic planning of the Soviet Union, allows to develop the necessary support measures for the energy sector and for the ecosystems with absorptive capacity in order to implement climate policy in the Russian economy. Moreover, calculations based on the input-output method (input-output balance) allow Russia to implement «carefully» strategic planning in the context of achieving climate policy goals. Taking into account ecosystems with absorptive capacity makes it possible to reduce the intensity of the necessary structural changes in the Russian economy due to the transition from an emissions indicator to net greenhouse gas emissions.

Keywords: planning, strategic management, «input-output» model, program-oriented approach, climate agenda, decarbonization, energy sector, ecosystems with absorptive capacity.

УДК: 338.2
ББК: 65.05

После опустошительных революционных движений в первой четверти XX в. территория Советского Союза претерпевала серьезные социально-экономические проблемы, что заставляло государственных управленцев решительно прибегать к радикальным мерам при решении существующих вызовов. Важной целью для повышения общего благосостояния населения стало энергообеспечение населения. Посредством обеспечения энергией предполагалось повысить производительность труда, что в дальнейшем сможет улучшить сложившееся положение населения. Для достижения поставленной перед экономикой цели был утвержден государственный план развития электроэнергетической отрасли в Советской России, который в дальнейшем назывался планом ГОЭРЛО. Концепция плана предусматривала комплексное решение проблем технологического, социального и экономического характера. По этому плану, подразумевалось осуществить локализацию, согласно которой надо было рационально не только разместить промышленные объекты, но и построить электростанции необходимой мощности в целях максимального повышения производительности труда. Энергетический сектор определяли как сектор с «законсервированным источником энергии», которую необходимо «корректно направить» во

избежание «распыления» генерируемой энергии для создания высокопроизводительных рабочих мест, а также для обеспечения энергией необходимой мощности существующих на территории страны промышленных и прочих объектов инфраструктуры. Изначально целью плана была именно электрификация, однако появлялись дополнительные необходимые расчеты по реализации прочих сопутствующих вопросов [1, 42].

Стоит отметить, что план ГОЭРЛО был первым масштабным документом планирования (стратегического планирования), проработка мероприятий которого впервые опиралась на балансовые расчеты потребления существующих в то время видов топлива с соответствующей энергоемкостью, а также на использование прочих ресурсов [1, 44]. Фактически, реализация балансовых расчетов позволила принимать более «взвешенные» решения на управленческом уровне, что в действительности смогло поспособствовать оперативному решению существующих экономических проблем в Советском Союзе и обеспечить экономический рост в перспективе [1].

В связи с необходимостью в составлении соответствующих обосновывающих балансовых расчетов в условиях планового управления экономикой СССР, Центральное статистическое управление (ЦСУ СССР) осуществляло налаживание достоверного учета и углубленной аналитической работы, которую необходимо было произвести для обеспечения нужной статистической информации при разработке документов стратегического планирования. В дальнейшем комиссия по планированию в СССР была реформирована в Государственную плановую комиссию (Госплан СССР), которая состояла из комиссий соответствующих республик Советского Союза. Важно отметить, что спрос на разработку прогнозирования и планирования был крайне высоким, поэтому к соответствующим разработкам привлекались крупные ученые и практики, осуществлялось тесное сотрудничество с Академией наук, НИИ, с высшими учебными заведениями, а также проводилась работа по проработке соответствующего необходимого математического инструментария [1; 5; 13]. Фактически, уже в это время вычисления и формирования балансовых расчетов воспринимали как доказательный обосновывающий фундамент, который обеспечивает устойчивость принимаемых решений.

Период в 1960—1970-х гг. можно охарактеризовать как период создания моделей разного уровня агрегирования и «масштабов» исследуемых экономических территорий, претерпевающих «трансформацию» реализуемого стратегического планирования [13]. При этом именно в этот период работающие в НИЭИ Госплана СССР ученые определили, что прогнозы социально-экономического и научно-технического развития необходимо учитывать для научного обоснования народнохозяйственного планирования. Другим методом, разрабатываемым в тот же временной период в СССР, был метод таблиц (матриц) межотраслевого баланса (метод «затраты—выпуск») [5]. Однако стоит отметить, что еще в 1930-х гг. В.В. Леонтьев, автор метода «затраты — выпуск», впервые на его основе опубликовал результаты расчета межотраслевого баланса, в котором провел критический анализ результатов работы, выполненной под руководством П.И. Попова по данным 1923—1924 гг. для Советского Союза, и привел соответствующие замечания и рекомендации по улучшению методики построения межотраслевого баланса СССР [13]. В дальнейшем, в связи с поручением А.Н. Косыгина, в 1960—1970-х гг. в Госплане СССР коллективом ученых был разработан межотраслевой баланс для СССР за 1959 г., а в 1965 г. были опубликованы соответствующие научные работы, которые впоследствии стали фундаментальными для реализации прогнозирования [5]. Важным преимуществом методологии межотраслевого баланса является возможность одновременного представления общественного продукта и национального дохода в секторальном и отраслевом разрезах. И, что также является преимуществом метода, межотраслевой баланс обеспечен нормативной базой, которая позволяет составить и решить представленную систему уравнений [1, 286]. Результатом конкуренции между разрабатываемыми методологиями стало понимание к началу 1970-х гг., что экономические прогнозы должны опираться на прогнозы научно-технического прогресса (НТП) и соответствующие — наиболее эффективные — его направления [5]. Разработка экономико-математической методологии соответствует требованиям XXVI съезда КПСС, который выдвинул ключевые направления для повышения качества планирования: повышение уровня научной обоснованности, качества народ-

нохозяйственного плана и всемерное укрепление плановой дисциплины [1].

К использованию экономико-математического инструментария также прибегали (и прибегают в настоящее время) при решении глобальных проблем, одними из которых являются эколого-климатические вызовы. Считается, что начало обсуждений соответствующих глобальных проблем на международном уровне было положено Римским клубом — международной финансово независимой организацией, целью которой является привлечение внимания мирового сообщества к существующим в мире проблемам и вызовам. Основателями клуба являются итальянский промышленник Аурелио Печчеи и генеральный директор по вопросам науки ОЭСР Александр Кинг [18], а годом основания принято считать 1968-й, когда впервые в Риме собралось небольшое количество представителей различных профессий для обсуждения глобальных проблем и положения человечества не только в настоящем, но также и в будущем времени. Первым докладом, представленным в 1972 г. в Римском клубе, является доклад «Пределы роста», подготовленный коллективом под руководством Д. Медоуз [17]. Доклад продемонстрировал возможность описания международных проблем посредством моделирования и необходимых вычислений для оценки возможных последствий глобальных проблем на мировом уровне на долгосрочную перспективу, что послужило «импульсом» в создании серии методов и вычислений на региональном уровне (одной или нескольких стран), которые в дальнейшем были представлены в виде аналогичных докладов на мировом уровне [14]. Из всех возникших в период 1970—1980-х гг. докладов важно отметить доклад «Будущее мировой экономики», подготовленный группой экспертов во главе с В. Леонтьевым и представленный в 1977 г. в ООН, в котором продемонстрировано использование метода «затраты—выпуск» и определены сценарии развития для 15 экономических регионов, на которые был разделен весь мир [16]. Соответствующие страны были сгруппированы на основании макроэкономических показателей: уровню общего дохода, а также по уровню дохода на душу населения. С полным перечнем стран, которые были рассмотрены при моделировании в докладе, можно ознакомиться, например, в переводной версии доклада. Важным следствием из этого

доклада является то, что межотраслевой баланс можно использовать для оценки потенциально возможных эколого-климатических изменений и последствий для экономики как отдельных стран, так и нескольких сгруппированных по экономическим регионам по выбранным показателям независимо от экономического строя.

Также важно отметить, что при реализации планового управления экономикой Советского Союза прибегали к созданию и реализации целевых программ, способствующих повышению качества и эффективности народнохозяйственного планирования. Соответствующий инструментарий согласовывался с принятыми требованиями XXVI съезда КПСС, а в связи с необходимостью в реализации целей и задач целевых программ определялись необходимые ресурсы. Важным замечанием к соответствующему инструментарию является то, что результаты их достижения должны были быть взаимоувязаны с существующими вызовами, стоящими при реализации планировании [1]. Кроме того, по мере осуществления планирования реализуется ресурсное балансирование, а также корректируется взаимодействие участников общественного производства, что направлено на повышение качества принимаемых решений на управленческом уровне. Опыт использования целевых программ в СССР, в связи с эффективностью упомянутого инструментария, был унаследован экономикой России, при этом «комплекс» (комбинация) целевых программ (федеральных проектов) утверждается государственными программами.

Важно отметить, что к соответствующему программно-целевому механизму системы стратегического управления прибегают в российской экономике в связи с определяемыми национальными целями, которые учитывают не только специфику национальной модели, предопределяющей функционирование системы стратегического управления, но и те международные вызовы, которые отражены в утверждаемых национальных проектах. Действующие госпрограммы были переориентированы на достижение национальных целей, сформулированных в национальных проектах, утверждаемых майскими указами Президента РФ, что также является уникальной характеристикой отечественной системы стратегического планирования [2; 3]. Важно отметить, что национальные проекты утверждались в 2019 г. и рассчитывались до 2024 г., а новые

внешние ограничения были введены в 2022 г. — обновленные национальные проекты будут адаптированы (скорректированы) в соответствии с геополитическими вызовами, что также отразится на взаимоувязанных с ними госпрограммах.

В связи с принятием Парижского соглашения большим количеством стран с развитой и развивающейся экономикой, а также Россией, необходимость в учете климатических и экологических вопросов приобрела важное мировое значение и получила дополнительный «импульс» для последующей реализации необходимых мер на управленческом уровне [9]. Стоит отметить, что созданная в 1998 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) поддерживает соответствующий тренд декарбонизации и разрабатывает Руководящие принципы, согласно которым страны должны предоставлять отчетность — национальный кадастр антропогенных выбросов. Этот документ предоставляется странами на регулярной основе в секретариат, созданной в 1994 г. Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН) [7; 19].

По оценкам климатологов МГЭИК, отмечается возрастающий тренд потепления: начиная с 1980 г. каждое следующее десятилетие является в среднем более теплым, чем предыдущее, а скорость и интенсивность климатических изменений существенно неравномерны в мировом масштабе, и эти изменения сказываются на социально-экономическом развитии не только мира в целом, но и отдельных обособленных экономических регионов [15].

В связи с затрагиваемыми социально-экономическими вопросами ответственным органом власти по реализации необходимой климатической политики было определено Министерство экономического развития Российской Федерации. Оно прорабатывает и утверждает комплекс необходимых документов стратегического планирования. Так, на основе расчетов межотраслевого баланса была утверждена межотраслевая стратегия — Стратегия социально-экономического развития РФ до 2050 г. (Стратегия низкоуглеродного развития), положениями которой должны руководствоваться органы власти при разработке государственных программ и отраслевых стратегий [9; 13]. Кроме того, была утверждена межотраслевая государственная программа энергетического сектора, мероприятия

которой направлены на снижение энергоемкости ВВП российской экономики. Также в составе другой государственной программы был утвержден федеральный проект «Политика низкоуглеродного развития», которая предусматривает реализацию мероприятий в том числе по увеличению поглощающей способности сектора «Землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство» (ЗИЗЛХ) [6; 7; 11]. Соответствующая система документов представлена на рис. 1.

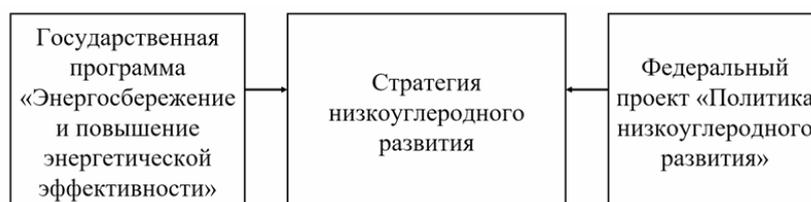

Рис. 1. Системный характер госпрограммы, федерального проекта и Стратегии низкоуглеродного развития

Сектор ЗИЗЛХ, согласно Руководящим принципам МГЭИК, может поглощать парниковые газы, тем самым снижая общий уровень нетто-выбросов парниковых газов по экономике всей страны.

Кроме того, согласно представленной в национальном кадастре информации, относящейся к российской экономике, именно сектор «Энергетика» выбрасывает наибольший объем парниковых газов в млн т CO_2 -экв. На протяжении временного интервала 2005—2020 гг. доля сектора в общем объеме выбросов занимает около 80%, в то время как сектор ЗИЗЛХ за аналогичный период поглощает около 30% от всех выбросов парниковых газов. В этой связи можно утверждать, что сектор ЗИЗЛХ реализует существенный объем поглощения парниковых газов, и, если учитывать эту способность, можно снизить общую интенсивность структурных изменений российской экономики в соответствии с утвержденной стратегией низкоуглеродного развития, необходимой для снижения общего объема парниковых газов. Вместо опрометчивых структурных преобразований, направленных на снижение выбросов парниковых газов, можно осуществить соответствующие преобразования посте-

ленно, что в дальнейшем позволит выйти на траекторию устойчивого экономического роста.

Прошедшие трансформации в государственно-целевом подходе, а также усовершенствованный экономико-математический инструментарий на основе метода «затраты—выпуск» позволяют определить и проработать реализацию необходимых государственных мер для российской экономики в целях соблюдения климатической повестки. Россия имеет самую большую территорию в мире, и воздействие климатических изменений уже проявляется в региональном и секторальном разрезах, а среднегодовая температура на территории российской экономики растет быстрее, чем средняя глобальная температура — начиная с 1970 г. она увеличилась почти в три раза, что подчеркивает важность решения соответствующих климатических вопросов на национальном уровне для российской экономики [4]. Таким образом, несмотря на существующие геополитические условия, Россия намерена придерживаться реализации климатической повестки, так как ее реализация крайне актуальна для российской экономики в долгосрочной перспективе.

Литература

1. *Белоусов Р.А.* Исторический опыт планового управления экономикой СССР // Реальный социализм: теория и практика. М.: Мысль, 1983. 319 с.
2. *Волкова Е.Ю.* Влияние национальной модели на развитие стратегического управления экономикой РФ // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 159—185.
3. *Волкова Е.Ю.* Место программно-целевого подхода в системе стратегического управления экономикой РФ // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, 2021. С. 167—191.
4. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2022 год / Росгидромет. М., 2023. 104 с.
5. *Клепач А.Н., Куранов Г.О.* Развитие социально-экономического прогнозирования и идеи А.И. Анчишкина // *Вопросы экономики*. 2013. № 8. С. 143—155.
6. Минэкономразвития разработало паспорт федерального проекта «Политика низкоуглеродного развития»: URL:

<https://www.finmarket.ru/news/5601273?ysclid=ltvsrbnv4a209647185>
(дата обращения: 17.03.2024).

7. Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990—2021 гг. В 2 ч. М.: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, 2023. 468 с., 103 с.

8. *Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Колпаков А.Ю.* Стратегия низкоуглеродного развития: перспективы для экономики России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 9. С. 15—25.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2019 г. № 1228.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2023 г. № 1473.

11. Приказ Минэкономразвития России от 7 февраля 2024 г. № 69.

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р.

13. *Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В.* Планирование и прогнозирование развития экономических систем: основные принципы, методы и подходы // *Философия хозяйства*. 2022. № 2. С. 154—176.

14. *Cole S.* Global models: A review of recent developments // *Futures*. 1987. Vol. 19. Iss. 4. P. 403—430.

15. Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC, 2021: Climate change 2021: The physical science basis. Contribution of Working group I to the Sixth assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Summary for policymakers. Cambridge University Press. In Press, 2021. 40 p.

16. *Leontief W.* The future of the world economy: a United Nations study / By Wassily Leontief, Anne P. Carter, Peter Petri, and Joseph J. Stern. N. Y.: Oxford University Press, 1977. 110 p.

17. *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W.* The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N. Y: Universe Books, 1972. 205 p.

18. The Club of Rome, history: URL: <https://www.clubofrome.org/history/> (дата обращения: 17.03.2024).

19. United Nations Climate Change, National Inventory Reports: URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/transparency-and-reporting/reporting-and-review/reporting-and-review-under-the-paris-agreement/national-inventory-reports> (дата обращения: 17.03.2024).

References

1. *Belousov R.A.* Istoricheskij opyt planovogo upravleniya ekonomikoj SSSR // *Real'nyj socializm: teoriya i praktika*. M.: Mysl', 1983. 319 s.

2. *Volkova E.YU.* Vliyanie nacional'noj modeli na razvitie strategicheskogo upravleniya ekonomikoj RF // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 3. S. 159—185.

3. *Volkova E.YU.* Mesto programmno-celevogo podhoda v sisteme strategicheskogo upravleniya ekonomikoj RF // *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN*, 2021. S. 167—191.

4. *Doklad ob osobennostyah klimata na territorii Rossijskoj Federacii za 2022 god / Rosgidromet*. M., 2023. 104 s.

5. *Klepach A.N., Kuranov G.O.* Razvitie social'no-ekonomicheskogo prognozirovaniya i idei A.I. Anchishkina // *Voprosy ekonomiki*. 2013. № 8. S. 143—155.

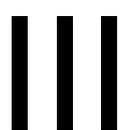
6. *Minekonomrazvitiya razrabotalo pasport federal'nogo proekta «Politika nizkouglerodnogo razvitiya»*: URL: <https://www.finmarket.ru/news/5601273?ysclid=ltvsrbnv4a209647185> (дата обрaщения: 17.03.2024).

7. *Nacional'nyj doklad o kadastre antropogennyh vybrosov iz istochnikov i absorbcii poglotitelyami parnikovyh gazov, ne reguliruemyh Monreal'skim protokolom za 1990—2021 gg. V 2 ch.* M.: Federal'naya sluzhba po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchej sredy, 2023. 468 s., 103 s.

8. *Porfir'ev B.N., SHirov A.A., Kolpakov A.YU.* Strategiya nizkouglerodnogo razvitiya: perspektivy dlya ekonomiki Rossii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. T. 64. № 9. S. 15—25.

9. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21 sentyabrya 2019 g. № 1228.*

10. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 sentyabrya 2023 g. № 1473.
11. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 7 fevralya 2024 g. № 69.
12. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 oktyabrya 2021 g. № 3052-r.
13. *Strizhakova E.N., Strizhakov D.V.* Planirovanie i prognozirovanie razvitiya ekonomicheskikh sistem: osnovnye principy, metody i podhody // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 2. S. 154—176.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

От онтологии бытия к иллюзивной материи*

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения онтологии и антропологии. Автор анализирует текст М. Хайдеггера «Время и бытие» и делает вывод о завершении онтологии бытия. Изначально эта онтология была связана с редукцией времени к пространству. Завершение этой онтологии связано с редукцией пространства ко времени. В статье показано, что эта редукция совершается при помощи таких концептов, как «событие», «иметь место», «бытие без сущего». Автор доказывает, что новые концепты не преодолевают разрыв между онтологическим и антропологическим пониманиями времени. Они только указывают направление движения философской мысли от онтологии к антропологии. А сам этот разрыв преодолевается в концепте иллюзивной материи.

Ключевые слова: реальность, воображаемое, греза, событие, время, человек, сознание, образ, сущее, философская антропология.

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between ontology and anthropology. The author analyzes M. Heidegger's text «Time and Being» and concludes that the ontology of being is complete. Initially, this ontology was associated with the reduction of time to space. The completion of this ontology is associated with the reduction of space to time. The article shows that this reduction is accomplished using concepts such as «event», «to take place», «being without being». The author proves that new concepts do not bridge the gap between the ontological and anthropological understanding of time. They only indicate the direction of philosophical thought from ontology to anthropology. And this gap itself is overcome in the concept of illusory matter.

Keywords: reality, imaginary, dream, event, time, human, consciousness, image, being, philosophical anthropology.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. От онтологии бытия к иллюзивной материи // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 135—143. DOI: 10.5281/zenodo.11235328.

УДК 141
ББК 87.5

Онтология бытия завершилась в 1962 г. в докладе М. Хайдеггера под названием «Время и бытие».

Время и бытие

Что сделал Хайдеггер в этом докладе? Он разорвал всякую связь между бытием и сущим. «Продумать бытие без сущего — значит продумать бытие без оглядки на метафизику», т. е. без оглядки на отношение бытия к сущему [1, 406]. Хайдеггер понял бесплодность попытки мыслить бытие, исходя из того, что есть. Бытию нечего прибавить к сущему. Сущее не нуждается в бытии, а бытие не нуждается в сущем. Концепт фундаментальной онтологии в докладе Хайдеггера был разрушен. Зачем? Затем, чтобы растворить бытие в событии?

Если в бытии не нуждается даже сущее, то зачем оно, бытие, нам? Зачем оно человеку? Не пустое ли это слово? Бытие нам затем, говорит Хайдеггер, чтобы мыслить бытие без сущего. А мыслить бытие без сущего означает поменять сам способ мышления. Одно дело мыслить мир вещей, другое — мыслить событие. Греки научили нас мыслить вещи понятийно. Но они не научили нас мыслить событийно.

Событие

Что значит мыслить мир событийно? Это означает, что в мире есть такая сторона, которая существует, если мы относимся к ней как к существующей. Но как мыслить то, причиной чего ты являешься? Для этого надо давать существование тому, что само по себе не существует. Это несуществование Хайдеггер почему-то называет событием. Кант называл его трансцендентальной видимостью, а лучше всего его назвать иллюзивной материей. Событие — это не вещь, это бытие без сущего. Вот, например, часы. Они, говорит Хайдеггер, показывают нам время. Но в часах нет времени. Не они создают ход событий. Мы даже не знаем, есть ли само по себе время.

Бытие без сущего нельзя мыслить понятийно. Потому что из него вместе с сущим исчезает надобность в статусе представления о

вещи. Исчезает мысль о локализации протяженности. Событие нам дано непосредственно. Хотя его нельзя мыслить как то, что есть. На него накладывают свою печать время и субъективность того, чего нет. Онтология (Парменид) запретила мыслить бытие во времени, ибо мыслить что-либо во времени — значит для человека заблуждаться, потому что в мире самом по себе времени нет. Сам по себе мир события не производит.

Событийная сторона мира не охватывается понятиями. О ней нельзя говорить на языке истины. Если движение в мире вещей требует логики, то движение в мире событий зависит от целей движения. Но что такое цель? Это то, чего нет. Цели показывают, а не что-то доказывают. Нельзя доказать, что книга лежит на столе, если ты не видишь, что она лежит на столе. Об этом говорил уже Протагор. Событийная сторона мира требует для своего понимания не понятий, а раскрытия того, как то, чего нет, дает о себе знать своим отсутствием. Оно дает о себе знать посредством образов в искусстве и литературе.

Образы

Вот, говорит Хайдеггер, нам показывают картину Пауля Клее «Смерть и огонь». Мы смотрим на нее и ничего не понимаем. Мы можем долго простоять перед этой картиной, но нам придется расстаться с претензией на непосредственное восприятие картины художника. Мы можем прочесть стихотворение Тракля «Семипеснь смерти». Вот отрывок. из него:

Синий сумрак весны; от сосущих деревьев исходит
Темное — в вечер и гибель,
Внемля нежным плачам дрозда.
Безмолвная ночь — синий зверь
Опускается тихо на холм.
Цветущая ветка яблони машет на влажном ветру.
Серебряно рассыпается неразрывное
Из ночного зренья; падучие звезды;
Нежная песнь детства.

И здесь нам придется расстаться с надеждой на непосредственное понимание поэта. И если бы мы встретились с физико-математической мыслью Гейзенберга, говорит Хайдеггер, то нам бы и здесь пришлось расстаться с претензией на непосредственное понимание мысли ученого. Непосредственное понимание схватывает мысль так, как она явилась. Во всех приведенных случаях она случилась так, что она не мыслится непосредственно. Ее нужно мыслить в отвлечении от того, как она случилась, в каком образе показала себя.

Попытка философии помыслить бытие без сущего стоит в этом ряду. Она выбивается из стандартов привычного понимания философии как премудрости мира. Она заставляет оставить в стороне вопрос о полезности философии. Она предаст забвению самое главное изобретение греков — природу и все, что мы знали о способах ее познания. Появилась новая реальность — событие, и ее нужно ввести в поле зрения. Что нужно ввести? Нечто непосредственно субъективное, временное. Но как их ввести, если это не алетейя, не открытость, а мистерия?

Бытие непосредственно мыслимого есть мысль о бытии. Возьмем «Пропевень о проросли мировой» П. Филонова. Это несбывшееся событие в русской литературе. Где мы видели такое начало песни о Ваньке Ключнике, в которого влюбилась княгиня?

Матерела пенно-кружлива ногами снегиня
Желальна танца протанцеваньем неуловимым
В оранжереи балерин
Жеребую мету немного жутью любимую венчить.

Разве не ловим мы в этой ритмизованной прозе движение времени к гибели деревни? Непосредственно мыслимое движение времени есть греза как мысль о бытии.

Язык говорит нам, что событие — это случай, происшествие. Нечто из ряда вон выходящее. Хайдеггер мыслит событие иначе. Бытие не род события, а событие не род бытия. Поскольку бытие изначально мыслимо греками как присутствие, то определяет это присутствие время.

Время

Время — не вещь. И бытие не вещь. У времени есть три измерения. Но бытие вне времени, вне этих трех модусов, хотя время определяет бытие. Как же время определяет бытие? Со временем все проходит. Но само время остается. И бытие остается. Хайдеггер говорит: «Время есть единящая троякий просвет его протяжения близость присутствия из настоящего, осуществившегося и будущего» [1, 401]. Человек «может быть человеком только когда стал внутри простора троякого протяжения и выстоял определяющую это протяжение отклоняюще-отказывающую близость» [1, 401].

Откуда у времени просвет для человека? Иными словами, почему человек живет во времени? Не потому же, что у времени три измерения. Если у времени три измерения, то нельзя помыслить его исток. Хайдеггер прибавляет к нему четвертое измерение. Четвертое измерение — это пространство. В своей ранней книге «Бытие и время» Хайдеггер сводил пространство к временности. «Попытка... возводить пространственность человеческого присутствия к временности не может быть удержана», — говорит поздний Хайдеггер [1, 405]. В докладе он сводит время к пространству и говорит о четвертом (пространственном) измерении времени.

Как четверомерное время меняет бытие? Время влечет Хайдеггера к человеку. Пространственность тормозит это движение и влечет его к космосу. Бытие теперь мыслится Хайдеггером не как присутствие, хотя и как присутствие тоже, а как именование места.

Именование места

В мире все должно быть на своем месте. Всякое существование предполагает то, что существует. Но имеет ли место бытие без сущего? Что значит существовать в модусе ускользающего *что*? Не ускользает ли бытие от того, чтобы быть бытием? Имеет ли место само время? И что значит неуместность времени? Есть принцип: всему свое время. Временное проходит. Время остается. Опасность растворения бытия в событии состоит в том, что оно создает возможность для того, чтобы что-то из сущего оказалось не на своем месте. Бытие не на своем месте лишает все бытие открытости, т. е. связи с истиной.

Еще одна трудность, которую Хайдеггер так и не преодолел в философии события, — это связь времени с человеком. «Кто такие мы? — спрашивает Хайдеггер и отвечает: — То, *что* отличает человека как человека, определяется как раз тем, *что* мы здесь должны продумать: человек, захваченный присутствием» [1, 393]. Быть захваченным присутствием означает быть в настоящем. Если бы бытие не имело места, то «человек не был бы человеком», — говорит Хайдеггер [1, 393]. Почему присутствию нужно захватить человека? Почему оно не хочет захватить любое другое сущее? Откуда эта телеология бытия? Ведь бытие теперь не существует, а сбывается. Или, может быть, человек мыслится уже не как сущее, а как что-то другое? Но тогда, как что? Ответить на этот вопрос Хайдеггер не смог. А от теории *dasein* он отказался.

«Времени нет без человека», — пишет Хайдеггер [1, 401]. Но мы ему теперь не верим. Что означает это «нет без»? Означает ли это, что бытие берет право на характеристику бытия как присутствия у человека? Хайдеггер говорит, что нет, не означает. Не человек учреждает его присутствие. Как же быть? Ведь само по себе бытие никакими правами на учреждение чего-либо не обладает. По словам Хайдеггера, вопрос этот запоздал. Почему? Потому что, говорит он, печать бытию предопределено нести без участия человека. Человек привязан к бытию как к присутствию. Почему привязан? Может быть, это бытие привязано к человеку? Потому что, пытается развеять сомнения Хайдеггер, эта характеристика возникает в момент открытия человеком потаенности в качестве того, что допускает мысль о бытии. «Времени нет без человека» означает лишь то, что нет времени без мысли о нем у человека. Но это, в свою очередь, означает лишь то, что в учреждении времени участвует сознание. А это допустить Хайдеггер не может. Ибо такое допущение ставит под вопрос всю западную философию.

Иными словами, Хайдеггер хочет спасти онтологию как философию универсального ума. Каким образом он это делает? Он говорит, что человек может мыслиться либо как учредитель, либо как потребитель времени. Хайдеггер выбирает второе, ибо, как он полагает, человек не может учреждать вечность. И ошибается. Нельзя учредить вечность, но можно учредить реальность.

Новый язык

Присмотримся к новому языку, создаваемому Хайдеггером. Вместо слова «есть» он использует оборот речи «иметь место». Что такое место? Место может быть пустым, незанятым, свободным. Его можно иметь, и тогда оно уже не для всех. Нам могут предложить освободить место. Оно может впускать и не впускать. Его можно захватить, полагаясь на силу. Место — это, по словам Хайдеггера, открытость просвета пространства-времени. Оно как лесная поляна. А как понимает Хайдеггер время? Как четвероюкое протяжение открытости: теперь, сейчас, уже не сейчас и еще не сейчас. Но главное здесь — слова «протяжение» и «открытость». А они пространственные. Они позволяют тянуть время. Где же здесь время? Есть ли оно вообще, и имеет ли оно место? Время, говорит Хайдеггер, не ничто. Если бы оно было ничто, то оно бы не имело места, а оно его имеет, но не как тело-энергия, а как? Этот вопрос — самый трудный для Хайдеггера. Он трудный, потому что время имеет место у человека. Человек — это лесная поляна для времени. Но Хайдеггер настаивает на том, что «место» показывает себя, скорее, как нечто пространственное, а не антропологическое.

Как Хайдеггер понимает событие? Не как положение вещей относительно друг друга, а как то, в чем имеет место время. Событие не есть. Его нельзя найти среди сущего. Событие сбывается. Хайдеггер пишет: «Бытие и время имеют место только в событии» [1, 405]. Если они имеют место только в событии, то событие является их субъектом, к человеку это не имеет никакого отношения. Что же делать нам? Куда деться человеку? «Время, — замечает Хайдеггер, — не нечто, сделанное человеком, человек не нечто, сделанное временем» [1, 401]. Ничего не сделаешь, говорит Хайдеггер, такова жизнь.

Ответ Хайдеггера состоит в следующем. Событие впускает в себя не каждого человека. Оно впускает только того, кто внимает бытию, стоит в своем времени, кто вынесен в свое существо, а не занимает чужое место. Человек не был бы человеком, если бы бытие не имело места. Но Хайдеггер чувствует зыбкость этого положения, ибо оно ничего не показывает и ничего не доказывает. Напротив, всякий может сказать, что все не так. Это бытие не имело

бы места, если бы не было человека. «Похоже на то, — пишет Хайдеггер, — как если бы с этим указанием на человека мы сбились с пути, на котором могли вдуматься в собственно время. Известным образом это так» [1, 393].

Если последовать совету Хайдеггера, то нам нужно сначала постулировать какое-то бытие, затем растворить его вместе со временем в событии, и только потом мы получим чувство времени у человека. Правда, мы никогда не узнаем, откуда у нас появился человек. Для того чтобы это узнать, нужно отказаться от пути, предложенного Парменидом, и обратить внимание на небытие. На иллюзивную материю, исследовали которую Протагор и Горгий.

Иллюзивная материя

На пути Протагора и Горгия мы узнаем, что никакого бытия нет, равно как нет и ничто. А что же есть? Есть воображаемое, одной из сторон которого является реальность. То есть сущее делится на две части. Одна из них относится к изменчивой реальности. Другая — к воображаемому. Если воображаемое может быть реальностью, то реальное — воображаемым. Две этих параллели пересекаются в человеке. То есть мир — не тождество мысли и бытия, как у Парменида, а взрыв галлюцинаций, как у Горгия. Человека нужно мыслить вне связи с тем, что есть. Сам по себе человек может быть понят вне зависимости от того, что мы знаем о природе, если, конечно, мы его будем мыслить, исходя из взрыва иллюзивной материи. Человек есть не что иное, как извлечение себя из своих иллюзий.

Человек, как скажет Протагор, есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют. Причина протяженных вещей — в самих вещах. Причина непротяженных вещей — в человеке. Протяженное не нуждается во времени. Во времени нуждается человек, для того чтобы расширить реальность, создать ее. Для этого ему нужно изменить предикат бытия. Для природы бытие — нереальный предикат. Для человека — реальный. То есть человек дает и отнимает существование у объектов воображаемого мира. Сам по себе он пребывает во времени. Чтобы пребывать во времени нужно не существовать, а грезить. Сознание — всего лишь свойство его существования во времени,

посредством которого человек отличает одно время от другого, вообразимое от телесного. У человека не может быть три времени. У него есть либо одно время как непрерывно длящееся настоящее, либо два времени: прошлое, которое не ведет к настоящему, и будущее, для которого нет причин в настоящем. Будущее — это наше прошлое, которое не завершилось в настоящем. Первое — до встречи с языком. Второе — после встречи.

Продумывать бытие человека без сущности и одновременно вне связи с сущим означает продумывать его без оглядки на метафизику. Подобная «оглядка» на отношение бытия к сущему, тела к духу воспроизводит метафизическое отношение к человеку. Однако всем нам нужна мысль, которая, как говорит Хайдеггер, отпускает себя в событие.

Событие как сбывшаяся греза

Событие можно понять из того, что в нем сбывается. Хайдеггер думал, что в нем сбывается бытие. Сказать о бытии, что оно сбывается, означает сказать, что его нет. Сбывается сон, сбываются мечты. Грезы — это несбывшееся бытие. Трудно поместить то, чего нет, но что дает о себе знать своим отсутствием, в пространство человеческой жизни. Сбывшиеся грезы делают себя событием. Несбывшиеся грезы, их череда образуют внутреннее время человека.

События существуют, пока сбываются грезы. Бытие всегда уместно. Грезы всегда неуместны. Если событие мыслить, исходя не из случая, не из того, что произошло, а из того, что в нем сбывается, то нам придется его мыслить из горизонта того, что называют грезой небытия или, что то же самое, трансцендентальной видимостью. Грезу трудно поместить в пространство. В событии небытие дает себе место, ибо давать себе место означает одновременно давать себе бытие. Дает себе место в событии то, что нашло себе приют в нашем темном сознании, т. е. до встречи человека с его «я».

Литература

1. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 446 с.

References

1. *Hajdegger M. Vremya i bytie*. М.: Respublika, 1993. 446 s.

Д.Г. ЕГОРОВ

Религия и социализм*

Аннотация. Понимание отношения идей социализма и религии требует адекватной антропологической модели. Таковой является модель, принимаемая в основных мировых религиях, наличия у человека двух ценностных центров: инстинкта самосохранения и морального (религиозного) чувства. Мировоззренческий выбор человек делает в зависимости от того, какая ценность является для него главной. Идеологическими противниками социализма становятся как верующие, так и атеисты: если интуитивно или сознательно симпатизируют обществу, устроенному на основе инстинкта иерархического доминирования (а не потому, что верят в существование Первопричины мира). Если человек интеллектуально признает существование Бога, но не ощущает в душе морального чувства (любви к людям, альтруизма), то целью его веры будет реализация того же инстинкта самосохранения, что и у носителя идеологии либерализма. Сторонниками социализма становятся верующие, интуитивно или сознательно склонные к иному пониманию религии: любовь в душе как цель, а религиозные таинства как средства для этого.

Ключевые слова: марксизм, модель человека, мораль, религия, социализм, философская антропология, человеческие ценности.

Abstract. Understanding the relationship between the ideas of socialism and religion requires an adequate anthropological model. This is the model, accepted in the main world religions, of the presence in a person of two value centers: the instinct of self-preservation and moral (religious) feelings. A person makes a worldview choice depending on what

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Егоров Д.Г. Религия и социализм // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 144—160. DOI: 10.5281/zenodo.11235346.

value is most important to him. Both believers and atheists become ideological opponents of socialism: if they intuitively or consciously sympathize with a society organized on the basis of the instinct of hierarchical dominance (and not because they believe in the existence of the First Cause of the world). If a person intellectually recognizes the existence of God, but does not feel a moral feeling in his soul (love for people, altruism), then the goal of his faith will be the realization of the same instinct of self-preservation as that of the bearer of the ideology of liberalism. Supporters of socialism are believers who are intuitively or consciously inclined to a different understanding of religion: love in the soul as the goal, and religious sacraments as the means to this.

Keywords: human model, human values, Marxism, morality, philosophical anthropology, religion, socialism.

УДК: 140.8, 172.4
ББК 60

Введение. В «Осевое время» (800—200 гг. до н. э.), по К. Ясперсу, появляются основные мировые религии: конфуцианство, буддизм, ряд религиозно-философских школ индуизма, иудаизм, этические учения Сократа и стоиков (во многом предвосхитившие этику христианства и ислама) [30]. Во всех этих учениях утверждается, что целью и смыслом *земной* жизни человека является переход от эгоистической мотивации к моральной.

Наиболее ясно это выражено в конфуцианстве. В отличие от других мировых религий, конфуцианство практически не имеет онтологического ядра (т. е. утверждений о существовании Творца, некоей высшей реальности, etc.), являясь в сущности социально-этическим учением. Целью конфуцианства прямо провозглашается создание гармоничного и морального общества, а индивидуальное нравственное самосовершенствование личности полагается средством для достижения этой цели [22, 134—135].

Впрочем, связь между личностным самосовершенствованием и социальным служением провозглашали и христианские Учителя: «Искать полезного для общества — вот правило совершеннейшего христианства... постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли

себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца» [15].

Если в докапиталистическое время вопросы социальной справедливости рассматривались прежде всего в религиозном контексте, то последние 200 лет это стало предметом социалистических учений (по большей части секулярных). К концу XIX в. в конкуренции с довольно большим числом альтернативных социалистических (коммунистических) концепций доминирующую позицию занял марксизм [28]. Как следствие философского материализма и «материалистического понимания истории», социализм (в форме марксизма) приобрел аспект воинствующего атеизма.

Однако понимание социализма как общества без эксплуатации (как, впрочем, и понимание социализма как плановой экономики с преимущественно общественной собственностью) никаким религиозным канонам не противоречит. Поэтому как минимум с XIX в. существует и религиозная интерпретация социализма: в форме социальных учений христианского социализма [3; 9], теологии освобождения [23], etc. Конкретные религиозно-социалистические практики можно отсчитывать с апостольской общины христиан (Деян. 4: 32—37). В то же время весьма многие религиозные мыслители (и просто верующие) не разделяют идеи близости социальных целей социализма и религии.

Таким образом, существуют антагонистичные оценки отношения идей социализма и религии: как среди сторонников социализма, так и среди людей религиозных. По нашему мнению, этот антагонизм (антагонизмы) нельзя преодолеть просто логическим анализом, ибо их основой является ценностный конфликт (несовместимые глубинные ценности). Однако можно эксплицировать философские основания противоречивости оценок социализма и религии — чему и посвящен данный текст.

В обсуждаемой проблеме мы усматриваем два аспекта со стороны социализма и соответственно религии: а) выбор антропологической модели в рамках социалистического мировоззрения; б) понимание смысла религии.

Об утопичности модели человека в марксизме и априорности морального чувства. Принимаемая в марксизме (и не только) антропологическая модель человека как существа, морально

добродетельного по своей «родовой сущности», предполагает, что для восстановления этой гипотетической изначальной доброты достаточно только лишь реформ социальных институтов. Личные нравственные усилия и моральный выбор предполагаются в определяющей степени детерминированными внешними обстоятельствами (в марксизме, например, это наличие частной собственности, которая якобы неизбежно превращает человека в алчного капиталиста). Такая антропологическая модель противоречит смыслу и сущности этических учений всех основных мировых религий, видящих смысл жизни человека именно в *личном выборе* между Добром и Злом (Богом и дьяволом).

Марксизм, в отличие от либерализма, предполагает этическое преобразование человека в процессе исторического развития, однако постулирует, что этот переход в области общественной морали должен, с ростом «производительных сил», произойти неизбежно и, в сущности, практически автоматически, «сам собой»: «Коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность... они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезнет сама собой» [18, 67]. Догма зависимости морали как части «надстройки» от «базиса», т. е. экономики, по нашему мнению, есть главный дефект идеологии марксизма¹.

Наша уверенность в утопичности антропологии марксизма основана на принципе Юма, который констатирует невозможность выведения ценностных (этических, целевых) положений из фактов². Поэтому мы делаем вывод: экономические отношения (в том числе

¹ Так, мы считаем, что именно утопическая по сути антропология марксизма явилась главной причиной гибели СССР [13]. Конечно, мы не претендуем на приоритет этого нашего тезиса: о том, что воинствующий атеизм марксизма и акцент на сугубо экономические методы решения экзистенциальных проблем человеческого существования закладывают под идею социализма мину замедленного действия, еще в начале XX в. предупреждал ряд мыслителей [2; 3].

² Как заметил Д. Юм, в любой попытке вывести моральное утверждение из знаний о сущем неизменно присутствуют логическая ошибка: переход от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен» (что логически невозможно) [29, 33].

институт собственности) — *инструмент* для реализации эксплуатации, а не первопричина оной [11].

Любое социалистическое учение, чтобы адекватно описывать реальность (и потому могущее быть основой социального проектирования), должно опираться на адекватную антропологическую модель (иначе оно будет входить в противоречие не только с религиозными концепциями, но и с фактами). По нашему мнению, это есть модель, принимаемая в основных мировых религиях, наличия у человека двух ценностных центров: инстинкта самосохранения и морального чувства. Инстинкт самосохранения защищает интересы тела (его проявления: эгоизм; стремление к потреблению, в том числе демонстративному; к превосходству); моральное чувство защищает ценности надиндивидуальные: «...плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся...» (Гал. 5:17).

Иными словами, моральным чувством мы называем априорный (так же как и инстинкт самосохранения — ни к чему не сводимый и не из чего не выводимый) психический импульс, лежащий в том числе в основе морали. Это чувство единства с какой-то системой более высокого уровня, нежели индивид (семьей, социумом, в пределе — со всем миром). На уровне обыденного знания этот импульс именуется совестью: «...впечатления, при помощи которых мы познаем нравственное добро или зло, суть не что иное, как особые страдания или удовольствия... добродетель различается вследствие того удовольствия, а порок — вследствие того страдания, которое возбуждает в нас любой поступок, любое чувство или характер при простом взгляде на него...» [29, 512, 516].

Либеральная модель человека. Помимо этического сенсуализма (т. е. признания морального чувства) существуют этические концепции, стремящиеся обосновать рациональный генезис морали. Здесь следует отметить, что *любую* гипотезу рационального обоснования морали разрушает *принцип Юма* (ввиду чего он и получил свое второе название: «гильотина Юма»). Принцип Юма констатирует невозможность выведения этических положений из фактов³.

³ Конечно, при построении и развитии любой этической системы разум используется. Под невозможностью рационального обоснования морали понимается,

В сугубом большинстве случаев, когда говорится о рациональном обосновании морали, подразумевается стремление обосновать мораль как производное инстинкта самосохранения: «...стремление к благополучию (определенному настолько глубоко и широко, насколько это возможно) — это единственный вразумительный базис для морали и для ценностей» [25, 32].

Такая антропологическая модель («эгоист, склонный к оппортунизму» — *homo oeconomicus*), по нашему мнению, лежит в основе либерализма [12]⁴. Важно отметить, что такое понимание человека несовместимо ни с социалистическим, ни с религиозным мировоззрением.

1. Любая попытка построения «социализма для *homo oeconomicus*» будет внутренне противоречивой: инстинкт самосохранения у стайных приматов (а человеческие инстинкты имеют очевидно животную природу) реализуется не только в желании иметь блага — но и, главное (!), в борьбе за место в иерархии, за доминацию, т. е. как инстинкт иерархического доминирования. Последние 200 лет его главной формой проявления стало демонстративное потребление [6]. В отличие от голода, никакого верхнего предела насыщения демонстративное потребление не имеет, причем главным оптимизируемым параметром является в этом случае не абсолютный уровень материального достатка, а *разница* между своим уровнем и уровнем других (уровень в социальной стратификации)⁵. То, что в стремлении к богатству главное — не собственно благосостояние, а тщеславие (демонстративное потребление), ибо «богатство выдвигает человека на первый план, превращая в центр всеобщего внимания», показал еще Адам Смит в «Теории нравственных чувств» [32].

что цепочка этических дедукций должна иметь начало в каком-то тезисе (моральной аксиоме), которую рационально обосновать невозможно.

⁴ Мы не считаем модель *homo oeconomicus* неверной — мы считаем ее неправомерно обобщенной. *Homo oeconomicus* — модель человека с приоритетом инстинктивной мотивации: моральное чувство неразвито и/или подавлено инстинктом самосохранения.

⁵ То, что это действительно так, следует уже из того, что, хотя в последние десятилетия средний житель стран Запада (и не только Запада) объективно имеет уровень бытового комфорта, превышающий аналогичный уровень высшей аристократии в Средневековье, — этим же средним классом рост неравенства воспринимается как одна из главных угроз для человечества [33].

2. В XX в. в ряде стран имел место антисоциалистический по своей природе союз либеральных и консервативно-религиозных политических сил. По нашему мнению, это непосредственно связано с тем, что ведущей формой среди социалистических учений к концу XIX в. стал атеистический марксизм. С одной стороны, это было исторически закономерно: ввиду практического сращивания религиозных и государственных структур во всех ведущих странах того времени — что вызвало закономерную потерю морального авторитета церкви. С другой стороны, это и породило тактический альянс либеральной и религиозно-консервативной идеологий, направленный против марксизма как общего врага (по принципу «враг моего врага — мой друг», ведь обе эти идеологии в рамках марксизма рассматриваются как ложные и враждебные). Но, по существу, это был тактический союз идеологий антагонистичных. Поэтому вполне закономерно, что с конца XX в., после того, как необходимость в этом тактическом союзе против социализма исчезла (ввиду уничтожения СССР и распада мировой системы социализма), в странах Запада интенсифицируется процесс дехристианизации (см. [21])⁶.

Таким образом, с религиозным мировоззрением глубинно несовместимы антропологические модели, лежащие в основе и либерализма, и марксизма.

Теперь откажемся от ложного отождествления марксизма и социализма, и рассмотрим вопрос со стороны религии.

Мораль и религия. Начнем с констатации следующего факта: хотя конкретные религиозные мифы и догматы религий весьма различны, моральные заповеди мировых религий практически совпадают. Из этого многие авторы [1; 10] делают вывод, что мораль и религия никак не связаны между собой: из различных оснований крайне маловероятно выведение практически одинаковых следствий (из различных по форме религий мораль, в сущности единая для всего человечества, невыводима).

Мы же делаем другой вывод: мораль и религия связаны; однако не религия предшествует (и является причиной) морали, а,

⁶ В РФ, ввиду очевидного дефицита легитимности у пришедших к власти после распада СССР либералов, альянс власти и РПЦ пока себя не исчерпал.

напротив, *моральные заповеди являются информационным ядром религиозности*⁷. Соответственно моральное чувство (выражением которого в словесной форме заповеди и являются) — это первоисточник любой религии.

Рядом религиоведов высказывался тезис, что психологической основой феномена религии является мистический (трансперсональный) опыт святых и пророков, который затем рационализируется в форме заповедей и религиозных догматов. Сутью мистического опыта, во все времена и во всех культурах, является переживание сильного чувства единства (*unio mistica* — с Богом, со всем миром — собственно, точное и объективное словесное выражение таких переживаний принципиально невозможно) [22, 368—369]. В то же время онтологической основой нравственности (морального чувства) также является чувство единства: «”Люби ближнего своего, как самого себя”, — ибо этот ближний на самом деле — ты сам» [27, 346]. Из этого следует, что религиозное чувство, в сущности, тождественно чувству моральному (является его высшим проявлением); связь человека с Богом выражается моральным чувством (голосом совести): «...религия и мораль синонимичны» [8, 166]. И. Кант назвал идолопоклонством представления, что исполнение воли Бога может заключаться, кроме моральных действий, в чем-либо еще [14, 303]⁸.

Таким образом, религию мы интерпретируем *в философском аспекте*⁹ как онтологическую гипотезу, объясняющую существова-

⁷ Заповеди есть формализация поведения, соответствующего моральному чувству (усиливающего и укрепляющего оное). Поведение, предписываемое заповедями, может различаться в зависимости от исторического и культурного контекста, но в основе его лежит единый в своей сути импульс.

⁸ Из нашего понимания первичности морального (религиозного) чувства по отношению к ритуалам и догматам следует, что истинное обретение веры определяется не интеллектуальным признанием бытия Бога (и/или каких-то конкретных догматов), а *изменением главной жизненной ценности*: переходом от инстинктивно-эгоистической мотивации к моральной. Иными словами, наши главные ценности — это чувства, а не мысли, и находятся они в душе (подсознании), а не в сознании.

⁹ То есть мы выносим за скобки мистические и догматические аспекты религии: в настоящем исследовании мы стремимся оставаться в рамках философии и науки.

ние мира (вовне) и морального чувства (внутри человека)¹⁰: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением... — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком... я вижу их перед собой... моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира...» [14, 562—563].

Из предлагаемой нами трактовки единства морального и религиозного чувства вытекает, что альтруистическое отношение к людям — это ступень (или даже фундамент) на пути обретения любви к Богу, а социальный смысл религии — защита морали¹¹.

В этом случае очевидна практическая идентичность социальных целей религии и социализма: религия призывает к переходу человека от животной-эгоистической мотивации к моральной (чувству любви в душе); социализм имеет целью реализацию этого же

¹⁰ Из этого не следует, что любой человек, ощущающий моральное чувство (и/или следующий оному), обязательно становится религиозным: человек может вообще никак не объяснять моральные импульсы, или объяснять их атеистически (как результат эволюции).

Верно и обратное: человек может не ощущать морального чувства (быть полным эгоистом) и при этом интеллектуально признавать бытие Бога (и состоять в религиозной организации).

¹¹ Соответственно критерий прогресса или регресса развития социума (и религиозных структур в обществе) не количество построенных храмов, а уровень общественной морали. Если мы именно в этом видим смысл религии, тогда разные религии могут мирно сосуществовать (как, например, православие и ислам в истории России), ибо у них, в сущности, одна цель. Если же этот смысл забывается (не понимается) — главной становится форма (обряды, догматы). В сущности, это та же проблема смешения целей и средств. По нашему мнению, это и есть глубинная причина религиозных войн.

Если считать главным в религии какие-то конкретные догматы, тогда разногласие в догматике становится смысложизненным конфликтом. Причем конфликт этот принципиально неразрешим (компромисс возможен по второстепенным ценностям, но не по высшим). Соответственно решение межрелигиозных конфликтов, по нашему мнению, не в создании некоей глобальной религиозной сверхструктуры (в стиле провозглашения «Хрислама» [31]), а в осознании идентичности высшей цели любой формы религии.

идеала на социальном уровне¹². Кто-то из христиан может усмотреть в этом тезисе ересь хилиазма (претензию на построение рая на земле). Мы согласны, что построение бесконфликтного рая на земле¹³ — утопия, причем утопия аморальная. Но из того, что на земле невозможен рай, совершенно не следует, что должен быть фашистский ад и/или безумное «общество потребления». Мы присоединяемся здесь к мнению И. Валлерстайна: «Коммунизм — это Утопия, что означает: нигде... Социализм, в отличие от этого, является достижимой исторической системой... способствующей развитию равенства и справедливости» [4, 140].

Альтернативный взгляд на смысл религии. Возможна и альтернативная трактовка отношения религиозного чувства (любви к Богу, связи с Богом) и морали как, может быть, и связанных, но по сути различных феноменов: религиозные догматы первичны, а мораль вторична, ибо производна от заповедей, основанных на откровении, и потому не подлежащих какому-либо анализу. Моральные заповеди способствуют совместной жизни людей, но выполнять их надо, в первую очередь, потому, что такова воля Бога (принципиально непостижимая); связь же с Богом устанавливается, в первую очередь, таинствами той или иной церкви. И в любом случае отношения между людьми вторичны по отношению к познанию Бога: «Всем — лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже... все здешнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?» [16, 188—189].

Тогда строительство храмов и монастырей, поддержка государством религиозных организаций неизмеримо важнее, чем любые секулярные процессы, и потому нет ничего ужасного, если парал-

¹² Важно отметить, что потакание социальному паразитизму в форме вульгарно понимаемого «равенства» (как равенства в потреблении благ — безотносительно вклада в общественное благосостояние) инструментом социализма (тем более — его атрибутом), при таком понимании социализма (которое мы разделяем), *не является*. Социальный паразитизм (нищенство, жизнь на пособие без стремления к работе) — это та же эксплуатация «снизу» (стремление взять у какого-либо индивида или общества в целом больше, чем отдать). Социализм, в нашем понимании, — это общество, где системно подавляются любые формы эксплуатации [12].

¹³ Например, по формуле «...каждому по потребностям» [20].

тельно с «религиозным возрождением» идут процессы деградации общественной морали, попрания властью идей справедливости, etc.¹⁴. В этом случае, если светская власть пытается использовать религию в охранительных целях, религиозная организация, как правило, идет на это, становясь частью иерархической пирамиды социального доминирования (и оправдывая такой status quo). Такая ситуация провоцирует: а) вполне предсказуемое столкновение социалистических (коммунистических) и церковных организаций; б) именно атеистическую интерпретацию социализма как протест против охранительной позиции церкви.

Конкретно в истории СССР это привело в том числе к гонениям на церковь в 1920—1930-е гг. (и гонения эти достойны осуждения). В то же время считаем нужным отметить: большевики были бы бессильны развернуть эти гонения, если бы авторитет церкви в народе не был бы разрушен еще до 1917 г. Обширный обзор источников по теме идеологического краха РПЦ начала XX в. см., например, в [7, 293—296]¹⁵.

Заключение. Если вынести за скобки тех, кто считает, что взрывы храмов — это и есть сущность социализма (и практически отождествляет социализм и сатанизм: [26]), выбор между социалистической и либеральной идеологиями верующий делает на основе тех же ценностных критериев, что и атеист.

Идеологическими противниками социализма становятся как верующие, так и атеисты: если интуитивно или сознательно симпатизируют обществу, устроенному на основе инстинкта иерархического доминирования, как мега-стая¹⁶ (так, гонения на Иоанна Зла-

¹⁴ Автор этих строк в 2011 г. беседовал с одним священником (причем с репутацией высокодуховного), и на реплику о падении в РФ общественной морали (в том числе и среди православных) получил ответ: «Ну и что? Пока Литургия служится — все хорошо. Мир создан, чтобы служилась Литургия».

¹⁵ Мы не видим здесь противоречия с тем фактом, что при переписи населения СССР 1937 г. почти 57% назвали себя верующими [19, 4]: разочарование в конкретной религиозной организации и потеря веры в Бога — это не одно и то же. Для России всегда была характерна религиозность в смысле М. Ганди, т. е. практическое отождествление религиозного и морального чувства.

¹⁶ С.Л. Франк в своей известной статье «Проблема “христианского социализма”» дошел до того, что объявил капитализм общественным строем, «который в максимальной мере благоприятен развитию и укреплению свободного брат-

тоуста были вызваны, по всей вероятности, именно его проповедью социальной справедливости). Но идеологическими противниками идей социализма они становятся совсем не потому, что верят в существование Первопричины мира¹⁷.

Если человек интеллектуально признает существование Бога, но не ощущает в душе морального чувства (любви к людям, альтруизма), то целью его веры будет реализация того же инстинкта самосохранения: ибо никакого третьего ценностного центра у человека, по нашему мнению, нет. В этом случае главным в религиозной жизни становится соблюдение таинств и обрядов: как *средство* для минимизации проблем земной жизни и/или посмертного попадания в рай (спасения от вечных мук).

Предельной формой такого рода веры являются ряд протестантских религиозных деноминаций, восходящих к кальвинизму: «[в] книге Беньяна “Pilgrim's progress”... описывается, как некий “христианин”, осознав, что он находится в “городе, осужденном на гибель”, услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: “Life, eternal life!” (“Жизнь, вечная жизнь!”)» [5, 145]; «...на вопрос “Нужны ли добрые дела для спасения?” ответ гласит: “Не нужны и даже вредны...”» [5, 237]¹⁸.

ско-любовного общения между людьми», аргументируя это следующим образом: «Ибо социалистический строй... принудительно осуществляющий социальную справедливость, тем самым лишает христианина возможности свободно осуществлять завет христианской любви» [24]. Как ни странно, но ограничения на владение оружием и наличие полиции (что, согласно такой логике, вроде бы лишает христианина возможности «свободно, без внешнего принуждения» осуществлять завет «не убий»), С.Л. Франк не отвергает. По нашему же мнению, сущностью капитализма является конкуренция и стремление к демонстративному потреблению; в моральном плане это есть нелюбовь (гордыня), т. е. не «развитие и укрепление», а разрушение «братско-любовного общения между людьми».

¹⁷ Конечно, и этическое неприятие эксплуатации логически также никак не связано с верой в то, что материя сама себе последнее основание.

¹⁸ Сравним эти цитаты с приведенным во введении высказыванием Иоанна Златоуста: из одного и того же источника (Библии) Иоанн Златоуст и кальвинисты вывели прямо противоположные этические рекомендации (это замечание —

Напротив, сторонниками социализма становятся (как минимум, потенциально) верующие, интуитивно или сознательно склонные к иному пониманию религии: любовь в душе как *цель*, а религиозные таинства как *средства* для этого¹⁹.

Литература

1. Беккер В. Религия и мораль // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 263—281.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997.
3. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
4. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61—272.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
7. Галин В. Движущие силы истории. М.: Алгоритм, 2016.
8. Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
9. Джонсон Х. Христиане и коммунизм. М.: ИЛ, 1957.
10. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: КоЛибри, 2008.
11. Егоров Д.Г. О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения // *Общественные науки и современность*. 2022. № 4. С. 16—32.
12. Егоров Д.Г. Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму) // *Общественные науки и современность*. 2023. № 3. С. 23—38.

иллюстрация утверждения, что этический выбор первичен по отношению к догматике).

¹⁹ Конечно, мы не первые так интерпретируем сущность религиозной веры. Эта интерпретация, например, имеется в тексте Нового завета: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:2—3).

13. *Егоров Д.Г.* Почему погиб СССР (о ценностных основаниях идеологий) // *Общество и экономика*. 2023. № 12. С. 87—104.
14. *Кант И.* Критика практического разума. М.: Эксмо-Пресс, 2015.
15. Комментарии Иоанна Златоуста – 1 послание Коринфянам, 11 глава: URL: <https://bible.by/zlatoust/53/11/> (дата обращения: 1.04.2024).
16. *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви: URL: https://bookscafe.net/author/leontev_k-10783.html (дата обращения: 1.04.2024).
17. *Льюис К.С.* Просто христианство. М.: ХНАЦ, 2011.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.* М.: Госполитиздат, 1955. С. 7—544.
19. Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941—1944. Сборник документов / Авт.-сост.: С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб.: Арт-Экспресс, 2016.
20. Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961): URL: <http://музейреформ.рф/node/13891> (дата обращения: 1.04.2024).
21. *Розмаинский И.В.* Дехристианизация в Западной Европе и современные институты капитализма // *Terra Economicus*. 2015. № 1. С. 30—42.
22. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007.
23. *Уильямс Э.А.Дж.* Христианские левые: введение в радикальную и социалистическую христианскую мысль. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
24. *Франк С.Л.* Проблема «христианского социализма» // *Франк С.Л. По ту сторону правого и левого.* Париж: YMCA-PRESS, 1972. С. 63—82.
25. *Харрис С.* Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей. М.: Карьера Пресс, 2015.
26. *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. Paris: YMCA-PRESS, 1977.

27. *Шодем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2004.
28. *Шубин А.В.* Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
29. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53—655.
30. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Метафизика. 2015. № 4. С. 170—187.
31. *Chrislam Confirmed: Led By Pope Francis, Leaders Of The World's Religions Formally Adopt Human Fraternity Document At 7th Congress:* URL: <https://www.nowtheendbegins.com/7th-congress-of-leaders-of-world-religions-adopt-human-fraternity-chrislam-document-pope-francis-mohamed-bin-zayed/> (дата обращения: 1.04.2024).
32. *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments: URL: http://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_MoralSentiments_p.pdf (дата обращения: 18.03.2024).
33. *Survival of the Richest. How we must tax the super-rich now to fight inequality.* Oxfam briefing paper — January 2023: URL: https://www.oxfamfrance.org/wp-content/uploads/2023/01/Davos_2023_full-report_English_EMBARGOED.pdf (дата обращения: 1.04.2024).

References

1. *Bekker V.* *Religiya i moral' // Razum i ekzistenciya: Analiz nauchnyh i vnenauchnyh form myshleniya.* SPb.: RHGI, 1999. S. 263—281.
2. *Berdyayev N.* *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma.* М.: Svarog i K, 1997.
3. *Bulgakov S.N.* *Hristianskij socializm.* Novosibirsk: Nauka, 1991.
4. *Vallerstajn I.* *Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya civilizaciya.* М.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2008.
5. *Veber M.* *Protestantskaya etika i duh kapitalizma // Veber M. Izbrannye proizvedeniya.* М.: Progress, 1990. S. 61—272.
6. *Veblen T.* *Teoriya prazdnogo klassa.* М.: Progress, 1984.
7. *Galim V.* *Dvizhushchie sily istorii.* М.: Algoritm, 2016.

8. *Gandi M.K.* Moya zhizn'. M.: Izd-vo vost. lit., 1959.
9. *Dzhonson H.* Hristiane i kommunizm. M.: IL, 1957.
10. *Dokinz R.* Bog kak illyuziya. M.: KoLibri, 2008.
11. *Egorov D.G.* O prichinah social'noj ekspluatacii i perspektivah ee ischeznoveniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2022. № 4. S. 16—32.
12. *Egorov D.G.* Model' cheloveka kak klyuch k ponimaniyu ideologii (o nemarksistskoj al'ternative liberalizmu) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2023. № 3. S. 23—38.
13. *Egorov D.G.* Pochemu pogib SSSR (o cennostnyh osnovaniyah ideologii) // *Obshchestvo i ekonomika*. 2023. № 12. S. 87—104.
14. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma. M.: Eksmo-Press, 2015.
15. Kommentarii Ioanna Zlatousta – 1 poslanie Korinfyanam, 11 glava: URL: <https://bible.by/zlatoust/53/11/> (data obrashcheniya: 1.04.2024).
16. *Leont'ev K.N.* O vseмирnoj lyubvi: URL: https://bookscafe.net/author/leontev_k-10783.html (data obrashcheniya: 1.04.2024).
17. *L'yuis K.S.* Prosto hristianstvo. M.: HNAC, 2011.
18. *Marks K., Engel's F.* Nemeckaya ideologiya // *Marks K., Engel's F. Soch. T. 3.* M.: Gospolitizdat, 1955. S. 7—544.
19. Prikaz: arhiv unichtozhit! Pribaltijskij ekzarhat i Pskovskaya pravoslavnaya missiya v gody nemeckoj okkupacii 1941—1944. Sbornik dokumentov / Avt.-sost.: S.K. Bernev, A.I. Rupasov. SPb.: Art-Ekspress, 2016.
20. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (1961): URL: <http://muzejreform.rf/node/13891> (data obrashcheniya: 1.04.2024).
21. *Rozmainskij I.V.* Dekhristianizaciya v Zapadnoj Evrope i sovremennye instituty kapitalizma // *Terra Economicus*. 2015. № 1. S. 30—42.
22. *Torchinov E.A.* Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo. SPb.: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007.

23. *Uil'yams E.A.Dzh.* Hristianskie levye: vvedenie v radikal'nyuy i socialisticheskuyu hristianskuyu mysl'. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

24. *Frank S.L.* Problema «hristianskogo socializma» // Frank S.L. Po tu storonu pravogo i levogo. Parizh: YMCA-PRESS, 1972. S. 63—82.

25. *Harris S.* Moral'nyj landshaft. Kak nauka mozhet formirovat' cennosti lyudej. M.: Kar'era Press, 2015.

26. *SHafarevich I.R.* Socializm kak yavlenie mirovoj istorii. Paris: YMCA-PRESS, 1977.

27. *SHolem G.* Osnovnye techeniya v evrejskoj mistike. M.: Mosty kul'tury, 2004.

28. *SHubin A.V.* Socializm. «Zolotoj vek» teorii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.

29. *YUm D.* Traktat o chelovecheskoj prirode, ili Popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nyim predmetam // YUm D. Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1996. S. 53—655.

30. *YAspers K.* Istoki istorii i ee cel' // Metafizika. 2015. № 4. S. 170—187.

А.В. МАРКОВ, О.А. ШТАЙН (БРАТИНА)

**Алконосты борьбы, или Философия детского хозяйства:
экономическая социология игрушки Н.М. Церетелли***

Аннотация. Советский актер и исследователь игрушки Николай Церетелли в русле социологии 1920-х гг. обосновывал игрушку как основу импровизационной экономики, противоположной технической воспроизводимости времен нэпа. Его идеи философии хозяйства интерпретируются через сопоставление с идеями Вальтера Беньямина и Николая Бартрама. Показано, что он требовал не

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В., Штайн О.А. Алконосты борьбы, или Философия детского хозяйства: экономическая социология игрушки Н.М. Церетелли // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 160—170. DOI: 10.5281/zenodo.11235370.

педагогической разработки игрушки, а своеобразной прогулки для игрушек, свободной игры, здоровое хозяйство было неотделимо от здорового образа жизни. Его актерское понимание тела нашло отражение в его концепции игры как основы экономической деятельности. Вместо механизации производства он предлагал карнавализацию, автоматическое действие гротескного тела, предвосхитив некоторые идеи Михаила Бахтина. В его философии хозяйства обязательно есть сюжет милосердия, актуальный и для современных экономических дискуссий.

Ключевые слова: русская игрушка, народное творчество, кустарное производство, философия куклы, карнавализация, Бахтин, Николай Церетелли.

Abstract. Soviet actor and toy researcher Nikolai Tseretelli, in the vein of 1920-s sociology, justified the toy as the basis of an improvisational economy, the opposite of the technical reproducibility of the NEP times. His ideas of philosophy of economy are interpreted through comparison with those of Walter Benjamin and Nikolai Bartram. It is demonstrated that he did not require a pedagogic elaboration of the toy, but a kind of walk for toys, free play; a healthy economy was indissociable from a healthy way of life. His actor's understanding of the body was echoed in his conception of game as the basis of economic activity. Instead of mechanization of production, he proposed carnivalization, the automatic operation of the grotesque body, anticipating some of Mikhail Bakhtin's ideas. In his philosophy of economy there is necessarily a plot of mercy, which is also relevant for contemporary economic discussions.

Keywords: Russian toy, folk art, artisanal production, puppet philosophy, carnivalization, Bakhtin, Nikolai Tseretelli.

УДК 130.2
ББК 71.0

Николай Михайлович Церетелли (Саид Мир Худояр-Хан, 1890—1942), из рода бухарских ханов, аристократ, импровизатор и своеобразный социальный мыслитель, был трагическим актером и знатоком игрушки. Церетелли явил пример синтетического актера в смысле «синтетического театра» А.Я. Таирова, режиссерский та-

лант которого и помог молодому творческому человеку раскрыть свои способности, или пластическую воспитанность [3, 71]: Церетелли умел петь, владел искусством пантомимы и элементами цирковой эксцентрики. Каждый спектакль для него был событием: мемуаристы отмечали его способность к перевоплощениям и одновременно пластически звуковому представлению самой идеи спектакля. Самозабвенно играя, он одновременно размышлял над тем, что играет, превращая замысел режиссера в перформанс: его тяготение к авангардной поэзии (например, поэзии Василия Каменского) и к авангардным практикам сверхчувствительного самовыражения было частью разыгрывания себя [5, 119], восприятия новых пограничных чувств и *практик себя*; тогда как искреннее представление себя в своей целостной судьбе требовало игрушки как своеобразного экономического коррелята *театрализации жизни* в русском модерне и авангарде.

Мы рассматриваем Церетелли не просто как увлеченного собирателя игрушек, но как создателя философско-экономической модели игрушечного хозяйства, которая восстанавливается по его монографии [6]. Его проект отличается от проекта другого знаменитого знатока игрушек, Н.Д. Бартрама, который был реконструирован в статье [4]. Бартрам исходил из своеобразного перевоспитания кустарного производства, превращения его в профессиональный педагогический и социально-экономический проект, в этом смысле Бартрам может быть поставлен в один ряд с А.С. Макаренко, Л.С. Выготским и другими выдающимися советскими педагогами. Тогда как Церетелли видел в игрушке уравнивание театрализации: театр, доходя до сверхчувствительности, не может до конца отменять судьбы других, подчинять их духу музыки, и игрушка не может быть только розыгрышем, только импровизацией. Напротив, надо найти собственную экономическую и хозяйственную логику игрушки, которая и позволит современному человеку, увлеченному искусствами и авангардом, хозяйствовать своим телом. Как и Бартрам, Церетелли критически относился к опыту нэпа, в котором экономика требовала упрощения быта, китча, но, в отличие от Бартрама, стремившегося создать дидактическую норму производства игрушек, Церетелли лично и эмоционально поощрял развитие *качественного производства*. В его модели мастер должен был рас-

крыть себя, создавая новую игрушку, горячо откликаясь на текущее время, и важна была не техническая воспроизводимость игрушки, а возможность ее «выгулять», возможность организовать шествие игрушек. Методологически мы опираемся на исследование отношения игрушки и искусственного (виртуального) тела [7, 192], но адаптируем эту методологию к периоду, когда единственным виртуальным пространством был экспериментальный авангардный театр.

По воспоминаниям жены актера Татьяны Колли, коллекционирование началось случайно: «В 1919 году, во время одной из летних гастрольных поездок, в городе Беднодемьяновске он по обыкновению пошел на базар и увидел глиняные игрушки, которые поразили его формой и раскраской. Это были различные животные и фигурки работы мастеров Зоткиных из деревни Абашево. Н.М. купил несколько игрушек, познакомился с Илл. Зоткиным, одним из авторов этих игрушек, разговорился с ним, и Зоткин пригласил его к себе в Абашево посмотреть и другие игрушки, сделанные им, его сыновьями и внуками. Он даже обещал сделать для Н.М. к его следующему приезду новые игрушки. Обещание свое он выполнил, и когда Н.М. в следующем году специально приехал в Абашево, то увидел сделанных для него семьей Зоткиных животных — барана, козла, оленя и других. <...> Так было положено начало коллекционированию игрушек, но постепенно простое любование формой, тематикой и раскраской игрушек перешло в более глубокий интерес к ним, к их истории и к тем истокам, которыми питается народное творчество» [4]. Заметим, что здесь норма производства — это часть эмоциональной преданности, эмоционального обещания; это экономика желаний, а не экономика регулярного обязательства. В годы военного коммунизма Церетелли создает свою философию хозяйства как регулярных поездок, а не регулярного выпуска: социальная мобильность должна сделать игрушки спутниками жизни современного человека, напоминанием о ценностях народного творчества с его радостью и щедростью. Простое регулярное производство лишено настоящей любви, тогда как любование формой, тематикой и раскраской позволяет лучше организовать эмоциональное расписание жизни.

По тому же свидетельству вдовы, «Н.М. Церетелли нежно любил свои игрушки. Хранились они, за неимением места для их расстановки, в ящиках старинного комода. Часто можно было застать артиста сидящим на полу около открытого ящика и любовно перебирающим игрушки. Несколько раз в году, по большим праздникам, игрушки “выходили гулять” (все та же любовь к “игре”). На большой накрытый стол ставились то глиняные “дамы” в платьях с причудливым ярким рисунком (особое предпочтение отдавалось куклам Мезриной), то это были разные животные и птицы, например “утки нарядные”, то есть с ярким жабо. В следующий праздник по столу скакали кавалькады всадников и амазонок» [4]. Такой выгул игрушек был необходимой частью такого регулярного эмоционального хозяйства, а шествия игрушек сразу напоминают нам шествия в авангардном театре, например шествие чиновников в знаменитой постановке «Ревизора» (1925) В.Э. Мейерхольда.

Философскохозяйственный смысл отношения Церетелли к игрушкам лучше прояснить одним из многих эпизодов его театральной жизни. В постановке оперы Дебюсси «Ящик с игрушками» 1917 г. он играл деревянного солдатика. По сюжету этой одноактной оперы, деревянный солдатик влюбился в куклу, но ее сердце принадлежало уже лентяю Полишинелю. Полишинель — болтун, в отличие от сдержанного солдата. Дуэль Полишинеля и Солдатика переросла в сражение множества полишинелей и множества солдатиков: в музыке Дебюсси сновидческая зеркальность гармоний требует при любом развитии сюжета умножения действующих лиц, и дуэль, неспособная остаться тайной в мире Полишинеля, становится настоящим походом большинства в мире солдатиков. Заметим, что Дебюсси создавал свой балет по детской иллюстрированной книжке в 1913 г., последнем мирном году. Новые войны XX в. уже не были выдвижением армии, с обозами и маркитантками, но работой мобильных групп, иногда при поддержке разведки, авиации, механизированных бригад. Для этой новой тактики обхода и прорыва линий обороны производились различные новшества, например, знаменитые бульонные кубики: полевую кухню при передвижении по пересеченной местности не захватишь, а кубики с их технической воспроизводимостью и котелок — самый груз для солдата.

Деревянный Солдатик у Дебюсси был ранен, и Кукла, которой негодник Полишинель уже успел изменить, стала опекать Солдатика и стала его женой. Техническая воспроизводимость была преодолена милосердием со свободным уходом и свободными прогулками, подчеркнутыми легкими мелодиями. Французский писатель Элле, автор детской книжки-сценария, и был заказчиком, 20 июня 1913 г. он показал композитору-соотечественнику текст и картинки. По сути, этот балет говорил о новых отношениях между литературой и визуальными искусствами. Книгу мы не только читаем, но и прячем в шкаф, заветный ящик, книги в детской могут лежать вперемешку с игрушками. Раньше книга должна была быть на строгой учебной полке, но разве потребуешь этого от иллюстрированных книг. Тогда книга может быть спрятана в ящик, а ее герои — ожить, приоткрыть ящик и заглянуть к нам, как бы *выйти на прогулку*.

Так рождалось новое литературное воображение XX в.: выходящие из мира книги герои, начинающие жить отдельной жизнью, — благодаря чему и стали возможны различные кроссоверы, спин-оффы и прочие оживления героев, в том числе и в советской детской продукции, вспомним существующий и сейчас журнал «Веселые картинки», где рядом были Буратино, Чиполлино и чех или словак Гурвинек. Измена Полишинеля — образ инфляции слова, слишком много в XX в. стало книжной и газетной болтовни, а опека Куклы — образ той самой игры, которая и создает новые сюжеты, настоящее новое фэнтези, где обрести себя, пофантазировать о себе и выздороветь — одно и то же. Конечно, Церетелли нравилась больше всего такая экономика игрушечного хозяйства: духовное выздоровление крестьянина, который в тяжелейший год делает для него новую игрушку, и духовное выздоровление игрушек, свободно гуляющих в своей воображаемой амбулатории. Литературное воображение нового типа стало основой философии хозяйства, альтернативной узкому и жадному капитализму того времени.

Любовный треугольник Дебюсси отчасти повторяет такой же в «Петрушке» (1911) Стравинского: грустный Петрушка, изысканная Балерина и глупый Арап. Только Балерина у Стравинского лишена субъектности, но именно потому, что ее лишен и Петрушка: Фокусник превращает его в куклу, набитую опилками, т. е. возвра-

щает кукле, говоря марксистским языком, родовую сущность. Но именно здесь происходит хонтологический (хонтология — созданное Ж. Деррида направление в социальной философии, изучающее присутствие призраков в реальности, онтологическое измерение призрака в социальной реальности) оборот: Петрушка уже как призрак театра грозит Фокуснику. Производится оборот: театр оказывается последним местом независимых суждений, тогда как публичное поле полностью коррумпировано, в нем нет суждений, есть только страсти, поэтому все куклы как публичные персонажи субъектности лишены. Это соответствует ненавидимому Церетелли строю капитализма и нэпа, эпохи рекламы и трестов, с высокой коррупцией чувств и желаний, и Стравинский — союзник Церетелли в обличении бесчувственной буржуазности. Ему ближе явно разноцветные игрушки, цветные и вдохновенные, *Алконосты борьбы* и настоящей дуэли, борющиеся за качество ремесла, а не за регулярность, так что мастер делает их так же милостиво, как Кукла у Дебюсси милостиво ухаживает за Солдатиком.

Дебюсси берет из Стравинского скерцо как характеристику победы Арапа, сделав его музыкальной темой Полишинеля. Тогда как Солдатику достаются фанфары, это отсылка к масленичному аллегро вступления Стравинского, но иное. У Стравинского всё построено на сочетании имитации механического звука шарманки и импровизации уличных танцев, причем природа оказывается тривиальной, коррумпированной безличностью героев, и только звук шарманки возвращает какой-то смысл происходящему. Тогда как у Дебюсси Солдатык, который выходит из коробки, который первый в ней попадает под руку играющего, снимает противопоставление искусственного и естественного, он просто явлен, он феноменологический факт, он сам себе экономическая единица, сам себе хозяйство и милость.

Стойкий деревянный солдатик должен напомнить, конечно, своего оловянного андерсеновского собрата, и о тамошнем треугольнике, где есть Балерина и Тролль. Но старая сказка Андерсена 1838 г. — совсем не об армии, а о полицейском государстве, как оно тогда, после Канта, понималось, государстве, в котором администрация следит и за одушевленным порядком, поведением людей, и за неодушевленным порядком, например, работой водопровода. Та-

кое государство возникает там, где есть осязаемый дефицит благ — он очевиден: на ногу солдатика олова не хватило. Полиция не может до конца регулировать частную жизнь, в ней и могут появиться тролли и другие ужасы; но в общественной жизни это регулирование становится навязчивым, даже крыса пытается проверить паспорт у датского солдатика. В полицейском государстве ни балерина, ни солдатик не только не произносят ни слова, но даже не двигаются друг к другу. Тогда как деревянный Солдатик живет уже в другом государстве — государстве промышленной революции, где Солдатики и Полишинели может тиражировать, и они становятся уже брендами самих себя, играют себя и действуют так агрессивно, как этого требует высококонкурентный рынок. На смену эпохи дефицита пришла эпоха брендов.

Именно такой переход от дореволюционного дефицита к советскому бренду и отмечен в книге Церетелли «Русская крестьянская игрушка». Оформил книгу об игрушке Владимир Алексеевич Милашевский (1893—1976), в своем творчестве стремившийся к своеобразной постэкспрессионистической множественности планов, когда распределение планов, прежде допустимое только в ментальной станковой живописи, становилось возможно и в рисунке. По сути, это был проект взаимного проникновения рисунка и живописи, когда на холсте можно передать рисовку, графическое усердие, сохранив все эффекты картинности; тогда как в рисунке выстроить иллюзорность, способную, кажется, удивить и героев рисунка. Тем самым проект Милашевского лучше всего соответствовал этой автокоммуникативной экономике игрушки, которую развивал Церетелли.

На суперобложку этой книги обычно не обращают внимания, но в те годы суперобложка еще выполняла свою главную функцию — быть пакетом, цветной бумажной упаковкой, позволяющей донести книгу из магазина, не замарав переплет. Это как конверт для письма, адресованного из прошлого в будущее. Такая работа времен в дизайне Милашевского невероятно усилена иконоически: на задней стороне суперобложки изображен возок, запряженный лошадьми, как старый быт, а на передней — красноармеец как новый быт. Ключ к этому решению оформителя мы находим в одном из наблюдений книги, что городские лошади с возком продава-

лись так, что платили за лошадку, а возок бонусом, «экипаж в счет не шел» [6, 50]. То есть целевая аудитория — дети, именно они должны не отрываться глазами от лошадки и выключить игрушку, а взрослый покупает с возком, чтобы чувствовать себя символически хозяином положения, не уступить его вполне детям. Таким образом, старый быт — это быт, где экономические транзакции ускоряются увлекательностью, тогда как политически поддерживаются отношения власти. Полицейская власть и требует контролировать возок, тогда как игрушка нового быта должна быть автоматизированной, механизированной, не технически воспроизводимой, а воспроизводящей технику прогулки, милости и, в конце концов, карнавала.

Согласно Церетелли, монархические игрушки в начале XX в. выполнялись на заказ, для особых любителей существующего строя, а вот революционные игрушки, разные карикатуры на городских или игрушечная сатира на пирамиду угнетения, появившаяся в революцию 1905 г. [6, 35], шли на рынок, т. е. рынок был как раз местом гротескного представления социальных отношений, миром карнавализации. Таковую карнавализацию должна продолжать профессиональная игрушка в советское время. Так, Церетелли обрушивается на антирелигиозные матрешки, которые должны были представить все религии как часть единой иллюзии обмана, вложив «богов» или «жрецов» друг в друга. Для Церетелли такая игрушка непонятна детям, не знающим, что такое церковный обряд с его механической театрификацией, через повторяющиеся ритуалы и их техническую воспроизводимость. Антирелигиозным (карнавальным, в смысле Бахтина) могут быть театр и уже познавательная игрушка для детей старше 6—7 лет, игрушка как часть познания окружающего мира и истории, но не такая матрешка (или кегли в виде представителей духовенства) как чистый эффект уравнивания прежних религиозных представлений.

Поэтому для Церетелли карнавальная игрушка не должна ничего уравнивать, она должна механически показывать новые возможности нового быта, должна гулять, тогда как матрешка гулять не может, она может быть только стендовым образцом. Церетелли видит возможный прообраз будущей советской просвещенной игрушки в пляшущей козе или медведе [6, 100], т. е. в *карнавализации*

тела, уравнивающей тело человеческое и животное — из книги неясно, имелась ли в виду дарвинистская или какая-то еще перспектива. Но в любом случае, это гротескное тело обладает собственной экономикой, оно явлено, оно вышло на прогулку, оно не стоит на стенде. Можно вспомнить, что М.М. Бахтин находит продолжение карнавальности в тезисе гуманиста Пико делла Мирандола, что человек может стать и животным, и растением, но и Богом, и Сыном Божиим [1, 403], — так объединяются ритуальные истоки карнавала и самостоятельная экономика человеческого тела как игрушки человеческого интеллекта.

Церетелли в различных местах своей книги упоминает различные варианты гротескного тела: от непристойных фигурок монахов, которые вдруг распахивают рясу и показывают голое тело [6, 79], до казаков, пожирающих противников. Он подчеркивает, что это дорогие игрушки, которые и обеспечивают благополучие всей игрушечной экономики, подразумевается, в отличие от дефицитарных экономик капитализма и нэпа, которые ненавидели равно Бартрам, Вальтер Беньямин и Церетелли, где обязательно есть растраты, а значит, и дефицит времени или дефицит успеха. У игрушечных мастеров, милостивых и щедрых, достаточно времени и здорового досуга; и здесь возможна механика не как техническая воспроизводимость, а как обеспечение постоянной прогулки или постоянного обмена. По словам Бахтина, карнавальностью в литературе «все время фиксируется обмен между телом и миром» [1, 393]. Такую карнавальность Церетелли воссоздал и как философ и теоретик хозяйства, и как практик игрушечного мира.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. *Марков А.В.* Игрушечное производство Бартрама как сеть знания // *Stasis*. 2022. Т. 14. № 2. С. 61—82.
3. *Титова Г.В.* «Фамира-кифарэд» в Камерном театре: Таиров, Экстер, Анненский // *Театрон*. Научный альманах Санкт-Петербургской академии театрального искусства. 2008. № 1. С. 66—73.

4. *Хализева М.В.* Потомок древнего рода // Экран и сцена. 2021. 14 мая: URL: <https://screenstage.ru/?p=14877> (дата обращения: 01.03.2023).
5. *Федоров М.Л.* Внук Эмира, камерный театр, кино и Русская игрушка // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 117—120.
6. *Церетелли Н.М.* Русская крестьянская игрушка. М.: Academia, 1933. 256 с.
7. *Штайн О.А.* Тело в мире медиатехнологий // Медиафило-софия. 2010. Т. 5. С. 187—194.

References

1. *Bakhtin M.M.* Rabelais and His World. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. 543 p.
2. *Markov A.B.* Bartram's Toymaking as a Network of Knowledge // Stasis. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 61—82.
3. *Titova G.V.* «Phamira-Citharista» in the Chamber Theater: Tairov, Exter, Annensky // Teatron. Scientific Almanac of the St. Petersburg Academy of Theater Art. 2008. No. 1. P. 66—73.
4. *Khalizeva M.V.* Descendant of an ancient family // Screen and Stage. 2021. May 14: URL: <https://screenstage.ru/?p=14877> (accessed: 01.03.2023).
5. *Fedorov M.L.* Grandson of Emir, Chamber Theater, Cinema and Russian Toy // The World of Russian Word. 2016. No. 3. P. 117—120.
6. *Tseretelli N.M.* Russian peasant toy. M.: Academia, 1933. 256 с.
7. *Shtayn O.A.* Body in the world of media technologies // Mediaphilosofia. 2010. Vol. 5. P. 187—194.

IV

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Г.С. ШИРОКАЛОВА, П.И. КУКОНКОВ

Состояние системы здравоохранения как следствие деградации социальной инфраструктуры малых городов России*

Аннотация. Состояние социальной инфраструктуры малых городов зависит от стратегии развития территориального пространства страны. В связи с этим авторы анализируют степень реализации артикулируемой и поддерживаемой правительством концепции концентрации населения Российской Федерации в агломерациях, десять из которых находятся в европейской части России. Цель статьи, во-первых, дать оценку данной установке на основе экспертных заключений специалистов, профессионально работающих с проблемами архитектуры страны; во-вторых, на основе статистических данных, характеризующих здравоохранение конкретного российского региона, показать последствия политики, направленной на приоритетность поддержки городов-миллионников.

Авторы приходят к выводу, что закономерным следствием процессов, протекающих в последние годы в малых городах Нижегородской области, выступает консервация социальной инфраструктуры, в которой сохраняются застойные явления. Наличие существенных диспропорций в деградировавшей за последние годы социальной инфраструктуре малых городов сказывается на критически важной для них инфраструктуре здравоохранения.

Ключевые слова: агломерация, малый город, социальная инфраструктура, здравоохранение, Россия

Abstract. The state of the social infrastructure of small towns depends on the development strategy of the country's territorial space. In this regard, the authors analyze the degree of implementation of the ar-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С., Куконков П.И. Состояние системы здравоохранения как следствие деградации социальной инфраструктуры малых городов России // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 173—195. DOI: 10.5281/zenodo.11235430.

articulated and government-supported concept of concentration of the population of the Russian Federation in agglomerations, ten of which are located in the European part of Russia. The purpose of the article is, firstly, to assess this installation on the basis of expert opinions of specialists professionally working with the problems of the country's architectonics, and secondly, on the basis of statistical data characterizing the health care of a particular Russian region, to show the consequences of a policy aimed at prioritizing support for cities with millions of people.

The authors conclude that the conservation of social infrastructure, in which stagnant phenomena persist, is a natural consequence of the processes taking place in recent years in small towns of the Nizhny Novgorod region. The presence of significant imbalances in the degraded social infrastructure of small towns in recent years affects the critically important health infrastructure for them.

Keywords: agglomeration, small town, social infrastructure, healthcare, Russia.

УДК 316.4

ББК 60.59

Политические дискуссии: малым городам быть или не быть?

В стратегиях территориального развития России отражается экономическая борьба за ресурсы крупного, прежде всего финансового, капитала, с одной стороны, «глубинки России» — с другой. Позиция первых по развитию мегаполисов-миллионников и гиперцентрализованной Москвы была представлена в 2011 г. Э.С. Набиуллиной, возглавлявшей тогда Минэкономразвития, на Московском урбанистическом форуме «Глобальные решения для российских городов». Ее позиция аргументировалась ссылкой на американский опыт и их большей экономической эффективностью в отличие от малых городов России, при этом игнорировался тот факт, что основные постулаты «устойчивого развития — это соблюдение баланса интересов между экономическими, социальными и экологическими факторами развития как для нынешнего поколения, так и для будущих поколений, когда во главу угла ставится основная цель — повышение качества жизни населения» [28, 5]. Ми-

нистерством предполагалось переселить в них за два десятка лет 15—20 млн человек [13].

В это время уже начиналась реализация проекта «Большая Москва», рассчитанного до 2035 г. и предусматривавшего увеличение территории столицы в 3,5 раза [21]. Активным сторонником этого проекта был С.С. Собянин, поскольку он предполагал значительные финансовые вложения. К тому же новая парадигма снимала с повестки дня приближающийся отчет за вторую целевую федеральную программу социально-экономического развития малых городов России (2009—2012 гг.).

Выступление Набиуллиной активизировало защитников «малозаточной России» и, прежде всего, Российского союза промышленников и предпринимателей, руководителей регионов, заявивших что «за красивыми формулировками скрывается крайне неприглядная суть: государство решило снять с себя ответственность за поддержание на должном уровне жизни в малых городах. И это будет сродни социальной катастрофе, ведь уход государства предполагает, что может быть прекращено финансирование школ, больниц, полиции, коммунальных структур, транспортных объектов» [2]. По сути, министра обвиняли в геноциде по отношению к большей части населения России. Показательно в этом плане заявление Союза малых городов РФ. Прогнозируя развитие событий, представители Союза указывали на рост межрегиональных миграций, а следовательно, и сепаратистских тенденций: экономическое неравенство всегда актуализирует межнациональные и межрелигиозные противоречия. Кроме того, крупные города «сами пережили масштабную деиндустриализацию, уже извлекли за прошедшие 20 лет из районно-сельской периферии все возможные и необходимые ресурсы, приняли всех возможных мигрантов с периферии и объективно являются уже не столько точками индустриально-инновационного роста, сколько центрами торговли и услуг. Дальнейшая концентрация в них ресурсов и населения превращает мегаполисы как с экологической, так и с экономической стороны во все менее пригодную для всестороннего развития человека среду жизнедеятельности, ведет к неуклонному возрастанию удельных, в расчете на одного жителя, затрат, на их поддер-

жание и развитие, ко все большему перерасходу финансовых, в том числе государственных, средств» [7].

Негативную оценку позиции Набиуллиной дал Президиум Российской академии архитектуры и строительных наук. Прежде всего, было отмечено, что миграция из небольших городов 15—20 млн прежде всего молодого населения означает кардинальное изменение их демографического состава, превращая эти города в «приюты» пенсионеров и других, требующих социальной поддержки групп [16]. Позиция архитекторов не была кулуарной: они опубликовали обращение и к президенту РФ Д.А. Медведеву и к председателю правительства В.В. Путину, что свидетельствовало и о ее глубокой аргументированности.

Всесторонняя критика была дана заместителем директора Института географии РАН, доктором географических наук А.А. Тишковым, выделившим восемь позиций, ряд которых был проанализирован нами ранее [35]. Здесь же подчеркнем, что его аргументы опирались на недавнюю историю новой России, когда на территории бывшей РСФСР стали говорить о создании Дальневосточной, Уральской, Сибирской республик, поскольку им «ни налоговых преференций не дали, ни систему управления не упростили» [34]. Напомним, что идея создания экономически успешных республик при условии независимости от Москвы разрабатывалась региональной интеллигенцией с конца 1980-х гг. Печатались новые денежные знаки: в Екатеринбурге — «франки», в Нижегородской области — «немцовки», которые потом использовались на автозаправках... Создание в 2000 г. федеральных округов позволило приостановить процесс дальнейшего расчленения России. Ссылка Минэкономразвития на недостаток ресурсов для обеспечения жизнедеятельности малых городов объяснялась А.А. Тишковым и с политической позиции: условия жизни в них он оценивал как «позор и несостоятельность современной политики государства» [34], они были причиной протестного голосования на выборах. Он одним из первых обозначил еще одну «причину» провала программ развития регионов и «экономической агрессивности» московских чиновников и их ставленников на местах — это политика «назначения» в руководство муниципальных образований представителей некоренного (судя по контексту: не местного) населения, которые,

не зная специфики, «салятся, главным образом, на финансовые потоки» [34]. Такая закономерность действительно прослеживается: «на кормление назначаются», в том числе через «выборы», депутаты, сотрудники министерств, руководители муниципалитетов, музеев, вузов... о чем свидетельствуют отсутствие у них профильного образования и послужные списки, обнародованные в интернете. Но дело не только в желании «решать свои дела» через «нужного человека», но и в отсутствии на местах компетентных, авторитетных руководителей из-за миграции наиболее образованной части населения в перспективные для их карьеры города.

А.А. Тишков напоминал об экономической эффективности географического положения России, позволяющего получать пространственную ренту, дающую дополнительные выгоды при контроле над большой территорией, особенно с развитием новых технологий связи. Трансконтинентальная логистика — очень важный фактор международных отношений. Теория пространственной ренты в последние десятилетия активно разрабатывается в зарубежных странах и служит обоснованием внешней политики [9]. Время доказало справедливость его предупреждений.

Острая реакция на выступление Набиуллиной была одной из причин того, что на всероссийском уровне планы приоритетного развития «городов-миллионников» какое-то время публично не обсуждались. Означает ли это, что государство повернулось лицом к малым городам? В рамках Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2019—2024 гг. они могут получать средства из федерального бюджета на развитие своих территорий, точнее, на их благоустройство. Приведем оценку таких проектов в СМИ: «Всероссийский конкурс малых городов и исторических поселений — это не только планы, но и уже созданные и превосходно зарекомендовавшие себя проекты. Среди них — парки, скверы, городские площади и функциональные пешеходные зоны. Миллионы людей в малых городах и исторических поселениях получили комфортную, безопасную городскую среду рядом с домом. От этого не только получают удовольствие местные жители, но и повышается туристическая привлекательность, а благоустроенные территории становятся точкой притяжения людей и привлекательным местом для бизнеса, что благоприятно сказывается на

экономике города и дает возможность активному молодому населению не уезжать из родного города» [15].

Оценим эту характеристику проекта через реакцию уроженки маленького города, переехавшей в Нижний Новгород, на похвалу приведенному в порядок парку, отреставрированному храму, местному краеведческому музею после ремонта: «Ну, схожу я в музей раз, два. Пусть три раза. А зарабатывать-то на жизнь где я буду?». Производство в районном поселке разрушено, агропредприятия, благодаря которым в районном центре была переработка сельхозпродукции, тоже. Да и туристический потенциал невелик: далеко от областного центра, мифология о местных святынях бедновата для религиозного туризма. Для сочетания отдыха на природе с осмотром достопримечательностей всего района нужна гостиница, но она коммерчески не оправдана. Итак, качество досуга выигранные гранты несколько улучшают, но создают ли те рабочие места, которые интересны потенциальным мигрантам в мегаполисы? Проект это направление работы не предусматривает. Кроме того, сами выделяемые средства точечны (под грант), минимальны и коротки [32].

Черт, как говорится, кроется в деталях. И вот еще одна из них. В центре поселка разрушается дореволюционное каменное здание больницы, история которого уникальна. Но в начале 1990-х приватизировалось «за копейки» все, что можно было «прибрать к рукам», при отсутствии средств у местной власти на социальную инфраструктуру. Сейчас таких собственников найти невозможно, а без их разрешения «прикасаться» к объектам закон запрещает. И это общая для малых населенных пунктов проблема.

Подводя итог политической дискуссии тех лет о стратегии территориального развития России, приведем вывод С.Г. Ковалева, что Российская Федерация — страна, «теряющая свою сверхдержавность, скатывающаяся на позиции региональной державы. Отсюда и возможная траектория эволюции: либо по восходящей линии: держава — великая держава — сверхдержава; либо по нисходящей линии: держава — страна — распад страны. Возможны обе траектории. Главное — не попасть в ловушку и на траекторию последней фазы второго сценария. Державность — это не вечный дар

предков. Ее надо сохранять, приумножать, подкреплять конкретными делами» [11, 37].

Казалось, развитие событий вокруг России должно было доказать ложность идеи, озвученной Э. Набиуллиной, но она по-прежнему имеет сторонников. В 2019 г. правительством Д.А. Медведева была принята «Стратегия пространственного развития России до 2025 г.», и хотя в ней указывалось на необходимость развития малых и средних городов, крупных сельских поселений как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий [25], практика ее реализации была такова, что в 2020 г. В. Матвиенко заявила о необходимости ее пересмотра, поскольку она «не учитывает особенности расселения страны по огромной территории и грозит “обезлюживанием”, что сопряжено с “серьезными геополитическими рисками”» [12]. Но в 2021 г. посыл Набиуллиной вновь обсуждался на Петербургском экономическом форуме с подачи лоббистов крупных городов. По свидетельству президента Союза малых городов Е.М. Маркова, «один из новых вице-премьеров высказался за сегрегацию в сети населенных мест страны, утверждая, что поддерживать в каждом из субъектов РФ следует только часть небольших поселений, а средства на развитие вкладывать в большие города. Какую из двух противоположных позиций следует занять при разработке такого важнейшего стратегического документа — Программы пространственного развития России?» [8]. Можно ли назвать позицию сторонников либерального курса России социальной утопией? Нет. А антиутопией — да. Дело в том, что как раз антиутопия соответствует интересам лоббирующего эту парадигму крупного капитала, ориентирующегося на быстрое получение прибыли.

Ответ на этот вопрос попытаемся дать на основе анализа самого знакового показателя социальной структуры муниципалитетов — здравоохранения.

Где жить или не жить: вот в чем вопрос...

26 сентября 2023 г. приказом № 669 Министерство экономического развития РФ утверждает Методические рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций. Согласно им,

«крупнейшая городская агломерация — совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 1000 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями» [20]. В Нижегородскую агломерацию предполагается включить ГО Нижний Новгород, ГО Дзержинск, ГО Бор, Богородский МР, Кстовский МР. Нижегородская область не входит в список дотационных территорий [6] и более свободна в формировании бюджета социальной инфраструктуры.

Насколько программа развития агломерации будет способствовать развитию социальной инфраструктуры региона, рассмотрим на основе лишь одного показателя — системы здравоохранения, которое относится к инфраструктуре, «обеспечивающей решение задач высокого роста экономики, демографического и пространственного развития» [24].

В послании президента Федеральному собранию 1 марта 2018 г. была поставлена задача развития медобслуживания в малых населенных пунктах и поручено «...в течение 2018—2020 гг. в населенных пунктах, в которых проживают от 100 до 2000 человек, создать фельдшерско-акушерские пункты и лечебные амбулатории. В пунктах с населением менее 100 человек — организовать мобильные медицинские комплексы» [18].

В июле 2023 г. министр здравоохранения РФ М. Мурашко признал, что за год в рамках первичного звена здравоохранения зафиксировано более 1,2 млрд обращений: «Это действительно один из самых значимых и массовых видов медицинской помощи. Было много обращений, когда население просило открыть аптеку, но населения небольшое количество, и аптека, по мнению министра, просто нерентабельна» [4]. На наш взгляд, социальная инфраструктура должна оцениваться, прежде всего, с точки зрения ее сбалансированности и достаточности для развития человеческого потенциала, что не всегда предполагает рентабельность.

По обоснованному мнению экспертов, «...правительство продолжает оптимизировать здравоохранение. Цифры за последнее время хуже даже пандемийных. Это не обсуждают в СМИ, поэтому народ не видит проблемы. Хотя для каждого из нас это может за-

кончиться реальной физической смертью — в результате неоказания помощи или некачественного лечения» [22].

Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 г. учитывает недостаточность современной социальной инфраструктуры [26, 106—107]. Статистические данные, позволяющие оценить состояние и динамику инфраструктуры здравоохранения Нижегородской области по сравнению с РФ и Приволжским федеральным округом (ПФО), представлены в табл. 1—3.

Таблица 1

Число больничных организаций, конец года

	РФ	ПФО	Нижегородская область
2015	5433	1132	137
2016	5357	1097	132
2017	5293	1068	135
2018	5257	1059	140
2019	5130	1040	136
2020	5065	1016	137
2021	5072	1016	138
2022	5167	995	136

Источник: [30].

Таблица 2

Число больничных коек, конец года

	РФ	ПФО	Нижегородская область
2015	1 222 009	247 210	29 060
2016	1 197 247	241 464	28 276
2017	1 182 693	237 758	28 354
2018	1 172 768	235 333	28 838
2019	1 173 568	231 114	28 256
2020	1 188 770	231 299	28 381
2021	1 162 107	229 147	28 473
2022	1 141 861	227 465	28 254

Источник: [30].

Таблица 3

Число амбулаторно-поликлинических организаций, конец года

	РФ	ПФО	Нижегородская область
2015	18 564	4002	643
2016	19 126	4091	642
2017	20 217	4396	636
2018	20 228	4394	622
2019	21 216	4496	621
2020	22 891	4470	635
2021	21 616	4569	651
2022	22 146	4614	685

Источник: [30].

Анализ данных свидетельствует о разнонаправленных процессах, протекающих в сфере здравоохранения. В 2015—2021 гг. число больничных организаций и больничных коек в РФ и ПФО заметно сократилось, одновременно существенно увеличилось число амбулаторно-поликлинических организаций. В Нижегородской области число больничных организаций за это время практически не изменилось.

В рейтинге регионов РФ по показателям системы здравоохранения и расходам на социально значимые заболевания Нижегородская область занимала 40-е место, по ключевым показателям, заложенным в государственную программу «Развитие здравоохранения до 2025 года», — 37-е место, по показателям обеспеченности медицинских организаций — 25-е место, по рангу первичной заболеваемости (заболеваемость на 1000 человек населения по основным классам болезней) — 63-е место [23].

Общественный совет по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями (МО) при Министерстве здравоохранения Нижегородской области по итогам 2022 г. сфокусировал внимание на следующих недостатках [10].

1. Неудовлетворенность потребителей услуг качеством и полнотой информации о работе МО и порядке предоставления медицинских услуг, доступной в помещениях МО.

2. Неудовлетворенность потребителей услуг сроками ожидания предоставления услуги.

3. Неудовлетворенность условиями пребывания лиц с ограниченными возможностями.

4. Обеспечение в медицинской организации условий доступности, позволяющих инвалидам получать услуги наравне с другими.

5. Неудовлетворенность потребителей услуг доброжелательностью и вежливостью работников в МО.

Но Общественный совет не зафиксировал тревожную тенденцию — рост доли населения с большим удельным весом семейных расходов на медицинскую помощь (табл. 4). Следует подчеркнуть, что коммерциализация здравоохранения объективно привела к ухудшению качества медицинского обслуживания не только потому, что значительная часть населения не может воспользоваться платными услугами в силу отсутствия средств, но и навязыванием ненужных обследований для повышения дохода частной структуры.

Таблица 4

Доля населения с большим удельным весом семейных расходов на медицинскую помощь в общем объеме расходов или доходов домохозяйств

Доля населения	2019	2020	2021
свыше 25% от расходов на потребление	1,3	0,9	1,3
свыше 10% от расходов на потребление	7,2	7,7	8,2

Источник: [31].

Перейдем от сравнения межрегиональных тенденций к характеристикам положения в малых городах, репрезентирующих основные зоны Нижегородской области, используя материалы, полученные в ходе наших исследований 2014—2020 гг. в таких городах, как Балахна, Богородск, Ветлуга, Володарск, Ворсма, Городец, Заволжье, Ковернино, Лукоянов, Сергач, Урень [19].

В советское время в них был накоплен достаточный человеческий потенциал для дальнейшего развития, однако с каждым годом он ослабевает. Эксперты отмечают безразличное отношение собственников предприятий к социальной ситуации в городе [27, 161—181].

Закономерным следствием является стабильная убыль населения в последние годы (табл. 5).

Таблица 5

**Естественный прирост (убыль) населения малых городов
Нижегородского области, 2016—2022 гг. [**

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общий коэффициент смертности	16,7	14,6	13,1	15,2	14,1	23,3	16,4
Общий коэффициент естественного прироста (убыли)	-3,3	-5,4	-3,9	-6,5	-4,6	-14,9	-8,1

Источник: [1].

За 5 лет уменьшилось население малых городов промышленной и аграрной зоны (Богородск, Володарск, Сергач, Лукоянов), незначительное увеличение численности населения наблюдается только в малых городах лесопромышленной зоны (Ковернино, Урень).

Наибольшая убыль населения наблюдалась в Сергаче и Лысково, сравнительно меньшие темпы зафиксированы в самых отдаленных от Нижнего Новгорода городах — Ветлуге и Лукоянове. Анализ данных статистики свидетельствует о том, что сокращение населения в малых городах напрямую не связано с принадлежностью к той или иной зоне. Этот вывод подтверждает коэффициент естественного прироста (убыли) населения.

Отсутствие прямой связи между количеством лечебно-профилактических организаций в малых городах Нижегородской области и убылью населения (табл. 5) позволяет предположить, что этот показатель зависит от обеспеченности и качества работы ука-

занных организаций, с одной стороны, а с другой — от демографической структуры населения: миграция молодых сокращает долю лиц детородного возраста.

Таблица 6

Динамика количества лечебно-профилактических организаций в малых городах Нижегородской области

Год	2015	2016	2017	2018	2019
Богородск	9	11	11	11	11
Володарск	2	4	2	3	3
Ковернино	1	1	1	1	1
Урень	5	6	6	7	7
Сергач	11	10	12	13	13
Лукоянов	9	9	9	9	9

Источник: [29].

Сохранение структуры системы здравоохранения в малых городах консервирует существенные диспропорции ее развития: если в Ковернине на одну лечебно-профилактическую организацию приходится 6957 человек, то в Сергаче — 1540 человек, в Лукоянове — 1648, в Урене — 1769 [3]. Конечно, и сами организации могут отличаться и оборудованием, и квалификацией, и количеством врачей. Но общий итог таков: *«...врачей-специалистов не хватает, потому что никто за такую зарплату не хочет работать. И внутри еще катастрофа, врачи и медсестры работают на 2—3 ставки, это не профессиональное выгорание, это выжигание идет профессиональное»* [27, 161—181]. Приходилось сталкиваться и с такой ситуацией: врачи советуют молодежи, желающей получить медицинское образование, идти в фармацевты, поскольку далеко не каждый врач сможет устроиться в частную клинику, а работа в государственной системе обрекает не только на «выгорание/выжигание», но и на нищету.

В малых городах доходы заметно уступают доходам жителей крупных городов. Здесь более заметен рост доли населения с большим удельным весом семейных расходов на медицинскую помощь. Эксперты отмечают противоречивость процессов, протекающих в системе здравоохранения: *«...врачей, поликлиники хотели сокращать, специалистов не хватает, в то же время существуют*

частные клиники, в которых зарплата на порядок выше. Приходится обращаться к платным услугам. Платные клиники у нас есть, но не всем это доступно, со средней зарплатой в 17—20 тысяч рублей люди не могут себе позволить за 500 рублей сходить на прием к узкому специалисту, а далее пройти УЗИ» [27, 161—181].

Добавим к этому мнение кандидата медицинских наук В.Д. Федотова о дегуманизации «профессии врача, когда живого человека заменяют куклой, студента неявно приучают относиться к больному как к бездушному предмету» [33, 252]. А следовательно, как к источнику денежных поступлений. Приходилось слышать от больных и о сложности получения направлений в областной центр.

Для улучшения ситуации, сложившейся в сфере здравоохранения, с 2018 г. в Нижегородской области организованы «поезда здоровья» в отдаленные села и малые города, состоящие из нескольких автобусов с оборудованием. В них выезжают специалисты 15 профилей, имеются флюорографическая установка и маммограф, иногда присоединяется стоматологический комплекс. Об их прибытии сообщается заранее, в том числе через СМИ, социальные сети [17]. В области пять «Поездов здоровья» на 4842 населенных пункта, из которых 3330 деревень [14]. В буклетах о «Поездах...», раздаваемых в 2024 г., сообщается, что за 5 лет (годы не указаны) открыто 58 новых фельдшерско-акушерских пунктов и проведен ремонт в 580 медицинских учреждениях. Следовательно, «Поезда...» будут востребованы десятилетиями. В 2018—2020 гг. они приезжали в 392 населенных пункта в районах и городских округах. Консультации получили 67 тыс. пациентов. Оценивая их эффективность, необходимо учитывать сложность логистики и неудовлетворительное состояние автодорог в отдельных районах области. Врачи «поезда» приезжают в крупные поселения, где их селят и обеспечивают питанием на 4 дня. Из небольших селений к ним везут пациентов на автобусах. Работающие в «поездах» медработники отмечают благодарственное отношение к себе «как к богам», что компенсирует в какой-то степени постоянство командировок. Есть случаи, когда после такого взаимопонимания с пациентами врачи отказываются работать с городской «публикой». Но врач «Поезда здоровья» поставит диагноз, а кто будет лечить пациента? Значительно ли возрастает от такого диагностирования нагрузка на медучреждения

малых городов и поселков, увеличивая тем самым количество ставок медперсонала и обновление материальной базы? Чаще надо ехать в Нижний Новгород в областную больницу на дополнительные консультации и лечение.

Подведем итоги

Ориентация на развитие мегаполисов сохраняется несмотря на то, что она актуализирует ряд проблем, в том числе тех, которые долгое время игнорировались руководством страны. В частности, рост крупных городов увеличивает доли мигрантов, занятых в сфере строительства, ЖКХ, транспорта и услуг, что сопровождается увеличением межнациональных конфликтов, а снижение миграционных требований и более высокая рождаемость в семьях мигрантов грозят «культурой» этнической и религиозной замены. Бесспорно, что для развития регионов и сохранения страны нужна деконцентрация населения по ее территории, что возможно только при развитой производственной инфраструктуре, обеспечивающей достойный уровень жизни.

Одного «рецепта» сохранения для всех малых городов нет, и это предсказано не только многими экспертами [5], но и доказано жизнью, поскольку у каждого из населенных пунктов своя специфика. При этом нельзя игнорировать взаимозависимость малых городов и сельских поселений. В комплексе этих задач на первом месте — создание рабочих мест, обеспечивающих бюджетирование населенных пунктов, что позволит развивать их социальную инфраструктуру. На основе задач, поставленных в Послании президента В.В. Путина Федеральному собранию в 2024 г., может быть сформирована комплексная программа развития малых городов: региональные дороги, льготная семейная ипотека, цифровые платформы, включая образование и медицину, спортивные объекты, дополнительная поддержка молодых специалистов... «Капельные конкурсные вливания» в комфортную городскую среду, о которых говорилось ранее, были названы ближе к концу этого списка. Но где будет место производственной инфраструктуры в этих комплексных программах?

Литература

1. База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО) // Федеральная служба государственной статистики: URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=2260510120181/1 (дата обращения: 20.08.2023).
2. *Баикутова А.* Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной: URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html. 09.12.2011.
3. БД ПМО // Федеральная служба государственной статистики: URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=2260510120181/1 (дата обращения: 12.09.2023).
4. Встреча Президента с Министром здравоохранения Михаилом Мурашко. 12 июля 2023 г.: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71660> (дата обращения: 21.07.2023).
5. *Гулько М.С., Пивовар Г.А., Аверкиева К.В.* Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова) // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2019. № 5. С. 18—31.
6. Дотационные регионы России в 2023 году: URL: <https://novomoscow.ru/info/dotacionnye-regiony-rossii/> (дата обращения: 03.02.2024).
7. Заявление Союза малых городов Российской Федерации // Союз малых городов Российской Федерации: URL: <https://smgrf.ru/zayavlenie-soyuza-malyh-gorodov-rf/> (дата обращения: 03.02.2024).
8. Значение и пути развития малых (небольших) городов в Программе пространственного развития России // Союз малых городов Российской Федерации: URL: <https://smgrf.ru/znachenie-i-puti-razvitiya-malyh-nebolshih-gorodov-v-programme-prostranstvennogo-razvitiya-rossii/>. 28.12.2021 (дата обращения: 07.02.2024).
9. *Зобова Л.Л.* Объективная основа категории пространственной ренты: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-osnova-kategorii-prostranstvennoy-renty/viewer> (дата обращения 2.09.2023).
10. Итоги независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями за 2022 год. Приложение № 2 к

протоколу № 3. 23 ноября 2022 г.: URL: <https://zdravnov.ru/downloads/2022> (дата обращения: 21.07.2023).

11. Ковалев С.Г. Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 29—42. DOI: 10.5281/zenodo.7840612.

12. Матвиенко предложила изменить важный стратегический документ, принятый кабинетом Медведева // *Союз малых городов Российской Федерации*: URL: <https://smgrf.ru/matvienko-predlozhila-izmenit-vazhnyj-strategicheskij-dokument-prinyatyj-kabinetom-medvedeva/>. 25.08.2020 (дата обращения: 03.02.2024).

13. Министр Э.С. Набиуллина выступила на пленарном заседании Московского урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов»: URL: https://web.archive.org/web/20160312122200/http://economy.gov.ru/minec/press/news/doc/20111208_004 (дата обращения: 03.08.2023).

14. Населенные пункты Нижегородской области: URL: <https://geoadm.com/naselennye-punkty-nizhegorodskoy-oblasti.html> (дата обращения: 29.09.2023).

15. Нацпроект меняет облик малых городов — МК: URL: <https://www.mk.ru/nationalprojects/urban/2022/09/02/nacproekt-menyayet-oblik-malykh-gorodov.html> (дата обращения: 03.02.2024).

16. Обращение: URL: <http://magbvt.ru/files/raacn.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

17. «Поезда здоровья» 2022 в Нижегородской области: расписание, районы, врачи. Опубликовано расписание «поездов здоровья» в Нижегородской области на апрель // *Комсомольская правда*. 2022. 8 апр.: URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27377.5/4569786/> (дата обращения: 11.02.2024).

18. Правительство исполнило поручение Путина о возврате медпунктов на село // *Ведомости*. 2018. 2 марта: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/03/02/752646-pravitelstvo-ispolnilo-reshenie-putina> (дата обращения: 27.09.2023).

19. Приволжский федеральный округ в контексте современных социально-экономических вызовов // *Отчет о научно-исследовательской работе*. Руководитель НИР докт. истор. н., проф. С.В. Устинкин. М., 2018. 22 с.

20. Приказ Министерства экономического развития РФ от 26 сентября 2023 г. № 669 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407660338/> (дата обращения: 03.02.2024).

21. Проект «Большая Москва» состоялся: URL: <https://stroj.mos.ru/interviews/proiekt-bol-shaia-moskva-sostoialsia> (дата обращения: 03.02.2024).

22. Редько А., Харцызов С. Почему умерла медицина // Картина мира. 2023. 8 июля: URL: <https://nday.club/video/raskryta-pravda-o-ministerstve-zdravoohraneniya-rf-tak-dalshe-nelzya-aleksandr-redko?v=17idr0&t=olyt> (дата обращения: 23.07.2023).

23. Рейтинг регионов 2019. Показатели системы здравоохранения и расходы на социально значимые заболевания: URL: https://expertnw.com/upload/pdf/rating_regions_health_2019.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

24. Решения Координационного совета при Общественной палате Российской Федерации по национальным проектам и народосбережению. Утверждено 11 февраля 2021 № АГ/7-КС: URL: <https://soyuzsem.ru/documents> (дата обращения: 21.11.2023).

25. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. 116 с.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f49806сбесе205/130219_207-р.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

26. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889: URL: https://strategy.government-nnov.ru/static/new_design/files (дата обращения: 18.07.2023).

27. Устинкин С.В., Куконков П.И., Морозова Н.М. Социальная инфраструктура как фактор сохранения и развития малых городов // Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: Монография / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин, Г.Р. Баймурзина и др. / Отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.

28. Устойчивое развитие городов: Коллективная монография / Под ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. 288 с.

29. Федеральная служба государственной статистики. База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО): URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226071012014201520162017201820192020 (дата обращения: 21.07.2023).

30. Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение. 2023: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 24.02.2024).

31. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. Показатели достижения целей устойчивого развития: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 20.08.2023).

32. Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»: URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/b5e/FKGS-Kollegiya-19.12.2019.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

33. Федотов В.Д. Гуманистический характер советской медицины: нравственный укол современной России // Государство — это мы: Сборник научно-популярных статей, посвященный 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Н. Новгород: ООО «Фаворит», 2022. 354 с.

34. Что думают по этому поводу руководители малых городов и районов России: URL: <http://magbvt.ru/files/mneniya.pdf> (дата обращения: 2.08.2023).

35. Широкалова Г.С. Малые города: итоги борьбы двух позиций // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 234—250: DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.13>.

References

1. Baza dannyh «Pokazateli municipal'nyh obrazovaniy» (BD PМО) // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=2260510120181/1 (data obrashcheniya: 20.08.2023).

2. *Bashkatova A.* Urbanisticheskie iniciativy El'viry Nabiullinoy: URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html. 09.12.2011.
3. BD PMO // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: [https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226051012018 1/1](https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226051012018%201/1) (data obrashcheniya: 12.09.2023).
4. Vstrecha Prezidenta s Ministrom zdavoohraneniya Mihailom Murashko. 12 iyulya 2023 g.: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71660> (data obrashcheniya: 21.07.2023).
5. *Gun'ko M.S., Pivovar G.A., Averkieva K.V.* Revitalizaciya v malyh gorodah Evropejskoj Rossii (na primere Borovichej, Vyksy, Rostova) // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Ser. geograficheskaya*. 2019. № 5. S. 18—31.
6. Dotacionnye regiony Rossii v 2023 godu: URL: <https://novomoscow.ru/info/dotacionnye-regiony-rossii/> (data obrashcheniya: 03.02.2024).
7. Zayavlenie Soyuz malyh gorodov Rossijskoj Federacii // Soyuz malyh gorodov Rossijskoj Federacii: URL: <https://smgrf.ru/zayavlenie-soyuza-malyh-gorodov-rf/> (data obrashcheniya: 03.02.2024).
8. Znachenie i puti razvitiya malyh (nebol'shih) gorodov v Programme prostranstvennogo razvitiya Rossii // Soyuz malyh gorodov Rossijskoj Federacii: URL: <https://smgrf.ru/znachenie-i-puti-razvitiya-malyh-nebolshih-gorodov-v-programme-prostranstvennogo-razvitiya-rossii/>. 28.12.2021 (data obrashcheniya: 07.02.2024).
9. *Zobova L.L.* Ob"ektivnaya osnova kategorii prostranstvennoj renty: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-osnova-kategorii-prostranstvennoj-renty/viewer> (data obrashcheniya 2.09.2023).
10. Itogi nezavisimoy ocenki kachestva uslovij okazaniya uslug medicinskimi organizacijami za 2022 god. Prilozhenie № 2 k protokolu № 3. 23 noyabrya 2022 g.: URL: <https://zdrav-nnov.ru/downloads/2022> (data obrashcheniya: 21.07.2023).
11. *Kovalev S.G.* Derzhavnyj suverenitet RF: illyuzii i real'nost' // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 2. S. 29—42. DOI: 10.5281/zenodo.7840612.
12. Matvienko predlozhila izmenit' vazhnyj strategicheskij dokument, prinyatyj kabinetom Medvedeva // Soyuz malyh gorodov Ros-

sijskoj Federaciji: URL: <https://smgrf.ru/matvienko-predlozhila-izmenit-vazhnyj-strategicheskij-dokument-prinyatyj-kabinetom-medvedeva/>. 25.08.2020 (data obrashcheniya: 03.02.2024).

13. *Ministr E.S. Nabiullina* vystupila na plenarnom zasedanii Moskovskogo urbanisticheskogo foruma «Global'nye resheniya dlya rossijskih gorodov»: URL: https://web.archive.org/web/20160312122200/http://economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004 (data obrashcheniya: 03.08.2023).

14. Naseennye punkty Nizhegorodskoj oblasti: URL: <https://geoadm.com/naseennye-punkty-nizhegorodskoy-oblasti.html> (data obrashcheniya: 29.09.2023).

15. Nacproekt menyaet oblik malyh gorodov — MK: URL: <https://www.mk.ru/nationalprojects/urban/2022/09/02/nacproekt-menyaet-oblik-malykh-gorodov.html> (data obrashcheniya: 03.02.2024).

16. Obrashchenie: URL: <http://magbvt.ru/files/raacn.pdf> (data obrashcheniya: 03.02.2024).

17. «Poezda zdorov'ya» 2022 v Nizhegorodskoj oblasti: raspisanie, rajony, vrachi. Opublikovano raspisanie «poezdov zdorov'ya» v Nizhegorodskoj oblasti na aprel' // Komsomol'skaya pravda. 2022. 8 apr.: URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27377.5/4569786/> (data obrashcheniya: 11.02.2024).

18. Pravitel'stvo ispolnilo poruchenie Putina o vozvrate med-punktov na selo // Vedomosti. 2018. 2 marta: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/03/02/752646-pravitelstvo-ispolnilo-reshenie-putina> (data obrashcheniya: 27.09.2023).

19. Privolzhskij federal'nyj okrug v kontekste sovremennyh social'no-ekonomicheskikh vyzovov // Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote. Rukovoditel' NIR dokt. istor. n., prof. S.V. Ustinkin. M., 2018. 22 s.

20. Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 26 sentyabrya 2023 g. № 669 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendacij po razrabotke dolgosrochnyh planov social'no-ekonomicheskogo razvitiya krupnyh i krupnejshih gorodskih aglomeracij»: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407660338/> (data obrashcheniya: 03.02.2024).

21. Proekt «Bol'shaya Moskva» sostoyalsya: URL: <https://stroj.mos.ru/interviews/proiekt-bol-shaia-moskva-sostoialsia> (data obrashcheniya: 03.02.2024).

22. *Red'ko A., Harcyov S.* Pochemu umerla medicina // Kartina mira. 2023. 8 iyulya: URL: <https://nday.club/video/raskryta-pravda-oministerstve-zdravoohraneniya-rf-tak-dalshe-nelzya-aleksandr-redko?v=17idr0&r=olyt> (data obrashcheniya: 23.07.2023).

23. Rejting regionov 2019. Pokazateli sistemy zdravoohraneniya i raskhody na social'no znachimye zabolevaniya: URL: https://expertnw.com/upload/pdf/rating_regions_health_2019.pdf (data obrashcheniya: 21.07.2023).

24. Resheniya Koordinacionnogo soveta pri Obshchestvennoj palate Rossijskoj Federacii po nacional'nym proektam i narodoberezheniyu. Utverzhdeno 11 fevralya 2021 № AG/7-KS: URL: <https://soyuzcem.ru/documents> (data obrashcheniya: 21.11.2023).

25. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. 116 s.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f49806c6ece205/130219_207-p.pdf (data obrashcheniya: 25.02.2024).

26. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Nizhegorodskoj oblasti do 2035 goda. Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Nizhegorodskoj oblasti ot 21 dekabrya 2018 goda № 889: URL: https://strategy.government-nnov.ru/static/new_design/files (data obrashcheniya: 18.07.2023).

27. *Ustinkin S.V., Kukonkov P.I., Morozova N.M.* Social'naya infrastruktura kak faktor sohraneniya i razvitiya malyh gorodov // Malye goroda Rossii: novye vyzovy, social'nye problemy i perspektivy: Monografiya / M.F. Chernysh, V.V. Markin, G.R. Bajmurzina i dr. / Otv. red. M.F. Chernysh, V.V. Markin; predisl. M.K. Gorshkov. M.: FNIS RAN, 2021. 598 s.

28. Ustojchivoe razvitie gorodov: Kollektivnaya monografiya / Pod red. K.V. Papenova, S.M. Nikonorova, K.S. Sitkinoy. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2019. 288 s.

29. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Baza dannyh «Pokazateli municipal'nyh obrazovanij» (BD PMO): URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226071012014201520162017201820192020 (data obrashcheniya: 21.07.2023).

30. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Zdra-voohranenie. 2023: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (data obrashcheniya: 24.02.2024).

31. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. Pokazateli dostizheniya celej ustojchivogo razvitiya: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (data obrashcheniya: 20.08.2023).

32. Federal'nyj proekt «Formirovanie komfortnoj gorodskoj sredy»: URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/b5e/FKGS-Kollegiya-19.12.2019.pdf> (data obrashcheniya: 09.02.2024).

33. *Fedotov V.D.* Gumanisticheskij harakter sovetskoj mediciny: npravstvennyj ukol sovremennoj Rossii // Gosudarstvo — eto my: Sbornik nauchno-populyarnyh statej, posvyashchennyj 100-letiyu obrazovaniya Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. N. Novgorod: OOO «Favorit», 2022. 354 s.

34. CHto dumayut po etomu povodu rukovoditeli malyh gorodov i rajonov Rossii: URL: <http://magbvt.ru/files/mneniya.pdf> (data obrashcheniya: 2.08.2023).

35. *SHirokalova G.S.* Malye goroda: itogi bor'by dvuh pozicij // Vestnik Instituta sociologii. 2023. T. 14. № 4. С. 234—250: DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.13>.

Л.И. РОСТОВЦЕВА, В.П. ЩЕРБАКОВА

**Взаимоотношения поколений в семье: конфликт
или контакт?***

Аннотация. В статье делается краткий экскурс в историю проблемы поколений. Современные взаимоотношения молодежи и старших поколений в семье раскрываются на основе социологического исследования «Социальная адаптация поколений к цифровой трансформации в России», проведенного в 2023 г. Если на протяже-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростовцева Л.И., Щербкова В.П. Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт? // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 195—210. DOI: 10.5281/zenodo.11235502.

нии почти трех постсоветских десятилетий в отечественной литературе говорилось о конфликте, разрыве, деструктивных отношениях поколений, то в последнее время обозначился сдвиг к взаимопониманию, доверию, уважению. Конечно, есть проблемы, молодежь нуждается в духовно-нравственном и патриотическом воспитании, но есть диалог, связь поколений, следовательно, есть будущее у России!

Ключевые слова: поколение, преемственность, межпоколенческий конфликт, молодежь, поколение 60+, взаимопонимание, доверие, уважение.

Abstract. The article makes a brief excursion into the history of the problem of generations. Modern relationships between youth and older generations in the family are revealed on the basis of a sociological study «Social adaptation of generations to digital transformation in Russia», conducted in 2023. If for almost three post-Soviet decades the domestic literature spoke about conflict, rupture, and destructive relations between generations, then Recently, there has been a shift towards mutual understanding, trust, and respect. Of course, there are problems, young people need spiritual, moral and patriotic education, but there is dialogue, a connection between generations, and therefore Russia has a future!

Keywords: generation, continuity, intergenerational conflict, youth, generation 60+, understanding, trust, respect.

УДК 316
ББК 60.54

Интерес к проблеме поколений имеет давнюю историю. Известно, что еще Сократ был недоволен современной ему молодежью, которая не уважает старших, спорит с родителями, имеет дурные манеры. В библейских и евангельских текстах поколение понимается многозначно — как потомки, сверстники и современники. В западноевропейской социальной философии анализ поколения и его проблем обнаруживается во второй половине XIX в.

В отечественной научной литературе первая классификация поколений дана также в XIX в.; демограф А.П. Рославский-

Петровский выделил три поколения: подрастающее (до 15 лет), цветущее (16—60 лет) и увядающее (старше 60 лет) [3, 44]. В следующем столетии (1968 г.) советский демограф, статистик и экономист Б.Ц. Урланис также выделил три поколения на основе возрастной структуры населения, но рассматриваемой с точки зрения не биологических процессов организма, а экономической деятельности: поколение дорабочего возраста (до 15 лет), рабочего возраста (от 16 до 59 лет) и послерабочего возраста (старше 60 лет); исходя из процессов труда и потребления он рассчитал вклад каждого поколения в национальное богатство страны [1, 190].

Понятие «поколение» используется не только в демографии, но и в культурологии, возрастной психологии, педагогике, этнографии, социологии и других науках. Если в рамках социально-демографического подхода к поколению относят возрастные группы, сосуществующие и воспроизводящиеся одна из другой: дети, молодежь, взрослые, пожилые, долгожители, то в рамках социологического — кроме возрастных границ социальной общности учитывается схожесть условий социализации, жизни и деятельности, ценностных ориентаций; историко-культурологический подход акцентирует внимание на объединении совокупности людей общими духовно-нравственными идеалами, участием в конкретных исторических событиях; этнографический — предполагает анализ возрастной группы определенного этноса, объединенной традициями и институциональными предписаниями; в педагогике проблема поколений важна с точки зрения специфики воспитания и обучения.

К числу хрестоматийных работ относят статью немецкого социолога К. Мангейма «Проблема поколений», опубликованную в 1928 г. В ней он показал, что биологическая составляющая не является определяющей при рассмотрении поколений; они отличаются жизненным опытом, приобретенным в определенных изменяющихся социальных условиях. У каждого поколения свои временное измерение и культурное пространство; поскольку смена поколений обусловлена биологическим ритмом жизни, постольку важно передать следующим поколениям культурное наследие. То есть для развития общества необходима преемственность поколений.

Но есть и другой подход — конфликтологический, когда внутриспоколенческий и межпоколенческий конфликты рассматри-

ваются как фактор, разрушающий или укрепляющий социальные связи. Всплеск интереса к проблеме конфликта поколений на Западе пришелся на 1960—1970-е гг. в связи с массовыми молодежными движениями и студенческими волнениями.

Отечественные социологи в этот период критикуют западные теории конфликта поколений с марксистских позиций за игнорирование социально-классовой дифференциации общества. Взаимоотношения поколений в советском обществе они рассматривают в 1960—1980-е гг. с точки зрения единства, преемственности, бесконфликтности. В числе первых советских исследований — коллективная монография «Преемственность поколений как социологическая проблема» (1973), выпущенная Академией общественных наук при ЦК КПСС [6].

В 1990-е гг. актуальной проблемой исследований российских социологов становится конфликт поколений. Нигилизм к наследию советского прошлого становится причиной падения авторитета старшего поколения. Вестернизация и американизация после распада СССР, девальвация традиционных духовно-нравственных ценностей затрудняют передачу их следующим поколениям. Безработица, финансовые трудности, падение жизненного уровня, кризис семьи... Государство уходит не только из сферы экономики, но и воспитания.

Внутрипоколенческие и межпоколенческие конфликты разворачиваются в условиях трансформации политической, экономической и социальной структур. Появилось понятие «потерянное» поколение для обозначения группы лиц, родившихся и воспитывавшихся в период с начала 1990-х до конца 2000-х. Его социализация приходится на период, когда в обществе нет идеалов, размыты нравственные ориентиры, не действуют моральные нормы. Образовательные учреждения сосредоточены на функции обучения, забыв о функции воспитания. Старшее поколение не является образцом поведения, примером для подражания молодежи; образ воспитуемого, те черты личности, которые нужны для будущего, непонятны. Материальные проблемы, конкуренция на рынке труда сказываются на взаимоотношениях поколений.

Падение авторитета старших в постсоветский период происходит на фоне стремительного развития цифровых технологий,

вторгающихся в повседневную жизнь и еще больше отдаляющих поколения друг от друга. Молодежь быстрее осваивает электронные устройства, использует интернет-технологии. Она много времени проводит в виртуальном мире, в сфере видео- и компьютерных игр, коммуницирует в социальных сетях. Это не может не раздражать взрослых. Об ослаблении родственных связей свидетельствуют результаты исследований М.В. Вдовиной (2005) [2, 102], М.Б. Глотова [3, 45—46], П.Ф. Кравчук, Ю.Ю. Шкариной (2007) [5, 53], А.З. Шамсутдиновой (2011) [8, 1361]. Причем, как утверждают П.М. Козырева и А.И. Смирнов, у пожилых больше претензий к молодежи, которая настроена на диалог [4, 53].

В результате разрыва межпоколенческой преемственности появляются неблагоприятные тенденции: культурная неразборчивость молодежи, отрицание национальных традиций России, вытеснение традиционных российских духовно-нравственных и коллективистских ценностей западными на периферию сознания.

Хотя при этом не следует говорить о тотальном отрицании истории, культуры, неактуальности прежних норм и образцов поведения, всего жизненного опыта старшего поколения, выработанных в советский период. В разных семьях — по-разному¹. К тому же в последние годы видны перемены. Если на протяжении почти трех постсоветских десятилетий в литературе говорилось о «разрыве», «конфликте», «деструктивных отношениях» поколений, то результаты социологических исследований последнего времени показывают сдвиг в лучшую сторону — к взаимопониманию, диалогу, сотрудничеству [4, 58].

Наше социологическое исследование «Социальная адаптация поколений к цифровой трансформации в России»² позволяет лучше

¹ Вспомним результаты сравнительного анализа мнений о патриотизме студентов и старшеклассников, с одной стороны, и участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», авторов книги поколений «Мы помним...» — с другой, которые были опубликованы в журнале «Философия хозяйства». В частности, при ответе на вопрос «Что формирует патриотизм» и те, и другие на первое место поставили историю предков и рода (79,4 и 89,5% соответственно). Вторая группа оказалась более патриотичной, судя и по другим ответам [7, 209—210].

² Опрошено с 14.02.2023 г. по 15.03.2023 г. в очной и заочной (онлайн) форме 537 человек, из них 412 человек — в возрасте от 17 до 30 лет (студенты вузов:

понять взаимоотношения молодежной аудитории и старшего поколения (60+ лет)³.

Более 2/3 молодых респондентов (67,5%) имеют в семье три поколения (т. е. бабушки/дедушки, их дети и внуки); у 16,3% — два поколения (т. е. мать/отец и дети), у 13,1% — четыре поколения (есть прабабушки и/или прадедушки). Есть и такие семьи, где пять поколений (1%) — живы еще прапрабабушки/прапрадедушки. Немногим более половины опрошенной молодежи (53,6%) проживают с родителями.

На вопрос про взаимоотношения с родителями всего четыре респондента (1%) ответили: «Плохие», а 24 респондента (5,8%) определили их как «удовлетворительные». В подавляющем большинстве случаев (93,2%) отношения сохраняются на уровне «отличных» (63,3%) и «хороших» (29,9%). На вопрос про причины таких отношений были получены ответы, в которых самыми популярными стали слова «взаимопонимание», «любовь», «уважение», «доверие». Современная молодежь понимает и важность воспитания — вот один из ответов: *«Мои родители учили меня уважать старших с детства, мой отец ушел из жизни, поэтому слова моей матери, старшей в нашей семье, для меня закон»*.

В числе причин плохих отношений названы *«разные взгляды на жизнь»*, *«недопонимание и недоверие»*, *«хотелось бы слышать меньше критики от родителей в свой адрес»*. Это известно — современная молодежь не любит, когда ее критикуют. Встретилась

Тульского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова, МГУ имени М.В. Ломоносова, ТулГУ, присоединившихся к онлайн-опросу БелГУ, МВТУ имени Н.Э. Баумана, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ и др., а также колледжей: Училища олимпийского резерва Тульской области (г. Новомосковск), Юридического полицейского колледжа (г. Тула), Технического колледжа имени С.И. Мосина ТулГУ, Калужского базового медицинского колледжа и др.) и 125 человек — в возрасте от 60 до 80+ лет.

³ В проведении исследования приняли участие студенты 3 курса М.А. Винокурова и О.Д. Мещерякова (Тульский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова). Выражаем признательность за помощь в организационных вопросах к.э.н., доценту Н.К. Муратовой (МГУ имени М.В. Ломоносова), Н.Н. Андреевой (Новомосковское училище (колледж) Олимпийского резерва), О.В. Веселовой (Юридический полицейский колледж, г. Тула).

также печальная характеристика родителей: *«Не хотят ничего делать, выпивают и деградируют».*

Судя по ответам на вопросы «Как часто Вы проводите время со своими старшими родственниками, проживающими отдельно от Вас?», «Как обычно проходят встречи с ними?», можно заключить, что у студентов сложились хорошие отношения также с бабушками и дедушками. Каждый десятый респондент видится с ними ежедневно, 39,6% — 1—2 раза в неделю, 30,8% — 1—2 раза в месяц, 14,6% — 1—2 раза в полгода. Периодичность встреч зависит от места проживания и занятости (многие студенты кроме учебы занимаются спортом, волонтерством, хобби).

Чаще всего встречи проходят за обедом (сообщили 76,0% опрошенных молодых людей) или за обсуждением новостей (72,6%). Популярный ответ — «Делюсь проблемами, спрашиваю совета» (62,4%). Но и помощь старшему поколению с их проблемами не остается без внимания: прогулки на свежем воздухе (44,4%), помощь при уборке квартиры (42,7%), покупка продуктов питания и лекарств (36,4%), посещение вместе культурных мероприятий (29,1%).

Среди прочих ответов респондентов:

- *Отмечаем праздники.*
- *Ездим за продуктами, помогаю по хозяйству.*
- *Готовим вместе, шьем.*
- *Путешествуем.*
- *Иногда чиним машину вместе и др.*

Молодежь для стариков тоже является советчиком сегодня. По их признанию, 56,8% опрошенных *иногда* обращаются к младшему поколению за советом (прежде всего за консультацией по пользованию гаджетами и по поводу возникающих проблем), 29,6% — *часто*, 8% — *никогда* и 5,6% — *всегда*, когда нужно, обращаются за советом.

Аргументация при этом следующая: *«Молодежь лучше ориентируется в современном мире, особенно в сфере технологий», «Новое поколение более продвинуто в техническом прогрессе», «Обращаюсь иногда, потому что в чем-то они мобильнее, эрудированнее меня, быстрее и легче схватывают новое, например, в во-*

просах современной техники. Обращаюсь нечасто, потому что у них есть свои взгляды, ценности, кумиры, которые не всегда вписываются в мой мир, у меня есть свои. Не буду их навязывать другим, но и не стану отказываться от своего, перенимать чужое только ради погони за модой. Вокруг меня достаточно людей, которые вполне понимают и принимают мои взгляды и оценки».

Три главные характеристики, которыми молодежь наделяет старшее поколение — добрые, заботливые и мудрые (и это оказалось единодушное мнение! — см. рис. 1).

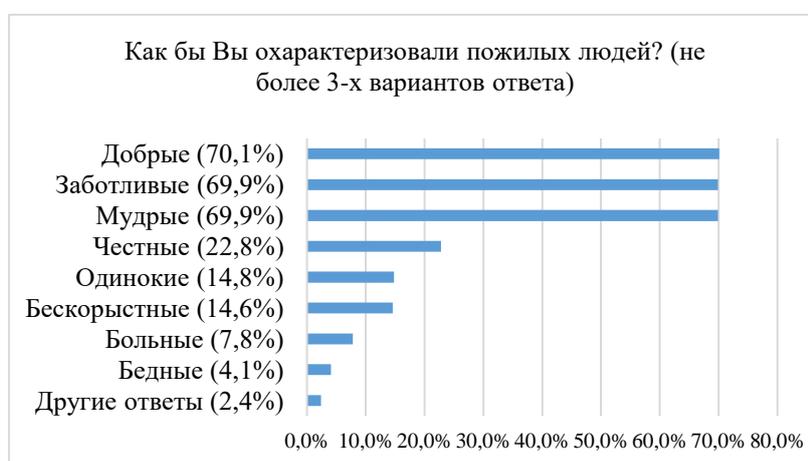

Рис. 1. Ответы молодежи на вопрос о главных чертах пожилых людей

Среди прочих характеристик, добавленных респондентами, встретились и такие:

- *Желающие научить.*
- *Все разные: кто-то добрый, заботливый, интеллигентный, мудрый, веселый, энергичный, продолжает искать цели в жизни с приходом старости; а кто-то злой, скупой, ленивый, безамбициозный и несчастный.*
- *Своенравные, мнительные, трудно переубеждаемые.*
- *Одни мудрые и умные, другие бездарные и неадекватные.*
- *Злые, корыстные, нетактичные.*

Таким образом, в целом преобладающая позитивная оценка старшего поколения молодежью не исключает ответов, когда респонденты избегают однозначной характеристики, утверждая, что встречаются разные люди и невозможно обо всех судить одинаково.

В свою очередь, молодежь в глазах пожилых является прежде всего, умной, целеустремленной, прагматичной. Но каждый пятый ее оценивает как самонадеянную, каждый шестой — как эгоистичную (см. рис. 2). Среди вариативных ответов здесь также прослеживается неоднозначное отношение к молодому поколению, в зависимости от ситуации.

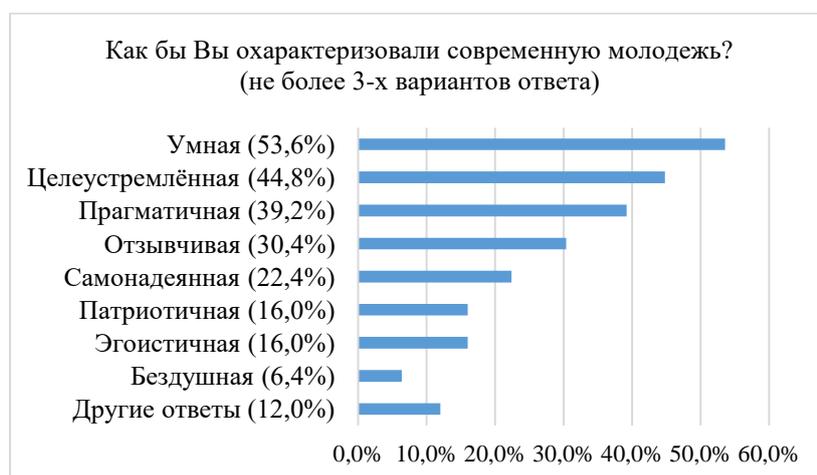

Рис. 2. Характеристика современной молодежи представителями старшего поколения (60+ лет)

Приведем характеристики молодежи, попавшие в группу «Другие ответы»:

- *Молодежь разная: кто-то патриотичный, кто-то меркантильный и т. д. Нельзя однозначно оценить все молодое поколение.*
- *Ленивая.*
- *Потребители.*
- *Материалисты.*

• *Молодежь очень неоднородна, даже в одинаковых возрастных и социальных группах (старшеклассники, студенты, молодые специалисты); есть и бездушные, и отзывчивые, и всё остальное.*

- *Различные слои — и характеристика разная.*
- *С безграмотным русским языком.*
- *Молодежь разная. Есть патриотичная, а есть аморфная, приспособленческая.*
- *Воспитанная.*
- *Молодежь разная, но внимательная, предлагающая помощь.*

Свои отношения с молодежью пожилые люди оценивают также позитивно: 93,6% опрошенных имеют отличные и хорошие отношения с младшим поколением — 49,6 и 44,0% соответственно. И лишь 1 респондент (0,8%) назвал свои отношения плохими, а 7 (5,6%) — удовлетворительными. При ответе на вопрос о причинах самыми популярными были слова «взаимопомощь», «любовь», «понимание», «уважение», «доверие».

Один из ответов гласит: *«У нас четверо детей, мы с женой всегда относились к детям не только с любовью, но и с уважением. Каждый наш ребенок — очень сильная личность, уважающая чужое мнение».*

Среди причин недостаточно хороших отношений названы: *«Не понимаем друг друга», «Отличаются от нас своим пониманием жизни», «У внуков переходный возраст».* И еще один ответ, который в концентрированном виде выражает суть проблемы отношений: *«Нет такого, что могло бы оказаться пропастью, разделяющей нас. В чем-то наши взгляды, оценки могут различаться, но без антагонизма, без каких-то непримиримых противоречий, без неперемного желания “обратить другого в свою веру” (понятно, я не о религии)».*

Естественно, без противоречий и конфликтов прожить невозможно — проблема «отцов и детей» считается «вечной». Главной причиной межпоколенческих конфликтов респонденты нашего исследования (и пожилые люди, и молодежь) назвали различия в ценностях и убеждениях. Далее их ответы расположились в одинаковой

последовательности: «старшее поколение не желает признавать, что их ребенок стал взрослым», «нежелание молодежи подчиняться старшим», «материальные проблемы». Интересно, что некоторые представители старшего поколения дали свой ответ — указали на отсутствие конфликтов в семье, так как всегда есть возможность договориться. Приведенные в табл. 1 данные опровергают сложившееся мнение: у пожилых людей всегда больше претензий к молодежи, к их образу жизни, нравам, взглядам. Эти цифры корреспондируют с выводом П.М. Козыревой и А.И. Смирнова о повышении уровня межпоколенческой толерантности у людей старшего возраста за проанализированный ими период с 1994 по 2019 г. [4, 53].

Таблица 1

Какие причины конфликтов с младшим/старшим поколением Вы можете назвать? (в % от числа опрошенных*)

Ответы	Старшее поколение	Молодежь
Различия в ценностях и убеждениях	69,6	78,4
Старшее поколение не желает признавать, что их ребенок стал взрослым	25,6	58,5
Нежелание молодежи подчиняться старшим	24,8	40,0
Материальные проблемы	14,4	11,9
Затруднились с ответом	0,8	9,1
Другое, в том числе «не конфликтуюм»/ «конфликтуюм»	6,4 2,4	0,6 0,4

*Поскольку респондентам можно было выбрать неограниченное число ответов, то сумма больше 100%.

В отношении утверждений, которые старшее поколение считает верными и актуальными, пожилые проявили единодушие. Более половины опрошенных (по 51,2%) выбрали утверждения «Молодежь представляет значительный человеческий потенциал» и «Молодежь нуждается в духовно-нравственном и патриотическом

воспитании». На третьем месте оказалась следующая характеристика молодежи: «Это группа населения, которая коммуникабельна и уверена в себе» (44,8%). Каждый четвертый солидаризировался с мнением «Это уверенные в виртуальном мире, но неуверенные в себе в реальной жизни», каждый пятый считает: «Молодежь утратила человеческие качества, присущие старшим поколениям, воспитанным в СССР».

Среди качеств современной молодежи, которыми недовольны пожилые, каждый второй представитель старшего поколения назвал неумение грамотно писать и говорить, каждый третий — самоуверенность и неуважение к старшим, далее (примерно по 30%) — эгоизм и материализм. Но отчужденность оказалась на последнем месте и по мнению взрослых (17,6%), и по мнению самой молодежи (21,4%), т. е. не следует преувеличивать проблему разрыва поколений, отмечаемую исследователями до недавнего времени. Интересно также то, что сама молодежь соглашается с этими упреками в свой адрес, правда ранжируя их немного иначе, в следующей последовательности: наглость, эгоизм, неуважение к старшим, самоуверенность (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнения относительно качеств современной молодежи, которыми недовольно/может быть недовольно старшее поколение (в % от числа опрошенных)

Качества молодежи	Мнения пожилых	Предположения молодежи
Неумение грамотно писать и говорить	52,8	22,8
Самоуверенность	33,6	38,6
Неуважение к другим	33,6	42,5
Эгоизм	30,4	62,9
Материализм	29,6	(—)*
Наглость	26,4	69,4
Отчужденность	17,6	21,4

*Среди качеств молодежи, которыми может быть недовольно старшее поколение, по мнению студентов вузов и учащихся колледжей, указан не материализм, а «рисковость» (так полагают 23,8% молодых респондентов).

В свою очередь, молодежь недовольна чрезмерной опекой старшего поколения, его излишней консервативностью, занудством и ворчливостью, наставлениями, настойчивостью, медлительностью или, наоборот, суетливостью, т. е. прежде всего возрастными особенностями пожилых. Однако последние, критически себя оценивая и предполагая, чем могут раздражать своих отпрысков, на первый план ставят прежде всего духовную составляющую расхождений во взглядах — наставления, отодвинув на второе место чрезмерную опеку и признавая свою излишнюю консервативность. Полагаем, это означает в первую очередь озабоченность пожилых людей, носителей традиционных ценностей, проблемой передачи будущим поколениям культурного наследия предшественников.

Таблица 3

**Мнения относительно качеств старшего поколения,
которыми недовольна/может быть недовольна молодежь
(в % от числа опрошенных)**

<i>Качества пожилых</i>	<i>Мнения молодежи</i>	<i>Предположения пожилых</i>
Чрезмерная опека	62,1	44,8
Излишняя консервативность	47,8	40,0
Занудство и ворчливость	45,9	37,6
Наставления	37,9	53,6
Привередливость	29,1	6,4
Настойчивость	28,2	17,6
Медлительность	21,1	20,8
Суетливость	17,0	8,8

Эти ответы особенно ценны сегодня для организаторов воспитательной работы, специалистов органов молодежной политики, преподавателей образовательных учреждений. Они показывают в свете реализации государственной политики по сохранению и укреплению национальных российских духовно-нравственных ценностей необходимость пристального внимания к русскому языку, формированию коллективистских ценностей, присущих изначально русскому менталитету, но поврежденных индивидуалистическими западными ценностями, воспринятыми в ходе рыночных реформ.

Правда, упреки поколений в адрес друг друга не отменяют главного — авторитета старших, подорванного в первые десятилетия после распада СССР.

Подавляющее большинство опрошенных студентов вузов и учащихся колледжей считают старшее поколение примером для подражания, причем «однозначно да» ответили соответственно 20,4 и 46,0% респондентов; «скорее да, чем нет» — 29,1 и 22,5%; взвешенную позицию «в чем-то да, в чем-то нет» выразили 43,3 и 27,9% респондентов соответственно. Однозначный отрицательный ответ дали лишь 2,8% студентов и 0,9% учащихся колледжей, «скорее нет, чем да» — 4,5 и 2,7% соответственно. Желание следовать примеру старших оказалось выше у учащихся колледжей, что можно объяснить большей зависимостью их мотивации и поведения от мнения родителей и вообще от любого мнения в силу возрастных особенностей; у студентов же — более выраженное критическое мышление и меньшая подверженность мнению родителей.

Таким образом, сегодня нет разрыва, деструкции, конфликта между поколениями, которые отмечаются в социологической литературе до недавнего времени и предсказывался концепцией префигуративной культуры. Как показало наше исследование, между разными поколениями в семье — тенденция не к конфликту, а к контакту, солидарности. Чем объяснить сдвиг в последние годы к взаимопониманию, доверию, уважению? Полагаем, существует ряд причин, прежде всего:

- повышение уровня и качества жизни в России, внимание государства к социальной политике;
- влияние специальной военной операции и ухудшение отношений с «коллективным» Западом, усилившие сплоченность в обществе;
- стремительные технологические перемены (пожилые более терпимо стали относиться к влиянию цифровизации на поведение молодежи, потому что сами освоили интернет, мобильный телефон и другие гаджеты: 67,2% опрошенных ежедневно пользуются интернетом, 7,2% — несколько раз в неделю, каждый пятый — иногда, по мере необходимости и лишь 5,6% не пользуется им);
- внимание к роли молодежи в реализации масштабных задач государства.

Пожилые высоко оценивают качества и способности современной молодежи, считая ее умной, целеустремленной, отзывчивой. Значит, у России есть будущее!

Литература

1. *Бараненкова Т.А.* Б.Ц. Урланис — выдающийся ученый-демограф (к 115-летию со дня рождения) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 185—193.
2. *Вдовина М.В.* Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102—104.
3. *Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42—49.
4. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Взаимодействие поколений в современной России // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 50—59.
5. *Кравчук П.Ф., Шкарина Ю.Ю.* Особенности социальных взаимодействий между пожилыми людьми и молодежью в современном российском обществе // Вестник СамГУ. 2007. № 1 (51). С. 50—56.
6. Преемственность поколений как социологическая проблема / Ред. коллегия: канд. филос. наук Л.Н. Москвичев (отв. ред.) и др.; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра марксистско-ленинской философии. М.: Мысль, 1973. 295 с.
7. *Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю.* Патриотизм в сознании молодежи // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 206—215.
8. *Шамсутдинова А.З.* Разрушение связи поколений в современном российском обществе как духовная проблема и пути ее преодоления // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1361—1364.

References

1. *Baranenkova T.A.* B.C. Urlanis — vydayushchijsya uchenyj-demograf (k 115-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2021. № 3. S. 185—193.

2. *Vdovina M.V.* Mezhpokolennye konflikty v sovremennoj rossijskoj sem'e // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. № 1. S. 102—104.
3. *Glotov M.B.* Pokolenie kak kategoriya sociologii // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10. S. 42—49.
4. *Kozyreva P.M., Smirnov A.I.* Vzaimodejstvie pokolenij v sovremennoj Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 2021. № 11. S. 50—59.
5. *Kravchuk P.F., Shkarina Yu.Yu.* Osobennosti social'nyh vzaimodejstvij mezhdru pozhilymi lyud'mi i molodezh'yu v sovremennom rossijskom obshchestve // Vestnik SamGU. 2007. № 1 (51). S. 50—56.
6. Preemstvennost' pokolenij kak sociologicheskaya problema / Red. kollegiya: kand. filos. nauk L.N. Moskvichev (otv. red.) i dr.; Akad. obshchestv. nauk pri CK KPSS. Kafedra marksistsko-leninskoj filosofii. M.: Mysl', 1973. 295 s.
7. *Rostovceva L.I., Gel'fond M.L., Miroshina E.Yu.* Patriotizm v soznanii molodezhi // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 1. S. 206—215.
8. *Shamsutdinova A.Z.* Razrushenie svyazi pokolenij v sovremennom rossijskom obshchestve kak duhovnaya problema i puti ee preodoleniya // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16. № 4. S. 1361—1364.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

**Исследование социокультурных характеристик российских
IT-специалистов: задачи и перспективные направления***

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы дальнейшего исследования социокультурного потенциала российского сообщества IT-специалистов. Предлагаются задачи следующего этапа исследования.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мерзляков С.С. Исследование социокультурных характеристик российских IT-специалистов: задачи и перспективные направления // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 210—216. DOI: 10.5281/zenodo.11235524.

Ключевые слова: культура, ценности, образ будущего, IT-специалист.

Abstract. The article discusses the prospects for further research of the socio-cultural potential of the Russian community of IT specialists. The article proposes the tasks of the next stage of the study.

Keywords: culture, values, image of the future, IT specialist.

УДК 316

ББК 60.5; 87.6

Введение

Проведенное нами исследование социокультурного потенциала российских IT-специалистов [1] позволяет выделить перспективные направления дальнейшего исследования. В данном тексте представлен план дальнейшего исследования. Задачи исследования предлагается разделить на блоки: этика, угрозы, образ будущего, генезис ценностей, векторы цивилизационного развития, Agile в государственных заказах, модели социокультурного влияния.

Этика

Важным элементом исследования социокультурных особенностей российских IT-специалистов является анализ этической составляющей, в том числе выбор этических стратегий решения тех проблем, которые связаны с форсированной цифровизацией общества. Среди потенциально интересных исследовательских направлений можно выделить следующие:

- дискриминация в IT: половая, возрастная, долгое время работы в компании как преференция и т. д.;
- проблема авторства: кому принадлежат права на продукты, полученные с использованием искусственного интеллекта; вопрос об использовании продуктов с открытым кодом и т. д.;
- ответственность: как распределяются роли и ответственность в IT;

- проблема фальсификации опыта: насколько данная проблема является критичной в IT-сфере, как относятся сами IT-специалисты к проблеме фальсификации опыта.

Угрозы

Важно определить, какие угрозы сами специалисты в области IT видят в развитии цифровых технологий. Также важной задачей является анализ предлагаемых IT-специалистами вариантов снятия этих угроз. Для целей исследования среди этих угроз можно выделить следующие.

- Развитие систем искусственного интеллекта: какие социальные, культурные, цивилизационные, правовые, этические и другие угрозы влечет за собой неконтролируемое технологическое развитие? Какие институты должны обеспечивать безопасное развитие ИИ? Как должно обеспечиваться безопасное развитие ИИ? Какие правила/модели развития ИИ готовы предложить сами специалисты в области IT?

- Утрата рабочих мест: насколько актуальной российские IT-специалисты оценивают угрозу замены своих собственных профессиональных навыков системами ИИ?

- Конфиденциальность и приватность. Форсированная цифровизация общества влечет за собой угрозу критичного внешнего вмешательства в частную жизнь человека. В контексте анализа этой угрозы важно исследовать оценку этой угрозы российскими IT-специалистами и предлагаемые ими варианты ее нивелирования. Насколько вероятным российские IT-специалисты считают попадание российского общества в «цифровой концлагерь»? Как, по их мнению, этого можно избежать?

- Снижение мобильности: одной из ценностных установок, составляющих ценностный каркас сообщества IT-специалистов, является представление о принципиальной территориальной неприязности специалиста. Во многом именно эта установка влечет за собой номадическое восприятие мира и становится одним из препятствий для эффективного использования социокультурного потенциала российских IT-специалистов. Однако в условиях санкций, накладываемых на Россию, и ответа на эти санкции мобильность российских IT-специалистов ограничивается. Как это влияет на

ценностные ориентации российских специалистов? Изменяется ли их восприятие мира в связи с ограничением мобильности?

- Санкции на программное обеспечение: санкции оказывают влияние и на инструменты работы российских IT-специалистов. Привычные инструменты работы больше недоступны россиянам и появляется необходимость поиска альтернатив. Насколько значительной российские специалисты считают угрозу изъятия привычных для них инструментов работы с российского рынка? К чему эта ситуация может привести?

Образ будущего

Одним из способов актуализации социокультурного потенциала российских IT-специалистов является их участие в формировании коллективного образа будущего. В связи с этим появляется задача исследовать их представления о желаемом будущем и препятствиях на пути создания этого будущего.

- *Справедливость.* Представление о справедливости — это важный элемент ценностного каркаса личности. От того, как понимается справедливость, во многом зависят образ предпочитаемого будущего и, соответственно, готовность человека затрачивать свои ресурсы на достижение того или иного варианта будущего — это и вопрос об эффективности гражданской активности. Если представление о справедливости соответствует коллективному образу будущего, то можно предположить, что человек будет охотнее участвовать в формировании и движении в направлении этого варианта будущего. Таким образом, исследование представления о справедливости российского сообщества IT-специалистов является актуальной задачей: что такое справедливое общество, на их взгляд; является ли современное российское общество справедливым; если нет, то как это исправить и можно ли это исправить?

- *Оценка актуальной социально-политической ситуации.* Актуальная социально-политическая ситуация оказывает значительное влияние на мировоззрение, деформирует ценностный каркас общества. То, что еще недавно опознавалось как должное, сегодня может восприниматься негативно. Учитывая то, что события последних лет могли внести значимые коррективы в «социокультурный портрет» российского IT-специалиста, мы не можем игно-

рировать необходимость анализа оценки российскими IT-специалистами актуальной социально-политической ситуации: в чем причина; каковы следствия; хорошо или плохо для государства; если хорошо, то почему; если плохо, то почему? И так далее.

- *Страхи/ожидания.* В контексте вопроса об образе будущего необходимо также выделить ожидания и опасения российских специалистов: что больше всего пугает; на что они надеются; как связаны между собой ожидания от будущего и основные страхи перед будущим?

Генезис ценностей

Для того чтобы получить более полное представление о ценностных характеристиках российских IT-специалистов, важно определить генезис их ценностных установок. Какова природа тех ценностных ориентаций, которые распространены в этой профессиональной группе? Это могут быть ценности, которые наследуются из национальных специфик, могут быть особенности профессиональной социализации (в том числе наднациональные особенности профессиональной культуры и ценностные установки и модели поведения, берущие начало в особенностях советской инженерной школы) и т. д..

В рамках перспективного исследования генезиса ценностей российских IT-специалистов могут быть предложены два следующие направления.

- Исследование представлений о перспективах и особенностях профессии программистов А.П. Ершова. А.П. Ершов — советский ученый, один из основателей российской школы программирования. Исследование его взглядов на профессию программиста и ее будущее может помочь в анализе актуальных социокультурных характеристик современных российских IT-специалистов.

- Исследование наднациональных ценностных оснований сообщества IT-специалистов. Задача: проследить формирование ценностей с момента оформления профессии программиста в отдельную профессию. Предполагается сделать обзор иностранной научной литературы по теме, в том числе кодексов, манифестов и т. п. Задачи: исследование способов организации работы; этических норм, принимаемых сообществом; социальных ожиданий; пред-

ставлений о месте сообщества в обществе; отношение к политической активности; отношение к обществу, государству, свободам человека и т. д.

Векторы цивилизационного развития

Исследование социокультурного потенциала общества (и его влиятельных групп) предполагает формулирование наиболее приемлемых направлений цивилизационного развития. Поэтому одной из задач является определение тех из существующих стратегий развития, которые наиболее соответствуют представлениям о должном российских IT-специалистов и включают в себя их ожидания.

Среди возможных стратегий и концепций, которые потенциально можно анализировать, можно выделить следующие: техногайянизм, аболиционизм, прогрессивизм, технологический гуманизм, демократический/либертарианский трансгуманизм, русский космизм, технокоммунизм и др.

Agile в государственных заказах

Agile — одна из наиболее распространенных методологий разработки программного обеспечения. Однако Agile не всегда хорошо согласуется с современным российским законодательством: российское законодательство и подзаконные нормативно-правовые акты требуют фиксации в конкурсной документации требуемого объема работ и содержания функционала. Однако это требование плохо согласуется с указанной методологией разработки: разработка методом Agile может противоречить российскому федеральному закону о государственных закупках — в Agile нет фиксированного объема и содержания функционала на старте работ. Задача: проанализировать варианты согласования законодательства и методологии Agile, предлагаемые профессиональным сообществом.

Модели социокультурного влияния

Исследование социокультурного потенциала российских IT-специалистов предполагает выделение способов актуализации этого потенциала, т. е. определение возможных моделей социокультурного влияния. Задача: по результатам исследования предложить модели социокультурного влияния.

Литература

1. Мерзляков С.С. Культура плюс IT: социокультурный потенциал российских IT-специалистов. М.: Книгиздат, 2023.

References

1. Merzlyakov S.S. Kul'tura plus IT: sociokul'turnyj potencial rossijskih IT-specialistov. M.: Knigizdat, 2023.

А.И. АФОНИН, М.А. ШОЛОТОНОВ

Коррупция и ее проявления в современной России*

Аннотация. В статье рассматривается, как в современном мире борьба с коррупционными процессами в сферах государственного аппарата затрагивает все более обширные горизонты, обретая всемирный и систематический облик. В новейшей истории России явление коррупции значительно усилилось. Сложившиеся веками нормы поведения, общественные приоритеты и характер работы государственных структур дают основания утверждать, что коррупция укрепляется и расцветает не только на фоне общественно-политических потрясений и экономических бурь, но и в эпохи стремительного прогресса цивилизации и национального управления. На основании результатов исследования авторы пришли к выводу, что ключевая проблема постоянства коррупции заключается в недостатке скоординированного подхода к ее искоренению и отсутствию эффективной национальной стратегии борьбы с данным явлением. Факторы, вызывающие коррупционные действия, и обстоятельства, которые способствуют ее активному внедрению в общество, остаются без изменений.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Афонин А.И., Шолотонов М.А. Коррупция и ее проявления в современной России // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 216—225. DOI: 10.5281/zenodo.11235591.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, власть, государственные структуры, государственные и муниципальные служащие.

Abstract. The article considers that in the modern world, the fight against corruption processes in the spheres of the state apparatus affects increasingly vast horizons, gaining a worldwide and systematic appearance. In the recent history of Russia, the phenomenon of corruption has increased significantly. The centuries-old norms of behavior, social priorities and the nature of the work of state structures give reason to assert that corruption is strengthening and flourishing not only against the backdrop of socio-political upheavals and economic storms, but also in the era of rapid progress of civilization and national governance. According to the results of the study, the authors concluded that the key problem of the persistence of corruption is the lack of a coordinated approach to its elimination and the lack of an effective national strategy to combat this phenomenon. The factors that cause corruption and the circumstances that contribute to its active introduction into society remain unchanged.

Keywords: corruption, conflict of interest, power, state structures, state and municipal employees.

УДК 328.185
ББК 60.523

В юридическом дискурсе коррупция ассоциируется с непропорциональными действиями, когда должностные лица используют свое положение в ущерб государственным и общественным интересам. Это может проявляться в форме предоставления или получения взяток, непропорциональном влиянии на решения и действия, ведущие к незаконной выгоде, будь то материальные блага, финансовые средства, услуги или любые другие имущественные права, направленные на пользу индивида либо посторонних лиц, вместе с недопустимой выдачей таких преимуществ тем, кто заинтересован в корыстной деятельности.

В дополнение, влияние коррупции невозможно недооценить в плане экономической жизни страны, ее финансовой базы и инфра-

структуры в широком смысле, что ставит под угрозу финансы национального государства.

Разрушение СССР и последующий отход от идеологических принципов той эпохи, вместе с принятым курсом нового российского лидерства, смещающим акцент с социалистического уклада на сторону капиталистической системы, способствовали разрастанию коррупции, проникающей во все аспекты бытия граждан РФ. Масштабное проникновение коррупции в структуры власти, органы обеспечения законности, военные силы страны и экономическую сферу трансформировалось в серьезную опасность для обороноспособности и стабильности Российской Федерации. Проблема коррупции стала вызывать все более живую реакцию и осуждение в социуме [1].

В сегодняшней социальной структуре России наблюдаются устойчивые факторы, способствующие коррупции [5]: прежде всего, это чрезмерная секретность в деятельности государственных структур, далее, сложность и бюрократия в процедурах отчетности, а также непрозрачность процессов законодательной деятельности; к тому же недостаточная эффективность в управлении персоналом на государственном уровне и, кроме того, способность к подъему по карьерной лестнице, которая не всегда зависит от реальных способностей и достижений работников [3].

Для того чтобы гарантировать положительную стратегию, каждое правительство должно неустанно пересматривать и улучшать методы борьбы с коррупцией. Это предполагает активное ведение сбора данных и их тщательный анализ относительно потенциальных случаев коррупционного поведения. Значительные коррупционные действия могут включать в себя обмен предпочтениями или пренебрежение общественными интересами людьми на высоких государственных постах в угоду интересам отдельных лиц или иностранных государств. Между тем основными путями для серьезной коррупции нередко являются государственные закупки [2]. В таких обстоятельствах возможны захват монопольных преимуществ частными компаниями в результате взяток, а также распространение обманных стратегий, из-за которых финансы, выделенные для общественного блага, неправомерно концентрируются в руках от-

дельных лиц (включая влиятельных правительственных работников или предпринимателей).

Следовательно, масштабные антикоррупционные нарушения зачастую происходят при осуществлении государственных крупных проектов, таких как создание инфраструктуры в виде дорог, плотин, медицинских учреждений, аэропортов, или добыча ключевых ресурсов, а также в сфере оборонных затрат. В то время как повседневная коррупция обнаруживается при обращении обычных граждан или малого бизнеса с целью получения однократной личной выгоды через взятку конкретным, обычно не высокопоставленным государственным служащим. Это включает в себя неправомерные финансовые вознаграждения, предоставляемые, например, педагогам, правоохранителям, медицинским работникам, судейскому составу, а также другим официальным лицам, задействованным в управлении административными процессами.

Когда взятки чиновникам распространяются настолько, что становятся обыденностью, утрачивается доверие к правопорядку, и создается угроза социальной стабильности. Сложный и многоаспектный характер коррупции осложняет все попытки систематизировать ее, в том числе разделять на «крупную» и «бытовую» [7]. Например, в делах с привлечением представителей среднего бизнеса не всегда очевидно, к какой категории их отнести. Однако, несмотря на недостатки подобной систематизации, она получила широкое распространение в научных трудах, посвященных коррупции, и даже с учетом своих ограничений способствует более глубокому пониманию корней и влияния этой проблемы. В свете увеличивающихся масштабов коррупционных процессов наблюдается и расширение их сферы воздействия. Сегодня за финансовое вознаграждение доступны не только традиционные административные сервисы. Предлагаются и более высокие ступени влияния, включая рабочие позиции, официальные звания, всякого рода отличия, места в законодательных структурах и проч. Это также отражает определенную социально-психологическую черту, воплощенную в нашем культурном контексте, которая стимулирует условия для развития коррупции. Такая особенность заключается в превалировании неформальных коммуникаций над официально установленными нормами, неуставными правилами против уставных законов [4].

В наше время распространение коррупции достигло масштабов, которые можно уподобить бесконтрольному развитию общественного недуга, который оказывает негативное влияние на большинство стран мира. Из них лишь примерно 25 государств считаются способными эффективно сдерживать эту проблему и поддерживать ее на приемлемом уровне.

В ближайшем будущем ожидается усиление обширных коррупционных сетей, которые простираются в верхах власти. Также прогнозируется рост случаев, когда государственные и муниципальные служащие совмещают официальные обязанности с незаконной деятельностью в коммерческих структурах, которые они контролируют [6]. Увеличивается число случаев, когда чиновники используют свои полномочия для личного обогащения за счет управления фирмами и незаконного получения преференций, а также для растраты государственных средств, изначально предназначенных для социальных целей.

В современном обществе почти каждый, будь то индивидуум или коллектив, неминуемо сталкивается с явлениями коррупции и, как правило, примиряется с необходимостью осуществлять деяния, не соответствующие обычным нормам. Наблюдается тенденция, при которой коррупция превращается в повседневную норму, дошло до того, что состояние коррупции стало критичным для жизнеспособности нашего государства, это очевидно по всеобщей открытости коррупционных связей. Сблaзн пройти путь к цели, сглаженный коррупцией, велик, в результате чего общество все глубже погружается в коррупционные взаимодействия.

Однако феномен коррупции не способствует увеличению социального блага. Вместо этого, продвигая решения, лишённые конкурентоспособности, и извлекая ресурсы для собственных нужд, коррупция становится преградой для экономической активности и замедляет прогресс общества.

Очевидно, что одним из ключевых элементов появления и поддержания коррупции в социальных структурах является концентрация властных полномочий. Такая концентрация ведет к созданию системы управления государством, где чиновники могут эксплуатировать свое статусное положение для извлечения личной прибыли через ориентацию на получение неоправданно высоких

доходов. В экономическом контексте подобная рента рассматривается как вознаграждение за использование ресурсов, превышающее по размеру те затраты, которые бы были возможны при равноправном доступе к ресурсам. В результате, узкий круг лиц, занимающих высшие посты, особенно в финансовом секторе и в области международной торговли, обладает возможностью получать чрезмерные доходы, фактически становясь финансовой элитой, определяющей экономическую динамику.

Когда распределение богатства становится избыточно чрезмерным, доходы от вложений в капитал иногда опережают всю сумму доходов, получаемых обществом. Это нередко приводит к падению производственной эффективности и уменьшению желания заниматься законной трудовой деятельностью. Такие проблемы часто усугубляются из-за слабо сформированных принципов владения имуществом, что, бесспорно, открывает двери для нелегального приумножения чужого богатства. Такие условия идеально способствуют возникновению и росту организованной преступности и коррупции среди чиновников.

Коррупция также проникает в сферы малого и среднего бизнеса, препятствуя их устойчивому развитию. Проблема коррупции имеет свои корни в финансовой системе, в основном управляемой желанием прибыли. Особенно это явление набрало обороты по мере приватизации государственной собственности, превращая государственные структуры в инструмент для незаконной передачи ценных активов в руки частных лиц за ничтожные суммы, часто без рационального экономического обоснования. При этом в России коррупция выросла в значительный элемент неофициальной экономики, разлагающий фундаментальные принципы финансовой структуры, охватывает все сегменты производства и распределения благ и сокращает потенциальные доходы общественных финансов на различных ступенях управления.

Деятельность, связанная с коррупцией, постоянно меняется, адаптируясь к новаторским организационным решениям и методам работы коррупционных сетей. Проблематика коррупции налагает на службы безопасности задачу создания многоаспектной борьбы против преступных действий в сфере экономической коррупции. Таким образом, в современной обстановке коррупция представляет собой

угрозу экономическому благополучию национальной безопасности. Подрывающее влияние коррупции на благосостояние государства демонстрируется через явные доказательства присвоения государственных активов и продвижение специфических частных экономических выгод.

Проблематика коррупции зачастую становится камнем преткновения на тропе интеграции новаторских технологических процессов в российскую экономику, а также затрудняет привлекательность страны для зарубежных капиталовложений в промышленный сектор. Коррупционная деятельность, которая в основном происходит из-за укрепившихся сетей недобросовестных госслужащих, способствует решению вопросов или попросту игнорированию преград перед лицом как частных компаний, так и государственных организаций.

Основные аспекты коррупции заключаются в конфликте между действиями представителей власти и интересами тех, кто стремится к нарушению предоставленных этими представителями полномочий. Действия, пронизанные коррупционным содержанием, представляют собой угрозу конституционному укладу государственного управления и требуют комплексной защиты с использованием разнообразных инструментов, включая, помимо прочего, законодательные, политические, нравственные, информационно-просветительские, духовные и т. д. В нашем понимании, коррупция несет в себе риск для разложения государственной власти, разваливая ее изнутри и подрывая ее упорядоченную и гармоничную природу. Отсюда вытекает, что в современных условиях коррупция прочно вошла в структуру недугов общества, вызывая глубокую тревогу у населения и властных структур. Поскольку коррупция тесно связана с другими видами преступной деятельности, она вызывает тревогу по поводу политического баланса, подрывает доверие общества к правоохранительным и военным структурам, способным противостоять коррупции.

В текущей ситуации все более важным является создание превентивной системы по борьбе и уничтожению практик коррупции, вовлекая в этот процесс как общественные институты, так и структуры управления на государственном уровне.

Чтобы эффективно бороться с коррупцией, важно создать и внедрить всестороннее законодательство и гарантировать его исполнение через институты, чья неподкупность не вызывает сомнений. Но для того, чтобы такие законы работали, крайне необходимы определенные предпосылки:

- четкое желание и готовность политической элиты противостоять коррупции в любых ее проявлениях, независимо от места и источника происхождения, включая готовность высшего руководства подвергнуть себя проверкам;
- сосредоточенность на мерах по предупреждению и минимизации коррупции;
- намерение трансформировать основы, которые порождают ее, вместо инициирования масштабных кампаний по борьбе с фиктивными угрозами;
- организация взаимодействия между правящими структурами и сообществами граждан.

Полное искоренение коррупции не входит в число достижений любой нации. Однако снижение ее влияния до уровня, когда она перестает быть значительной опасностью для национальной безопасности и перестает формировать образ правительства, возможно, превратится в элемент, составляющий суть государства. Результаты в этом направлении демонстрируют многие страны, включая Великобританию, Данию, страны Скандинавии, Сингапур, Малайзию. Во времена, когда Польша отступила от социалистической модели, она также достигла значимого прогресса в определенной области.

В тех странах, где удалось существенно сократить проявления коррупции, ключевая роль принадлежала серии законодательных инициатив. Эти мероприятия включали в себя формирование органов власти с целью борьбы с коррупцией, ужесточение надзора со стороны законодательных органов, повышение ответственности за коррупционные деяния, устранение таких явлений, как блат, протекционизм, безнаказанность должностных лиц. Также разрабатывались законодательные меры для использования финансовых санкций и штрафов в борьбе с коррупцией и для противодействия монополизации политической власти, что является ключевым аспектом борьбы с коррупцией в государстве.

Литература

1. *Артемьев Н.О., Шарян Э.Г.* Коррупция. Опыт борьбы различных стран // Участие образовательных организаций в противодействии коррупции: Материалы Международной научно-образовательной конференции. М., 2021. С. 81—85.

2. *Жураховская И.М., Трофимовская А.В.* Основы управления государственными (муниципальными) закупками Российской Федерации // Кадры для цифровой экономики: запросы рынка труда и образовательные тренды в части больших данных: Сборник по итогам IV Международного научно-практического симпозиума. М., 2023. С. 95—102.

3. *Истратий А.Ю., Козлова Е.Г.* Особенности использования методов оценки при отборе кандидатов для прохождения государственной гражданской службы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Экономика. 2018. № 2. С. 93—99.

4. *Кузнецова И.В., Матюнин Л.В., Чекан А.А., Шолотонова Е.С.* Особенности неформального общения сотрудников в организации // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999—2019 годы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. В 2 ч. М., 2019. С. 105—109.

5. *Россия под переменами / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой.* Ростов-н/Д.: ООО «Донской издательский дом», 2020. 290 с.

6. *Слоботчиков О.Н., Солодилов А.В., Афонин А.И.* Современные подходы к оценке эффективности деятельности государственного (муниципального) служащего в условиях обостряющегося противоборства // Актуальные проблемы экономики, финансов в условиях глобализации: Материалы Национальной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и сотрудников университета. Балашиха, 2023. С. 298—301.

7. *Шолотонов М.А.* Обзор антикоррупционной практики муниципальных служащих // Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности: Сборник научных статей VI-й Всероссийской научно-

практической конференции / Отв. ред. Л.В. Афанасьева. Курск, 2022. С. 383—387.

References

1. *Artem'ev N.O., SHaryan E.G.* Korrupciya. Opyt bor'by razlichnyh stran // Uchastie obrazovatel'nyh organizacij v protivodejstvii korrupcii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii. M., 2021. S. 81—85.

2. *ZHurahovskaya I.M., Trofimovskaya A.V.* Osnovy upravleniya gosudarstvennymi (municipal'nymi) zakupkami Rossijskoj Federacii // Kadry dlya cifrovoj ekonomiki: zaprosy rynka truda i obrazovatel'nye trendy v chasti bol'shih dannyh: Sbornik po itogam IV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma. M., 2023. S. 95—102.

3. *Istratij A.YU., Kozlova E.G.* Osobennosti ispol'zovaniya metodov ocenki pri otbore kandidatov dlya prohozhdeniya gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Ekonomika. 2018. № 2. S. 93—99.

4. *Kuznecova I.V., Matyunin L.V., CHekan A.A., SHolotonova E.S.* Osobennosti neformal'nogo obshcheniya sotrudnikov v organizacii // Rossiya i mir: razvitie civilizacij. Transformaciya politicheskikh landshaftov za period 1999—2019 gody: Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2 ch. M., 2019. S. 105—109.

5. Rossiya pod peremenami / Pod red. YU.M. Osipova. I.R. Bugayana, E.S. Zotovoj. Rostov-n/D.: OOO «Donskoj izdatel'skij dom», 2020. 290 s.

6. *Slobotnikov O.N., Solodilov A.V., Afonin A.I.* Sovremennye podhody k ocenke effektivnosti deyatel'nosti gosudarstvennogo (municipal'nogo) sluzhashchego v usloviyah obostryayushchegosya protivoborstva // Aktual'nye problemy ekonomiki, finansov v usloviyah globalizacii: Materialy Nacional'noj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov, molodyh uchenyh i sotrudnikov universiteta. Balashiha, 2023. S. 298—301.

7. *SHolotonov M.A.* Obzor antikorrupcionnoj praktiki municipal'nyh sluzhashchih // Aktual'nye voprosy nalogooblozheniya, nalogovogo administrirovaniya i ekonomicheskoy bezopasnosti: Sbornik nauchnyh statej VI-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Отв. ред. Л.В. Афанасьева. Курск, 2022. С. 383—387.

V

**ПРАВО
И ОБЩЕСТВО**

К.В. МОЛЧАНОВ

**Некоторые вопросы понимания, правового регулирования
и развития того, что в России называют
«искусственный интеллект»***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты понятия «искусственный интеллект» и вопросов его правового регулирования. Они исследуются на основе переосмысления российских дискуссий и достижений западной мысли.

Основным результатом исследования является осмысление того, что информационные технологии и нейросети концентрируют колоссальные знания и не только развиваются сами, но и создают новые знания и условия, причем в которых сами же стремительно и меняются. Поэтому для их регулирования необходимо менять подходы к законотворчеству, причем не только юридически, но и концептуально, философски, что позволит осмыслить и учесть не только новые вызовы, но и перспективы разработок в областях информационных технологий и нейросетей.

При этом должны не только меняться законы, что в целом и так понятно, сколько сначала должны качественно измениться изучение и обсуждения соответствующих вопросов — должна быть создана новая методологическая база.

Результаты исследования могут быть использованы не только для создания системы мер по регулированию «искусственного интеллекта», но и для развития программирования, информационных технологий и создания концептуально новых перспективных разработок, в первую очередь, в областях AGI и AI Alignment.

Ключевые слова: диалектика, методология, право, информационные технологии, нейросети.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Некоторые вопросы понимания, правового регулирования развития того, что в России называют «искусственный интеллект» // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 229—245. DOI: 10.5281/zenodo.11235610.

Abstract. The article discusses some aspects of the concept of «artificial intelligence» and issues of its legal regulation. They are explored on the basis of a rethinking of Russian discussions and achievements of Western thought.

The main result of the research is the understanding that information technologies and neural networks concentrate colossal knowledge and not only develop themselves, but also create new knowledge and conditions in which they themselves are rapidly changing. Therefore, in order to regulate them, it is necessary to change approaches to lawmaking, not only legally, but also conceptually, philosophically, which will make it possible to comprehend and take into account not only new challenges, but also the prospects for developments in the fields of information technology and neural networks.

At the same time, not only should the laws change, which in general is clear how much the study and discussion of relevant issues must first change qualitatively — a new methodological base must be created.

The results of the research can be used not only to create a system of measures to regulate «artificial intelligence», but also for the development of programming, information technology and the creation of conceptually new promising developments, primarily in the fields of AGI and AI Alignment.

Keywords: dialectics, methodology, law, information technology, neural networks.

УДК 004.8
ББК 60.8

Общие положения

В России при обсуждении искусственного интеллекта и соответствующих вопросов его правового регулирования обычно рассматриваются не суть и причины предметных положений, сложившейся ситуации и соответствующих проблем, а их описания и последствия. И хотя практически все обсуждаемые вопросы актуальны и важны, но они не определяющие, не глубинные, а обусловленные, внешние. Поэтому начинать решать проблемы, назревшие в области искусственного интеллекта, очевидно, следует с определения их причин и основ, и для этого нужно не обсуждать следствия,

модные веяния или досужие мнения, а выделить наиболее актуальные положения. Иначе любые разговоры и конференции по вопросам применения «искусственного интеллекта» и его регулирования будут и дальше идти ради общего обсуждения свершившихся технологических новинок, но обычно многими не понятых по существу, и чьих-то досужих мнений...

При этом, во-первых, следует учитывать то, что от корректности терминов во многом зависит понимание темы и эффективность ее обсуждений, однако российский термин «искусственный интеллект» является ошибочным переводом англоязычного словосочетания «artificial intelligence», ибо «intelligence» — это не «интеллект» [6]: в английском языке есть слово «intellect», принципиально отличное от слова «intelligence»; поэтому понятие «artificial intelligence» при правильном его понимании и при обсуждении не подразумевает «искусственный интеллект» (в связи с чем далее мы будем использовать термин «нейросети», а в более широком смысле — «информационные технологии»), а «искусственный интеллект» упоминать по этой причине в кавычках.

Кроме того, во-вторых, и сам интеллект в науках не определен, что однозначно утверждается в научных работах, в том числе в успешно защищенных диссертационных, которые можно обобщить следующим утверждением: «мы пока очень плохо понимаем природу человеческого интеллекта» [1, 4], однако это в принципе не учитывается в научной литературе и в дискуссиях...

В-третьих, следует учитывать то, что «искусственный интеллект» — это, по сути, всего лишь вид программирования, который можно понимать, например, как следующий этап развития программирования после объектно-ориентированного программирования, а не нечто разумное, тем более одухотворенное. Поэтому при обсуждении «искусственного интеллекта» некорректно использовать слова, обозначающие понятия, присущие человеку, такие как «думать», «понимать», «принимать решения» и т. д., т. е. нельзя приписывать «искусственному интеллекту» то, чем он в принципе не обладает, и не следует обсуждать то, чего у него нет (это очень важное замечание для понимания и обсуждений «искусственного интеллекта» в России).

Соответственно, в-четвертых, не следует пытаться обсуждать и тем более регулировать то, чего у «искусственного интеллекта» нет (в частности, этим объясняется некорректность многих дискуссий).

Отдельно следует сказать и о том, что, в-пятых, в российских дискуссиях обычно не рассматриваются программистские аспекты, по меньшей мере, то, *как* «искусственный интеллект» реализуется — что он собою представляет, какие нейросети имеют *слои* и какие действия нужно регламентировать, без чего обсуждения «искусственного интеллекта» и вопросов его регулирования попросту бессмысленны.

Однако обозначенные положения не означают невозможность решения проблем понимания и правового регулирования «искусственного интеллекта». Например, имеются западные представления — хотя бы *The Artificial Intelligence Act* (AI Act) — Закон (Постановление) ЕС от 21 апреля 2021 г. [7].

При этом сразу же нужно акцентировать наличие *противоречия* — это выделение в указанном законе систем, не подлежащих никакому регулированию (что определяет внутреннее состояние противоречия, рассматриваемого в настоящей статье (см. далее), а внешнее определяется отсутствием представлений о существовании интеллекта — см. ранее).

Более того, следует принять во внимание и то, что в компании Open AI *уже создаются* инструменты контроля artificial intelligence и новейших разработок в его области: например, идут исследования вопросов управления перспективными сверхразумными системами artificial intelligence (например, AGI — artificial general intelligence), возможности которых, как утверждается, во многом превосходят человеческие.

Кроме того, на Западе активно развивается новая деятельность — AI Alignment (выравнивание (согласование) artificial intelligence), направленная на то, чтобы artificial intelligence функционировал в соответствии с намеченными людьми целями, предпочтениями и этическими принципами.

AI Alignment включает в себя, в первую очередь, обеспечение следующего:

- безопасности, понимаемой в широком смысле;

- этических норм;
- функционирования систем artificial intelligence в рамках права.

Таким образом, на Западе не только созданы хотя бы простейшие правовые регулятивные нормы, но и, что более важно, создаются инструменты контроля и ограничения artificial intelligence.

Раскрытие обозначенных выше положений (и ряда других, приводимых далее) отражает существо многих обычно обсуждаемых проблем информационных технологий, а значит, содержит позиции, которые и надо исследовать.

При этом совокупность обсуждаемых в статье положений и выводов обозначает ряд позиций подхода к решению указанных и ряда других проблем и может послужить изучению и решению соответствующих вопросов.

Суть подхода к решению проблем

Учитывая упомянутые положения и оппозиции вопросов понимания и регулирования «искусственного интеллекта», нейросетей и информационных технологий, мы предлагаем для решения насущных российских проблем в области информационных технологий вообще и artificial intelligence в частности вместо обычных спонтанных поверхностных обсуждений неопределенного понятия «искусственный интеллект», его субъективных описаний и последствий его интуитивных применений на базе диалектических принципов (точнее — на базе принципа *метода философии Гегеля*, см. труд «Наука логики» [2, т. 6, 298]) и категорий, в первую очередь, «противоречие» (ибо, согласно Гегелю, «противоречие есть корень всякого движения и жизненности» [2, т. 5, 520]) выработать подход, системно отражающий, для начала, такие «типовые» позиции, следующие из анализа программных продуктов и дискуссий (более подробно рассматриваемые далее), как:

- известные реализации отдельных процедур информационных технологий;
- их негативы и *особенности* (здесь: диалектический термин), которые затем систематизируются;
- обобщение положений предлагаемого рассмотрения и его результатов в некое единое *целое*, позволяющее понять принцип и

методологию регламентации отдельных вопросов (как его частей), что, по сути, и требуется, так как на практике применяются конкретные предметные положения.

Для получения выводов, моменты которых, на наш взгляд, следует положить в основу подхода к решению ряда проблем, связанных с «искусственным интеллектом» и его регулированием, необходимо остановиться на следующих положениях:

- программируемые рассудочные функции как некоторые из известных реализаций отдельных процедур информационных технологий вообще и нейроресурсов в частности;
- автоматизация создания новых нейроресурсов;
- присущие нейроресурсам значительные знания, их быстрое накопление и развитие, за пониманием сущности и трендов которых сложно угнаться «вручную», тем более не будучи специалистом в программировании.

Сказанное продемонстрируем на примере одной известной реализации информационных технологий, принципиально важной для настоящей статьи, — на примере типизации обыденных рассудочных функций, широко распространенных в человеческой деятельности, даже еще уточним: речь пойдет о нейропомощниках, в узком смысле (соответствующих рассудочным функциям), развитие которых, однако, наглядно высвечивает многие проблемы и ряд путей их решения.

Положения предлагаемого подхода

Феномен развития нейропомощников а) наглядно отражает ситуацию и б) все более развивается, но в) до сих пор не оценен в целостности, которая имеет принципиальное значение для решения основных вопросов, касающихся развития и регулирования artificial intelligence.

Однако речь пока пойдет а) не о сложных, творческих или интеллектуальных функциях (о них будет отдельный разговор), а о рутинных и б) не о монотонных операциях и не об операциях, требующих колоссального, даже нечеловеческого внимания и напряжения (например, распознавание лиц в потоке людей), а об обычных, обыденных рассудочных функциях: бытовых, офисных, коммерческих и др., замещение которых широко востребовано.

В этом смысле следует говорить об интенсивно в последнее время развивающихся следующих нейроресурсах:

- *чат-боты*, предусматривающие заранее прописанные варианты ответов на ряд обычно задаваемых запросов;
- *нейропомощники*, предназначенные для выполнения стандартных действий (например, чтение текста, осуществление телефонных звонков, рассылка электронных писем и т.д.);
- *виртуальные ассистенты*, выполняющие действия на основе данных и команд, вводимых пользователем или получаемых из различных источников; они более гибкие, чем чат-боты и нейропомощники, и могут осуществлять даже коммуникативные функции (например, общение с клиентами);
- *нейросотрудники*, непосредственно позволяющие осуществить замену работников (например, операторов call-центров, менеджеров по продажам и т.д.).

При этом речь следует вести, с одной стороны, не столько даже о технической, финансовой или правовой стороне дела, сколько о проблеме формализации и *типизации* рассудочных функций человека, что важно для их программирования, или, что то же самое, об ограничении творческого потенциала людей, что при анализе информационных технологий обычно не учитывается; это *серьезная проблема*, обычно упускаемая из виду по ряду причин при обсуждении нейроресурсов и регламентации их применения.

Более того, следует понимать, что создание перечисленных выше видов нейроресурсов не только ведет к упрощению деятельности людей, но и является, можно даже сказать, основой деградации людей, что вообще обычно не обсуждается и тем более не пресекается законодательством.

С другой стороны, говорить следует и о том, что информационные технологии позволяют освободить значительные ресурсы, в первую очередь, средства на оплату труда, и поэтому будут активно развиваться, причем хотя бы потому, что предпринимателей интересует прибыль, ибо «нажива — таков абсолютный закон этого (капиталистического. — К.М.) способа производства» [3, т. 23, 632].

Следующим значимым положением, на котором следует акцентировать внимание, является активное развитие производства

нейроресурсов — интенсификация их производства, в первую очередь, все большая его автоматизация.

Появляются автоматизированные средства, которые, как бы удивительно это ни звучало, создают нейроресурсы уже практически без участия человека (а это как раз и не учитывают критики нейросетей и юристы), который теперь в подавляющем числе случаев может ограничиться лишь постановкой задачи и заданием общих параметров.

Например, широко известно и популярно универсальное средство для автоматизированного подбора архитектуры нейросетей — *AutoKeras*.

Для автоматизации же обозначенных выше видов нейроресурсов — обыденных однообразных типовых процессов — недавно появился нейроресурс *Lindy* [9], на котором остановимся отдельно по ряду причин.

Нейроресурс *Lindy* предназначен для реализации, в первую очередь, следующих функций:

- деятельности руководителя, включая работу с корреспонденцией, запись совещаний и т. п.;
- поддержка деятельности организации, включая планирование;
- кадровое сопровождение, включая анализ резюме, планирование собеседований и т. п.;
- маркетинговые и сбытовые функции, включая коммуникацию с клиентами и поставщиками и др.

Интересными особенностями этого нейроресурса, важными для понимания существа работы нейропомощников и темы их регулирования, являются следующие:

- он позиционируется как конкретный специалист, работник;
- работает с инструкциями на естественном языке, в частности, следует правилам, установленным в организации;
- имеет возможность адаптироваться в новых условиях;
- сохраняет конфиденциальность;
- подстраивается под рабочий процесс и др.

Каждая из этих функций достаточно хорошо изучена и эффективно программируется, однако обычно не учитывается то, что в *Lindy* они объединены в некоторое концептуальное единое *целое*, обладающее сверхсуммарным эффектом, позволяющим выявить не только принципы и методологию функционирования его частей, но и некоторые специфические моменты (например, противоречие, см. далее), которые в силу их диалектической сущности не учитываются программистами и юристами (да и не могут быть учтены по причине неизученности в науках диалектики и противоречия, также см. далее), хотя представляют собою наиважнейшие положения для понимания функционирования нейроресурсов и соответственно для решения вопросов их применения и правового его регулирования.

При этом очевидно, что автоматизированное, фактически точное создание большого числа нужных в повседневной деятельности типовых простых эффективных человекоподобных программных средств очень актуально и выгодно, но трудно контролируется и не регулируется законодательно по многим причинам, например, хотя бы потому, что, с одной стороны, может создаваться очень большое количество разнообразных нейросетей, а с другой стороны, их создание многогранно, высокотехнологично и постоянно изменяется, причем используются самые последние технические достижения, которые известны порой только их разработчикам, а не критикам нейросетей и не юристам, так что не всегда можно в короткие сроки понять (например, в целях правового регулирования) суть конкретных процессов программирования и применения новых нейроресурсов и, соответственно, возникающих при этом ситуаций и проблем.

Еще одно важное положение — это стремительное развитие программистских знаний, монополизируемых разработчиками и транскорпорациями, — развитие, с которым, скажем прямо, не могут сравниться ни расширение критики нейросетей, ни изменения в праве.

Примером может служить *чатбот Grok*, недавно разработанный компанией Илона Маска [8], кстати некогда заявлявшем об опасности нейросетей и о необходимости сворачивания каких бы то ни было разработок в их области (!). Как говорится в рекламном

описании Grok, его преимуществом является то, что он обладает знаниями о мире в реальном времени, получаемыми через Twitter.

Кроме того, следует учитывать и то, что на Западе все активнее ведется речь об упомянутом выше AGI (artificial general intelligence), обладающем феноменальными возможностями в части самообучения и принятия решения.

При этом следует отметить, что *информационные технологии не только развиваются сами, но и создают новые знания и условия*, в которых при этом сами же стремительно изменяются — развиваются быстрее, чем меняются их критическое понимание и обсуждения и тем более законодательство. Однако столь актуальный феномен развития нейросетей до сих пор не оценен ни концептуально как факт, ни функционально в единой целостности новых знаний, которая имеет принципиальное значение и обуславливает многие трудности, связанные с пониманием информационных технологий и регулированием их применения¹.

Важно и то, что информационные технологии могут адаптироваться в новых условиях (!) — в том числе при введении ограничений.

В целом понятно, что за счет использования знаний и новейших технологий и их развития и применения различными способами возможно сокрытие любой информации об информационных технологиях, включая применение новейших знаний и особых методологий, в том числе в целях защиты и продвижения новых программных ресурсов; это очень важно для вопросов применения и правового регулирования нейроресурсов, но обычно не учитывается.

При этом даже просто обсуждение нейросетей и их применения требует больших знаний, которых нет даже у многих программистов и тем более у критиков нейросетей и у разработчиков законов, — знаний, за пониманием содержания и развития которых практически невозможно угнаться.

¹ Эти вопросы отдельным образом изучаются нами на базе современной диалектики, в первую очередь с точки зрения нового определения данных и методов их обработки (см. авторский сайт: www.dialectics.ru).

Однако факт новых знаний и возможности, появляющиеся при владении ими, обычно не учитываются критиками нейросетей, чиновниками и законодателями, кстати, часто не имеющими соответствующего образования и опыта. А ведь *право можно обойти за счет знаний*, причем и разработчики, и пользователи нейросетей будут это делать хотя бы потому, что их интересует прибыль (или жажда указанной выше *наживы*), и противопоставить этому законодатели и чиновники, особенно коррумпированные, ничего не смогут. Указанное — это еще одна *серьезная проблема*, обычно упускаемая из виду по ряду причин при обсуждении нейросетей.

Отдельно нужно отметить следующий *принципиально важный момент*, уже успешно используемый рационально в современных диалектических исследованиях и спонтанно в некоторых продвинутых зарубежных нейросетях, а вот в науках он вряд ли в ближайшее время будет понят и применен. Речь идет о чисто диалектических позициях, о которых мы уже много раз писали и говорили в различных своих выступлениях (см., например: [5]), и это можно продемонстрировать на следующем, отдельно акцентируемом нами, принципиально важном моменте.

Так, в рекламном описании упомянутого выше нейроресурса *Lindy*, автоматизирующего создание нейропомощников, во-первых, говорится о *противоречии* между реализованными в нем свободой выбора решений и повышенной надежностью, которая достигается за счет строгих ограничительных мер. Кроме того, во-вторых, отмечается, что *Lindy решает противоречие*, осуществляя некоторые упреждающие действия. Например, несмотря на свою широкую функциональность, *Lindy* никогда не исполнит ряд действий без согласия владельца: система без разрешения не тратит деньги, не отправляет электронные письма и т. п. При этом *Lindy* не теряет оперативность, ибо имеет множество соответствующих специфических человекоподобных функций: например, в случае необходимости она может повысить активность своих действий путем того, что

Также отметим еще и такое противоречие, которое часто формально оговаривается, но не анализируется, хотя оно очень важно для обсуждаемой проблемы: оно заключается в двойственности оценки применения нейросетей и результатов их деятельности.

Отдельно отметим, что западные разработчики часто акцентируют чисто диалектические характеристики своих разработок, в то время как в современной России аналогичного нет, ибо диалектика в ней все еще не изучается, так как ее идентифицируют с советских времен как *идеалистическую*, причем в российской научной литературе нет даже определения диалектики по Платону или по Гегелю — его дают только согласно *материалистическим* установкам диалектического материализма, уже давно сошедшего с исторической арены. При этом мы много говорили также и о том, что российское научное сообщество игнорирует диалектические знания, а зря...

Указанные и другие противоречия выражают возможность не только решения проблем понимания и правового регулирования нейроресурсов, но и развития информационных технологий...

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что существенны проблемы развития и использования нейросетей и соответствующей правоприменительной практики, из которых особо следует отметить следующие:

- любые обсуждения этих проблем малоэффективны без четкого определения базовых понятий, прежде всего «искусственный интеллект», причем с учетом того, что в науках даже определения интеллекта нет;
- знания и информационные технологии развиваются быстрее, чем меняются их общественное и критическое понимание и соответствующие обсуждения и тем более законодательство;
- коммерциализация интеллектуальной собственности будет продолжаться и дальше, причем определяемая не общечеловеческими ценностями и законами, а *жаждой наживы*, которой мораль и право не могут ничего противопоставить и вряд ли смогут...

Ряд других проблем развития и использования нейросетей и правоприменительной практики указан по ходу статьи (например, ограничение творческого потенциала людей, обход положений права за счет знаний и др.).

Исходя из известных обсуждений нейроресурсов, пока эффективного контроля за ними, по-видимому, не может быть хотя бы по следующим причинам:

- в науках и в праве (!) нет корректного и однозначного определения интеллекта и понимания сути и сущности «искусственного интеллекта»;

- в общем случае нейроресурсы дают разные результаты даже при использовании одних и тех же входных данных, так что даже сертифицированные нейроресурсы могут давать неожиданные во всех смыслах результаты, иными словами, сертификация и регламентация нейроресурсов не могут быть однозначными, что весьма критично для правового регулирования;

- до сих пор непонятны и не регламентированы многие чисто юридические аспекты, например: условия правоприменения, вопросы свободы творчества и т. п.;

- нейроресурсы могут быть реализованы в огромном количестве версий и их модификаций, причем не всегда заранее понятно, какие из них будут использоваться и какие из них можно и следует рассматривать в правовом смысле и нужно регламентировать;

- нейроресурсы обладают возможностями автокоррекции и адаптации к новым условиям, что существенно в смысле вводимых против них ограничений;

- транскорпорации и предприниматели не будут отказываться от прибыли, следовательно, от активного производства нейроресурсов, причем со все более изощренными возможностями, в том числе противостояния регулированию;

- любые нормы и ограничения могут юридически и технически обходиться разработчиками нейроресурсов, обладающими большими знаниями.

Поэтому логичным выводом может стать такой: возможность регулирования нейроресурсов целесообразно закладывать в процессе их создания (теперь — развития).

При этом обозначенные выше и иные критичные положения не означают невозможность решения проблем понимания и правового регулирования «искусственного интеллекта», а анализ указанных и других положений означает необходимость действий: это не

только создание принципиально нового (например, обозначенного выше) подхода к самому artificial intelligence, причем в областях как исследований его регулирования, так и кардинального развития, уже предполагаемого на Западе, но и отдельные конкретные мероприятия, которые уже могут быть предприняты.

Для понимания и правового регулирования нейроресурсов и для решения актуальных задач artificial intelligence, во-первых, необходимо создать методологию изучения и развития вообще информационных технологий, иначе все попытки их понимания и регулирования будут представлять собою спонтанные несистемные необоснованные запоздалые действия, которые вряд ли позволят понять artificial intelligence и привести к желаемым результатам в областях его развития и регулирования.

Развитие методологии для оценки состояния и развития нейросетей и для создания ресурсов для контроля их работы представляет собою важное положение — и как одно из положений системы соответствующих мер, и как самостоятельное положение.

Во-вторых, необходимо использовать диалектические положения, в том числе:

- системность;
- оппозиции упомянутого выше известного метода философии Гегеля;
- диалектические концепты и категории, в первую очередь, противоречие, которое акцентируется зарубежными специалистами, которое, как было указано выше, органично нейросетям и на базе которого, объективно присущего обсуждаемым вопросам, можно развивать требуемые рассуждения.

При решении вопросов регулирования и развития нейроресурсов следует также учитывать и иные положения, в первую очередь новые знания и те диалектические положения, которые уже так или иначе прослеживаются в западных разработках².

² Хотя мы не уверены, что российские ученые и тем более программисты будут использовать диалектику, и не только потому, что ее не изучают ни в школе, ни в вузах, а в силу того, что, в первую очередь, следовало бы искоренить в российском образовании многие ошибочные стереотипы, в первую очередь, «законы» Энгельса (обычно именуемые «законами диалектики») [4], надежно укоренившиеся и доминирующие в умах россиян, прежде всего, ученых...

При этом, в-третьих, в силу указанных методологических положений актуальны регулятивные позиции, в частности следующие и из анализа применения и критики нейроресурсов, например:

- необходимо лицензирование создания и применения информационных технологий (и даже их видов);
- целесообразно создавать контролирующие *контрнейроресурсы*.

В-четвертых, информационные технологии стремительно развиваются, поэтому существо применения права должно измениться, а вместе с этим — и смысл самого права. К тому же должны не только меняться законы, что в целом и так понятно, сколько сначала должны качественно измениться изучение и обсуждения соответствующих вопросов, а не продолжаться в устоявшемся упрощенном варианте, поощряя демагогию и мешая поиску решений.

В целом в области права:

- его тенденции и перспективы и его трансформации на различных уровнях нельзя рассматривать в отрыве от развития информационных технологий и знаний, их обеспечивающих;
- в качестве моментов юридических норм, если не в их основе, следует использовать знания, применяемые при создании информационных технологий;
- неизбежны разработка и реализация обобщенных *групповых норм*, или правоприменительных паттернов, ибо из-за стремительно изменяющихся условий детально все нормы прописать нельзя.

Необходимо изменить подходы к законотворчеству в области информационных технологий и нейросетей, причем не только юридически, но и концептуально, философски, что позволит осмыслить и учесть не только новые вызовы, но и перспективные правовые и социальные разработки.

В итоге, возможно, следует сформировать специализированные *правила*:

- а) учитывающие нормы и задачи развития общества;
- б) регламентирующие функционирование artificial intelligence;
- в) способствующие созданию новых программных концептов и средств, причем не только и не столько догоняющие и повторя-

ющие известные программные средства, сколько концептуально отличные, новые, в первую очередь, в областях AGI и AI Alignment.

Но *самое главное*, в-пятых, — это перспективное созидание и развитие информационных технологий, в том числе нейроресурсов, учитывающие задачи развития общества — это, пожалуй, самый важный вывод наших исследований, который в России должен, на наш взгляд, пониматься как принцип развития информационных технологий, которые должны служить развитию страны, например, как составляющие открытого нами нового (частного) *способа производства* [6].

Литература

1. *Быковский И.А.* Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта: Дис. ... канд. филос. н. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 180 с.

2. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. М.; Л., 1929—1958.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1960.

4. *Молчанов К.В.* «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // *Философия хозяйства*. 2013. № 6. С. 155—168.

5. *Молчанов К.В.* Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и кибер интеллекта в современной диалектике // *Философия хозяйства*. 2020. № 2. С. 201—218.

6. *Молчанов К.В.* Цифровая экономика с позиций Современной политической экономики // *Ломоносовские чтения — 2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»*: Сборник статей. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 816—822.

7. EUR-Lex.europa.eu: An official website of the European Union: URL: <https://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 10.03.2024).

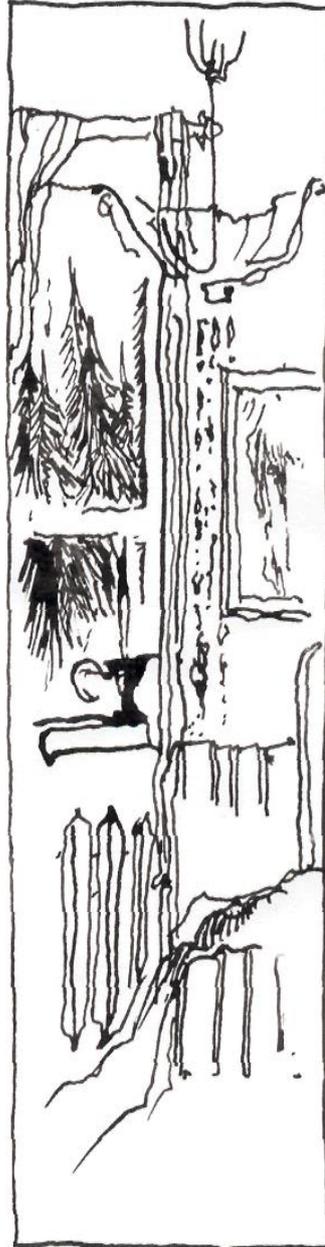
8. Grok: Conversational AI For understanding the universe: URL: <https://www.x.ai> (дата обращения: 10.03.2024).

9. Lindy.ai: Meet your AI assistant: URL: <https://www.lindy.ai>
(дата обращения: 10.03.2024).

References

1. *Bykovskij I.A.* Filosofskie aspekty problem sozdaniya iskusstvennogo intellekta: Dis. ... kand. filos. n. Saratovskij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo. Saratov, 2003. 180 c.
2. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. M.; L., 1929—1958.
3. *Marks K., Engel's F.* Soch. 2-e izd. T. 23. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1960.
4. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 6. S. 155—168.
5. *Molchanov K.V.* Neopredelennost' intellekta i iskusstvennogo intellekta v naukah i celevaya determinaciya intellekta i kiber intellekta v sovremennoj dialektike // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 2. S. 201—218.
6. *Molchanov K.V.* Cifrovaya ekonomika s pozicij Sovremennoj politicheskoy ekonomii // *Lomonosovskie chteniya* — 2018. Sekciya ekonomicheskikh nauk. «Cifrovaya ekonomika: chelovek, tekhnologii, instituty»: Sbornik statej. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2018. S. 816—822.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Вызов времени (о монографической книге И.Р. Бугаяна)*

Наш — международного ученого сообщества, действующего под эгидой Центра общественных наук МГУ, и лично мой друг из родного мне города Ростова-на-Дону д.э.н., профессор *Илья Рубенович Бугаян*, достигнув 80-летнего юбилейного рубежа, задумал произвести на свет некую итоговую (пока итоговую!) книгу, сакраментальный замысел которой мне довелось не без удовлетворения подержать.

И вот книга сия есть, о чем благовествует не только сия книга, но и я тоже!

Поясню, что Илья Рубенович из ростовских армян, сохраняющих свою генетическую принадлежность к древнему и им родному армянскому народу, владельцу древней цивилизации, однако он и из ростовских русских, не просто из обрусевших армян, а именно вполне себе русских — по языку, воспитанию, образованию, культуре, образу поведения, манерам, наконец. Илья Рубенович счастливо соединяет в себе и то, и другое. Да не в пресловутом «одном флаконе», а в органичном ментально-культурном единении.

Зачем я об этом? А чтобы понять интерес бывшего авиационного инженера, ставшего дипломированным политэкономом, соединившего мало что армянина и русского, так еще и «технаря», и гуманитария в одном лице, понять интерес этого незаурядного человека не к одной лишь современности, а и ко всей цивилизационной «прошлости», — и все ради того, чтобы сначала почувствовать, а потом и открыть для себя и нас, грешных, цивилизационный циклизм и цивилизационные перемещения с места на место в движении цивилизаций, смысло-функциональные «зацепы» сих временных и пространственных перемен, обозначить корневые изменения в цивилизационном бытии человечества, раскрыть и цивилизационную современность, бросив ей ментально-метафизический вызов, а еще и обосновать, что все цивилизационные там и сям рывки, смещения

*Отклик-презентация на: Бугаян И.Р. XXI век: общественный сектор хозяйства как атрибут цивилизации, формируемой современным доминантным товаром и фактором производства. Избранное: В 2 т. Т. 1. Ростов н/д.: Донской издательский дом, 2023. 205 с.

и стояния обязаны сочетанию частной инициативы с инициативой управляющего, как правило, имперского центра, а лучше сказать наоборот — сочетания инициативы общественного управляющего центра и частных локальных инициатив, когда центр добросовестно покровительствует «частностям», а «частности» по-честному служат центру!

Внутренний зов армянской древности и извнешний призыв миро-российской современности позитивно срезонировали в душе и когнитиве Ильи Рубеновича, обеспечив ему уникальный творческий прорыв, как раз и нашедший отражение в его в высшей степени содержательной актуальной книге, которую полезно будет взять в руки и прочитать, как и не без пользы иной раз со знанием дела поновому и перечитать.

Ю.М. Осипов

* * *

21 марта 2024 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор», на котором выступили 15 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, Л.А. Асланов, Ф.И. Гиренок, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, Д.Н. Платонов; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, П.П. Жуликов, В.В. Кашицын (Новороссийск), О.Н. Рыбковская, И.П. Смирнов, Е.Х. Хабибуллина; вице-президент по правовым вопросам Ассоциации банков России А.А. Козлачков.

Е.С. ЗОТОВА

**Дискуссия о мировоззрении как решающем
хозяйственном факторе***

Аннотация. Представлен обзор дискуссии, состоявшейся 21 марта 2024 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате на теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор».

Ключевые слова: мировоззрение, философия хозяйства, хозяйственный фактор, хозяйственный субъект, объект хозяйствования, Россия.

Abstract. The article presents an overview of the discussion held on March 21, 2024 at the Faculty of Economics of Moscow State University in a mixed format at the theoretical seminar «Discussion Problems of Modern Social and Economic Thought» on the topic: «The Worldview as a Decisive Economic Factor».

Keywords: worldview, philosophy of economy, economic factor, economic entity, entity of economy, Russia.

УДК 330
ББК 65в

21 марта 2024 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор». Организаторы — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — сформулировали вынесенные на рассмотрение аудитории проблемы следующим образом: «Какое мировоззрение, такой и человек, такой и социум, такова и любая его ячейка. Ну и хозяйствующий субъект тоже все равно кто: индивид, коллектив, сообщество

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Дискуссия о мировоззрении как решающем хозяйственном факторе // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 251—262. DOI: 10.5281/zenodo.11235719.

или социум в целом, даже и мировой, глобальный, космический, как и предприниматель ли, банкир ли, управляющий ли, работник ли, глава ли или член ли семьи. А от хозяйства и хозяйствования все в бытии и зависит, да не только вещно-материально-потребительное, но и идеально-ценностно-экзистенциальное, что как раз сегодня рельефно показывает и убедительно доказывает распростертая вокруг социохозяйственная реальность, включая и разгорающуюся милитарную. Мирозозрение — хозяйственный фактор, но и объект хозяйствования, идейно-морально-культуро-духовного».

Во вступительном слове д.э.н. **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) заметил: «А что — разве не так, как заявлено в теме семинара? Какое мирозозрение у субъекта, такое и хозяйство, правда, с учетом всякой объективности и без обратной связи: какое хозяйство, такое и мирозозрение. И ежели в первом случае хозяйствующий субъект весьма определяет хозяйство, его тип и его ход, то во втором — хозяйство немало определяет субъекта, его воззренческую суть.

Когда вокруг все “спокойненько” (аки в сказочном Багдаде), то кажется, что именно бытующее в реалиях хозяйство, в которое так или иначе включается субъект, определяет воззрение субъекта, а вот в моменты (периоды) хозяйственных ломок и переходов все оказывается как-то совсем по-другому: субъектно-субъективное мирозозрение, будучи само по себе тоже продуктом хозяйства, как раз хозяйства в мирозозренческом ключе, опережает в таком разе реальное хозяйство, оказывает решающее влияние на хозяйство, реализуемое в доступном субъекту масштабе.

Взаимность тут налицо, но, исходя из темы семинара, понятно, что нас более всего интересует как раз влияние “мирозозренческого” субъекта на реальное хозяйство, а не наоборот. А почему так? Да по причине хотя бы двух крупных субъектно-субъективных переворотов, случившихся в нашей стране в течение одного столетия (временного, прежде всего, но и календарного тоже — XX в. с хвостиком). И что же? А то, что в том и в другом случае “виновато” тут было мирозозрение, с начала Октябрьской революции 1917 г. вроде как “социалистическое”, а затем, с рубежа 1980—1990-х гг., вроде как “капиталистическое”, хотя на практике ни вполне социализма, ни вполне капитализма, аккурат в соответствии с лежавшими в основании сих переворотов мирозозрениями,

не получилось, а получилось в одном случае что-то вроде социал-этатизма, что то же самое — сталинизма, а во-втором — “либерал”-финансового неокOLONиального глобализма.

Однако наша задача не в том, чтобы уходить в исторические экскурсы, а, подметив совсем не нейтральную роль субъектно-субъективных мировоззрений в построении хозяйственной жизни, обратиться к текущей РФ-российской хозяйственной ситуации с оценкой роли в ее возникновении и длении не только и не столько объективных обстоятельств и чуть ли не объективных законов социального бытия, а более всего как раз субъектно-субъективных интенций и устойчивых влияний.

Да, в возникновении, существовании и течении нынешнего РФ-российского хозяйства значительна роль всякой объективности, но немаловажна, если не решающая, и роль субъектно-субъективного начала с его мировоззренческой ориентацией.

И вот тут-то и возникает немало разных вопросов: что за мировоззрение доминирует ныне над РФ-российским хозяйством; какова его роль как в стимулировании развития хозяйства, так и, что не исключено, в торможении сего развития; надо ли управляющему субъекту что-то изменить в своем хозяйственном мировоззрении и, соответственно, поведении, ну и изменяются ли они? Это, конечно, не все возможные в таком случае вопросы, однако они, эти небесковарные вопросы, есть, и есть повод для мировоззренческого разговора о хозяйственном мировоззрении, разумеется, не в привычной уже антиномии “капитализм—социализм”, а в реально смысловом соотношении доминирующего в стране хозяйственного мировоззрения и творимого с его небезобидной помощью национального хозяйства, не избегая и вопроса: “Так ли уж все спокойненько, то бишь бесппроблемно, в текущем вокруг Багдаде?!”».

В своем докладе «Устроение мира после заката модерна» д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) обратился к наследию Н. Бердяева: «Ночь иррациональна. Ее нельзя получить реформированием старых содержаний дня. Бердяев называет Средневековье “ночной эпохой всемирной истории”. Что отсюда следует? То, что люди живут в воображаемом мире, а реальность является всего лишь одной из сторон воображаемого. В ночи будущее

двоится, и вновь появляются перед человеком призраки коммунизма и фашизма.

Уходит день, а вместе с ним уходит и гуманизм. Мы, русские, говорит Бердяев, никогда не любили человека. Мы его не любили даже днем. Человека полюбили на Западе, но они не любят ночь, т. е. Бога. При свете дня трудно отличить человека от обезьяны. Ночная Россия, по словам Бердяева, скорее родит Антихриста, чем гуманистическую демократию.

Что беспокоит ночное сознание? Сможет ли Церковь вновь стать центром притяжения народа или народ все-таки отпадет от веры? Появятся ли народные трибуны со святыми атрибутами власти? Старые классы, конечно, умрут, но возродятся ли объединения по профессиям, по творчеству, по цеху? Грядут ли общины? Это вопросы, которые мучают ночное сознание человека. Одно, говорит Бердяев, очевидно: человечество обеднеет и задумается о внутренней жизни, а войны, конечно, будут, но как войны духовно-религиозные».

Вступая в обсуждение представленных докладов, д.х.н., профессор **Л.А. Асланов** (химический факультет МГУ), с опорой на синергетику показал, что локально-историческая концепция предпочтительней всемирно-исторической. С учетом операции субъективной интерпретации выбор между двух концепций невозможно сделать на основе исторических фактов, используемых в цивилизационном анализе. Он обрисовал преимущества цивилизационного анализа перед формационной теорией, отметив, что в филогенезе внешние раздражения, многократно повторяясь, формируют в мозге определенную морфофизиологическую структуру, которая затем передается из поколения в поколение (генетически детерминирована). Врожденная структура мозга — это постоянство нервных связей нейронов (субстрат безусловных рефлексов и инстинктов). Инстинкт самосохранения — основа цивилизации. Ненаследуемые изменения представляют собой более быстрые и гибкие формы приспособления и возникают в процессе социализации, образования и накопления личного опыта индивида. Поведение людей складывается из реакций наследственных и приобретенных, характерных для каждой локальной цивилизации. Профессор Асланов выявил взаимосвязи между понятиями «менталитет» и «культура», применяемыми в гуманитарных науках, и используемыми в биологии пред-

ставлениями о наследуемом и приобретенном поведении соответственно.

В своем выступлении д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что в расстановке мировоззренческих приоритетов западная цивилизация давно сделала выбор в пользу развития техники, а не человека. Россия же пытается сохранить человека в качестве ключевого фактора мироздания, препятствуя воспроизводству в глобальном масштабе технократического, механистического порядка. В рамках западной системы ценностей реальный мир, заключенный в природе и человеке, все активнее подменяется виртуальным «жизненным» пространством, «освоение» которого происходит через подключение человека ко все новым и новым интернет-гаджетам. Подмена ценностей осуществляется по многочисленным каналам, включая институты власти, корпоративную и поп-культуру, правовую систему, образовательную и языковую среду. В рамках западного технократического мейнстрима размываются нравственные, творческие и хозяйственные начала. Повсеместная вовлеченность человека в необходимость обслуживания постоянно возрастающих потоков фиктивных ценностей имеет конечной целью расчеловечивание социума. Для сворачивания глобальной техноцентричной повестки дня нужно воссоздать российские закрывающие хозяйственные технологии, способные вернуть мир в парадигму реальных ценностей, высвободив человека из виртуальной среды обитания, заключил профессор Кузнецов.

Говоря о мировоззрении как о духовно-субстанциональной основе развития РФ, д.э.н., профессор СПбГЭУ **С.Г. Ковалев** отметил, что мировоззрение — и как термин, и как категория — имеет немецкие корни, проистекает из немецкой идеалистической традиции.

«Природа социального мировоззрения тесно связана с устройством общества, его сословно-классовой структурой, интересами больших слоев населения и интересами общества в целом. Соответственно, зависит от многих факторов, в том числе и от усилий социальных сил, прежде всего властных, политических, по принятию и сохранению в обществе определенного мировоззрения. В любом случае суверенная страна должна обладать собственным концептуальным, в том числе хозяйственным, мировоззрением.

Проблема РФ в том, что западный мир не принял страну и ее элиту в свой клуб в качестве равноправного субъекта, имеющего свои суверенные интересы и свое суверенное пространство жизнедеятельности. РФ как крупная мощная страновая целостность не вписалась в новую западную парадигму нового миропорядка.

Мир хотя и глобализируется, но степень его планетарной социальной нецелостности, неоднородности, неуправляемости, непрочности, нетотальности, накопленной проблемности еще позволяет воплотить альтернативные варианты странового развития, не сводимого к антиномиям: социализм — капитализм, либерализм — тоталитаризм, неоколониализм — экономическая независимость. Он предполагает вкрапление мозаики многих мировых и национальных черт в российскую державную целостность, вписывающуюся в новейший миропорядок на правах субъекта, а не объекта мировой игры. Соответственно, мировоззрение выполняет роль идеала для устремлений общества, его веры, его консолидатора, целевого ориентира по достижению целей. В условиях РФ нужно не расколотое, а консенсусное, объединяющее мировоззрение — это российское державное мировоззрение».

В анонсе семинара Ю.М. Осиповым подчеркнута, что влияние мировоззрения на хозяйственную ориентацию человека, группы людей, социума критически значимо, сказал к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск). «И если посмотреть на проблему взаимосвязи мировоззрения и хозяйства в краткосрочном и среднесрочном горизонте эволюции, т. е. тактически, это действительно так. Но если оценивать эту взаимосвязь в долгосрочном — эпохальном — горизонте ретроспективы и перспективы, то представляется, что хитросплетения и противоречия именно хозяйственной деятельности генерируют и объективируют мировоззрение. На этой основе, собственно, возникает и развивается экономическая наука в лице политической экономии, разумеется, с последующей детализацией в системе функциональных экономических наук.

То есть эпохально-эволюционно-стратегически-смысловой взгляд, с нашей точки зрения, здесь первостепенен».

По мнению профессора Кашицына, именно в гибкой регулятивной взаимосвязи тактической и стратегической мировоззренческих картин хозяйственной деятельности и содержится залог выхода на траекторию развития. И обязательного обретения в мировом

хозяйстве статуса лидера. Ибо объективно сложившаяся в мировом хозяйстве монополюльно-лидерская архитектура продуцирует маловероятность устойчивой стабильности искомой полицентричности модели мира.

В настоящее время человечество вплотную подошло к точке бифуркации, заметил д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Правительстве РФ). В случае реализации инерционного сценария будут происходить биологическая деградация человека и постепенная замена отдельных частей его тела искусственными деталями. В конечном счете человек превратится в андроида с человеческим сознанием. Поддержание в исправном состоянии искусственной оболочки постчеловека будет требовать значительных ресурсов. Для оптимизации затрат человеческое сознание преобразуется в самостоятельную, существующую без искусственной оболочки форму мыслящей энергии — «лучистое ничто» Циолковского.

При реализации альтернативного сценария главным вектором развития станет идея, что человек создан по образу и подобию Божьему. Основные усилия будут направлены на формирование условий для физического и нравственного здоровья, улучшения экологической ситуации. Данный путь развития предполагает возрождение социалистической идеи и массовое распространение религиозного мировоззрения. В нашей стране возможно появление модели православного социализма, предполагающей резонанс мировоззрения национальной элиты и глубинного массового мировоззрения, сформированного в течение столетий, подытожил профессор Шевченко.

«Мир бесконечно разнообразен в своих физических, духовных и экономических проявлениях, — сказал к.т.н., советник Института ВЭБ **О.В. Доброчеев**, — но развивается он по единым законам природы.

И если философское понимание единства сформировалось тысячи лет назад, что нашло отражение в религиозном сознании, то научное начало формироваться лишь в XX в. Произошло это с обнаружением научных аналогий в поведении таких систем, как солнечная и социальная А. Чижевского, турбулентных и финансовых потоков Колмогорова и создания Белоусовым физико-химической модели жизни. Завершенный характер понимания этого единства приобрело лишь с появлением гидродинамической аналогии пото-

ков жизни, описываемой турбулентной моделью очень больших систем. Из этой модели вытекают удивительные следствия. В согласии с ней, например, не только природная и общественная среда воздействуют на человека, но и человек оказывает на них влияние. Естественная разница последствий этих влияний объясняется лишь их физическими масштабами. Миллиарды лет жизни Земли оказывают, например, более долговременное воздействие на общество, чем общество на природу Земли и т. д.

В рамках этой модели человек способен управлять будущим: в наибольшей степени, конечно, своим, в меньшей — своей семьи и социальных систем, а в редких случаях — целых человеческих общностей — как Будда, Христос или Мухамед».

Формальный инструментарий этой модели позволяет «видеть» и рамочные ориентиры будущего. На его основе в журнале «Философия хозяйства» были описаны длинные волны экономик России, США, Китая, Индии и ЕС в XXI в., среди которых положение России в ближайшее десятилетие приобретет доминантный характер. Это, по мнению О.В. Доброчеева, приведет к перестройке мирового геоэкономического пространства с образованием англо-американской ячейки, Евророссии и т. д.

Современный капитал, отметил к.т.н., профессор **П.П. Жуликов** (Университет «Синергия»), «трансформировался в саморазвивающуюся, интеллектуальную матрицу-капитал, которую можно представить как конгломерат-интеграцию нескольких физических, метафизических и трансцендентальных сущностей, сформировавшийся в процессе развития высоких цифровых технологий, спроецированный на глобальную нейронную сеть финансовой индустрии, в которой человек стал функциональным зависимым элементом. Матрица-капитал контролирует все мировые банки, лишив суверенитета страны, их власти, которые стали ее адептами. Население разделилось на адептов разного уровня вовлеченности в эту глобальную сеть и трудовой ресурс.

Экономика стала идеологией развития расширенного воспроизводства матрицы-капитала, а мировое экономическое хозяйство превратилось в средство ее глобального-планетарного расширенного воспроизводства.

Развитие капиталистического способа производства породило идею и теорию избыточности населения и дефицита ресурсов

(Т. Мальтус). Саморазвивающийся капитал создал матрицу-капитал, которая через адептов приступила к оптимизации трудового ресурса и расширению ресурсной базы и запустила масштабную технологию приватизации России с надеждой сохраниться без необратимых потерь. Ситуация неизбежно стремится к мировому конфликту, приостановить который может только Россия, фактически повторив ситуацию 1917 г., и, используя приобретенный опыт, создать новый диполь капиталистической и социальной экономики, который даст передышку лет на тридцать для поиска решения».

Однако для этого необходимо объединить народы и уровневые слои населения и «отключить» Россию от глобальной сети финансовой индустрии, заметил профессор Жуликов.

«В 1991 г. премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер отметила два ключевых преимущества советской экономики перед экономиками стран Запада, которые в случае бездействия Запада позволили бы СССР в будущем оставить эти страны далеко позади», — сказала к.э.н., доцент **О.Н. Рыбковская** (РАНХиГС при Президенте РФ). К этим преимуществам относятся плановое развитие экономики и особый механизм стимулирования творческого, интеллектуального труда (метод повышения эффективности, применявшийся в СССР с 1939 по 1955 г.). «В этой связи на развитие России можно смотреть с полным оптимизмом: наша цель — создание социально ориентированного общества, направленного на всестороннее развитие человека при его гарантированном достойном материальном благополучии. Это общество будет управляться на основе меритократии, в основу которой положен принцип индивидуальной заслуги и таланта. В этих условиях к управлению обществом приходят наиболее достойные, компетентные, талантливые люди из различных социальных слоев. Вначале необходимо предоставить всем желающим бесплатное высшее классическое образование с выраженной научно-технической направленностью ряда необходимых для реиндустриализации дисциплин и возможность проявить себя в самых различных сферах еще в период учебы, а затем и трудовой деятельности, что позволит выявлять и продвигать наиболее успешных и талантливых членов общества вплоть до высшего уровня управления государством».

Д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск) задался вопросом: мировоз-

зрение как некий обобщенный взгляд на мир и место в нем человека — необходимо ли оно обществу, вступившему в постмодернистскую эпоху? Так или иначе, именно сегодня переживают кризис практически все известные нам типы мировоззрения — религиозное, научное, философское, художественное и обыденное. Вместо них утверждается некоторое фрагментированное мироощущение, отражающее актуальную «текущую» реальность, без постановки фундаментальных вопросов бытия.

Помимо этого, все чаще ставится под сомнение сам носитель мировоззрения — человек, размывается и подменяется его субъектность. Новые «кастовые» иерархии обесценивают личность, утверждают биогенетическое превосходство вышестоящих над нижестоящими, что также ставит под сомнение необходимость наличия единого для всех людей мировоззрения.

«Социум — пространство хозяйствования — размывается как целое, фрагментируется и атомизируется, что ставит под сомнение само хозяйство как феномен. И возможно ли в принципе само хозяйство, когда разрушаются и оспариваются всякое рациональное, целе- и ценностно-ориентированное действие, само понятие общего блага?»

В подобной ситуации хозяйствование как вид деятельности превращается из процесса производства благ (связанного с определенными ценностными представлениями) в процесс производства симулякров и эрзац-продуктов, и все больше — в процесс виртуализации потребления».

В подобной ситуации мы, очевидно, нуждаемся в программе «великого восстановления», которая включает в себя восстановление по цепочке мировоззрения, самого человека, общества и хозяйства, которое станет возможным через опору на ценности, невыводимые из непосредственного человеческого опыта и текущих интересов, но имеющие метафизический характер, пришел к выводу профессор Бирюков.

В заключительном слове профессор **Ю.М. Осипов** отметил: «Можно с уверенностью сказать, что проблема мировоззрения в связи с хозяйством или, наоборот, хозяйства в связи с мировоззрением воспринята участниками обсуждения и немало раскрыта.

Да, в жизненной текучке мало приходится задумываться над такого рода проблемой, а реальность-то как раз свидетельствует,

как много зависит в действующем хозяйстве от мировоззрения, его акторов, в особенности облаченных той или иной властью, либо какими-то возможностями заметного, а то и решающего влияния не просто на текущий ход хозяйственной жизни (хоть это тоже важно), а на самую хозяйственную данность в целом, в ее суетно-содержательном (типовом, видовом, в общем — качественном) аспекте.

Не вгрызаясь глубоко в историю той же России, обратим внимание хотя бы на деструктивно-конструктивные хозяйственные инициативы и деяния того же Петра I, на факт того, что он стался разрушителем одного типа бытовавшего на Руси хозяйства и создателем иного типа, ставшего характерным уже не для Руси, а для России в образе Российской империи. Отметим реформенные деяния того же Александра II, а что уж говорить о Ленине с большевиками или Сталине со сталинцами, с их совершенно поначалу надуманными, а затем подогнанными к реальной, особенной хозяйственной практике моделями хозяйства. Можно обратиться не так к позитивным, как к отрицательным, экстравагантным выходкам Хрущева, к несостоявшейся до конца реформенной политике Косыгина или к роковой бездеятельности Брежнева, ну и, разумеется, к бестолковой деятельности Горбачева или к весьма толковой, разрушительно-созидательной реформе, а фактически революции “младореформаторов” 1990-х гг., правда хорошо воззренчески слобренной из-за океана. Везде тут торчат генетические уши того или иного мировоззрения, даже и путаного, неразборчивого, бездарного, бездейственного, впрочем, достаточно всегда худо-бедно целеположенного.

Вот и сегодня, как я отмечал в докладе и как говорили выступавшие коллеги, хозяйство не обходится без интенционного мировоззрения ведущих акторов нынешнего российского хозяйства, как и уныло оппонирующих сим актерам иначе думающих соотечественников, и это вовсе не где-то за горами и долами, а здесь, в текущей реальности, в действии. Наша постановка, как я уже отмечал, не случайна: никакого хозяйства вне хозяйственного мировоззрения нет и не может быть, тем более уж в переломные моменты, в переходные эпохи, во времена аннигиляции, а то и аннулирования прежнего и становления какого-то нового хозяйства. У нас в стране ныне возникла весьма уникальная ситуация: хозяйствуем, а вот в

соответствии с каким целостно-концептуальным подходом к хозяйству — вовсе и не знаем. Правильно ли это? Вряд ли!

Можно, конечно, надеяться на то, что уже все соткано, работает и остается лишь антивоззренческий “авось”, но это ошибочная позиция со, вполне возможно, роковыми последствиями. Надо разобраться по сути, говорить, документировать, вырабатывая в конце концов целостно-концептуальное, вполне и прогностическое представление о хозяйстве, творимом в России.

Геостратегических противников, как выясняется, не то что немало, а, пожалуй что, и поболее друзей-союзников будет (а имеющиеся вроде бы друзья более попутчиками кажутся, чем собственно союзниками). Идет большая, всемирная, причем, знаете ли, вполне себе хозяйственная игра, в которой есть лишь себе-на-уме участники в ожидании победителей и побежденных. Россия должна не быть среди побежденных и может не быть среди победителей, но зато она должна оставаться Россией, с российской же хозяйственной спецификой.

Уверен, что тематическая постановка семинара и его весьма продуктивный ход, если чем и грешат, так это актуальностью, озабоченностью да жаждой разрешения острой — вовсе не только и не столько интеллектуальной, сколько геополитической (на выживание) — проблемы».

Н.Н. РОСТОВА

Антропология как судьба современной философии*

Аннотация. В статье приведен обзор Международной научной конференции «Антропология: концепции и практики», приуроченной к 35-летию кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В мероприятии приняли участие представители различных вузов России, Китая, Великобритании, Австрии, Чехии. Обсуждение строилось вокруг

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Антропология как судьба современной философии // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 262—271. DOI: 10.5281/zenodo.11235789.

критики онтологии бытия и философии события и подступов к новому способу выстраивания дискурса о человеке. Основное внимание на конференции было уделено проблемам соотношения события и смысла, реального и воображаемого, сознания и жизни, своего и другого, а также выявлению ресурсов русской культуры применительно к постановке вопроса о человеке и критике антиантропологических тенденций в западной философии.

Ключевые слова: антропологический поворот, философия события, антропологическая катастрофа, смысл, сознание, иллюзивная материя, время, праздник, двойничество, софистика.

Abstract. The article provides an overview of the International Scientific Conference «Anthropology: Concepts and Practices», dedicated to the 35th anniversary of the Department of Philosophical Anthropology of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. The event was attended by representatives of various universities in Russia, China, Great Britain, Austria, and the Czech Republic. The discussion was based around criticism of the ontology of being and the philosophy of events and approaches to a new way of building a discourse about a human. The main attention at the conference was paid to the problems of the correlation of event and meaning, real and imaginary, consciousness and life, one's own and the other, as well as the identification of the resources of Russian culture in relation to the formulation of the question of human and the criticism of anti-anthropological trends in Western philosophy.

Keywords: anthropological turn, philosophy of the event, anthropological catastrophe, meaning, consciousness, illusory matter, time, holiday, duality, sophistry.

УДК 141
ББК 87.5

28 марта 2024 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Антропология: концепции и практики», приуроченная к 35-летнему юбилею кафедры философской антропологии. В мероприятии приняли участие представители различных вузов России, Китая, Великобритании, Австрии, Чехии. Основное внимание было уделе-

но исследованию новейших тенденций в философской антропологии, проблеме поиска философского языка описания человека, выявлению ресурсов русской культуры применительно к постановке вопроса о человеке, критике антиантропологических тенденций в западной философии.

В своем программном докладе «От онтологии бытия к иллюзивной материи» **Ф.И. Гиренок** (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ) наметил пути современной антропологии, противопоставив две стратегии в философии. Первая идет от Парменида к Хайдеггеру, вторая — от Протагора и Горгия к постхайдеггерианскому типу мышления, оформившемуся сегодня в концепт сингулярной антропологии. Первая стратегия онтологическая, для нее вопрос о бытии определяет вопрос о человеке. Вторая стратегия антропологическая — для нее, напротив, вопрос о человеке разрешает вопрос о бытии. Центральным понятием для нее является не бытие, а греза, или иллюзивная материя. Ф.И. Гиренок показал, как отказ Хайдеггера от идеи связи бытия и сущего привел к краху фундаментальной онтологии и приходу на смену ей философии события. Событие для Хайдеггера — это не происшествие и не случай, не вещь и не то, что относится к сущему, но бытие без сущего. Противоречие Хайдеггера состоит в том, что, растворяя бытие и время в событии, бытие он мыслит не как присутствие по аналогии с греческой философией, а как *имение места*, а время понимает вне связи с человеком как «четвероякое время», добавляя к трем измерениям времени четвертое — протяженность. Тем самым философия события строится на попытке объединить две конфликтующие между собой посылки — идею собственно событийности как того, что сбывается, с тем, кто внимает бытию (человеком), и одновременно идею опространственного события, эмансипированного от человека. Современная антропология, по мнению Ф.И. Гиренка, должна обратиться не к понятию бытия, а к категории иллюзивной материи, исследованной софистами. Бытие и время — это не то, что предшествует человеку, но то, что относится к сфере воображаемого. Воображаемое не противостоит реальности, но включает в себя реальность как свою составную часть. К протяженному относятся вещи, к непротяженному — человек. Причина человека заключена не вне его, а в нем самом. Он есть опыт извлечения себя из своих грез, в котором

учреждается время как антропологическая категория. Или, как выразился Ф.И. Гиренок, время — это свойство сознательной жизни человека. Протяженное не нуждается во времени, оно нуждается только в пространстве. Время актуализируется не сущим, а грезящим.

Критикой философии события завершился доклад **С.А. Смирнова** (д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск) «И. Кант как предтеча антропологического поворота». Как отметил докладчик, у истоков антропологического поворота философии стоит И. Кант, который свел все вопросы философии к вопросу «Что есть человек?». Однако мы наблюдаем здесь, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию. Во-первых, до нас дошли лишь два свидетельства о кантианском антропологическом повороте — Лекции по логике и письмо Штейдлингу, в которых Кант «обронил» четвертый вопрос, прибавив его к трем прежним: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?». Ни в одной «Критике» четвертого вопроса о человеке нет. Во-вторых, сам Кант не ответил содержательно на этот четвертый вопрос и не построил никакой антропологии. «Антропология с прагматической точки зрения», по мнению С.А. Смирнова, не может претендовать на статус проекта философской антропологии, поскольку представляет собой сугубо эмпирический трактат о природе человека. Однако эту ситуацию стоит рассматривать не как парадокс, а, напротив, как закономерное следствие философии Канта и даже его принципиальную позицию. Как выразился С.А. Смирнов, тем самым Кант поставил границу и дал сигнал всем нам относительно способа выстраивания дискурса о человеке. Трансцендентальная антропология невозможна как доктринальное знание, поскольку человек в своем ноуменальном измерении непознаваем. Он задан максимой свободы. Но эта максима — не объект, не то, относительно чего возможны положительные суждения. При объективирующем подходе человек как собственно человек исчезает. Кант подводит нас к идее о том, что человек — это тайна, и говорить о нем возможно лишь окольно. В этом смысле последующие концепты философской антропологии: событийная антропология, синергийная антропология и др. — находятся на стыке кантианской апофатики и попытки найти необъективирующий язык описания человека.

Версию такой попытки представил в своем докладе «Жизнь человека нездешним: необходимость другого» **А.М. Сергеев** (д.ф.н., профессор кафедры философской антропологии Института философии СПбГУ). Человек связан не только с миром, но и с немирным. Попадая в мир, он вносит в него то, чего в мире нет. Человеческое в человеке — это не то, что есть сам человек, но то, носителем чего он является и что сам в себе угадывает. Часто мы называем это душой. Душа — это нездешнее в человеке, в чем заключена его суть. Она есть то в нем, что не может стать своим, присвоенным, она — другое в нем. Душа, по словам А.М. Сергеева, «придана» человеку. Свое и другое в человеке соприсутствуют, как сон и явь, реальность ночи и реальность дня. В сновидении мы сталкиваемся с другой стороной себя. Между антропологическими полюсами нет постепенного однородного перехода. Пропасть между режимами сна и яви преодолевается разом. Знание о душе и опыте смены антропологических режимов не совпадает с позитивным знанием. Разговор о «приданном» нуждается в ином синтаксисе и другой лексике, привилегией которых обладают поэзия, религия и философия. Неотмирное не объективируется, но символизируется в понятиях «Бог», «сакральное», «высшее». На вопрос С.А. Смирнова об онтологическом статусе «божественного» А.М. Сергеев ответил, что это проблема именования, а не онтологии. Божественное — это то, что приходит в мир вместе с человеком и подвергается различным способам именования. Мы можем лишь говорить об очищении имен сокрытого.

В совместном докладе «Смысловый горизонт мира человека и вызов события» **Б.Л. Губман** (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета) и **К.В. Ануфриева** (к.ф.н., доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета) продолжили обсуждение пределов философии события. Если предположить, что человек — это история, а история слагается из событий, то возникает вопрос о статусе события. Мыслить ли событие как то, что свершается внутри человека и формирует историческую ткань, равно как и самого человека? Или исходить из идеи некоего безличного бытия, через которое свершается событие, как в философии позднего Хайдеггера? Как отметили докладчики, у Хайдеггера нет однозначного ответа на вопрос о том, как мыслить событие и

его соотношении с миром. Альтернативой хайдеггерианской позиции является диалогизм. Для Левинаса Хайдеггер — тотализирующий философ, исходящий из поиска единого в мире, тогда как сам Левинас рассматривает событие с точки зрения присутствия другого. Линия хайдеггерианского рассмотрения события не устроила даже учеников Хайдеггера. Гадамер настаивал на том, что мы живем не в замкнутом мире, но в том, который находится в режиме диалога с другими мирами. Эту идею впоследствии разовьет Деррида в концепте деконструкции. Бадью говорит о рождении события из ничто, определяющего множественность существования. Как отметили Б.Л. Губман и К.В. Ануфриева, культурно-исторических миров множество, и они обладают открытостью, которая возникает, потому что люди встречаются с событиями и формулируют ответы на эти события, расширяя тем самым смысловую сферу. Как бы мы ни трактовали событие, оно всегда вторгается в мир, в котором мы живем, сталкиваясь с нарративом. Мы испытываем вторжение непредвиденного, которое может перевернуть наш взгляд на мир и intersubjectively связанные с ним отношения. На вопрос С.А. Смирнова, не приводит ли такое понимание событийной философии, строящейся на отказе от детерминизма, к философии безответственности, Б.Л. Губман ответил, что данная интерпретация не предполагает этического оправдания любых событий, она лишь подчеркивает идею о том, что событие — это то, на что мы не можем влиять.

В своем докладе «Исчезновение человека: инфляция смысла» **А.К. Логинова** (к.ф.н., Северный государственный медицинский университет, Архангельск) связала категорию смысла с идеей мерцающего бытия. Смысл, по мнению А.К. Логиновой, — это выход за пределы себя. Человек, неуверенный в собственном бытии, пытается утвердить себя в инобытии, «мелькнуть вовне». Лектоническая, или смысловая реальность, — это дефицитная, неполноценная реальность. Придавая бытию смысл, человек покидает самого себя и тем самым исчезает. Мы опрокидываемся в мерцающее бытие в речи и во всяком ином движении навстречу другому. Мы пребываем в себе, когда молчим.

И.Н. Шульц (докторант факультета гуманитарных исследований Карлова университета, Прага, Чешская республика) в докладе «Антропология праздника. Как человеку вернуться к самому себе?»,

напротив, предложила посмотреть на попытку придать событию смысл как на созидающий антропологический феномен. Примером такой попытки является праздник. И.Н. Шульц раскрыла свою идею, обратившись к особенностям празднования Дня Победы. Культурная память, лежащая в основе праздника, позволяет нации быть хозяином события, а с точки зрения антропологии она позволяет человеку пребывать в сознании. Напомнив историю праздника и проведя параллели между Бессмертным полком и Крестным ходом, И.Н. Шульц отметила, что День Победы с точки зрения антропологии и онтологии синонимичен празднику Пасхи и более глубоким архаическим традициям, когда люди празднуют спасение, или, говоря иначе, превращение Хаоса в Космос. Праздник повторяет архетип, возвращая человека к своим первоистокам. Повторение ритуала, удержание себя при архетипе, позволяет «вернуться к себе», ощутить себя реально существующим. Для современной России День Победы становится центром коллективной идентичности, превратившись из гражданской традиции в гражданско-религиозную. И.Н. Шульц обратила внимание на то, что в России в последнее время День Победы нередко называют «Русской гражданской Пасхой». Память о войне из исторической превращается в религиозную с элементами архаики космологического действия, удовлетворяющего потребность человека не потерять связь с самим собой.

Э. Мартин-Иогансон (к.и.н., историк и публицист, Лондон, Великобритания) в докладе «Антиантропологизм в западной философии и поворот к нечеловеческому» обратилась к исследованию и критике антиантропологических тенденций в современной философии. Как отметила Э. Мартин-Иогансон, сегодня человек перестает быть центром философского знания, на смену ему приходят объекты, социальные роли, субъективность без субъекта. Современная западная философия дискредитирует не конкретные гуманистические проекты, не саму возможность выстраивания дискурса о человеке, опираясь при этом на идею онтологического равенства человеческого и нечеловеческого и вводя представление о новом пост-человеческом существе. Так философская антропология превращается в антиантропологию, антропологию без человека. Э. Мартин-Иогансон реконструировала линию антиантропологизма в западной философии, начиная с идеи смерти Бога, подвергшей сомнению

трансцендентные основания, а вместе с ними и человека, упоминая вклад в антиантропологизм М. Хайдеггера, А. Кожева, Ж. Батая, Л. Альтюсера, М. Фуко и др. философов XX в. и заканчивая постчеловеческим поворотом новейшей западной философии, девизом которой можно обозначить высказывание Б. Латура: «Мы никогда не были людьми». По мнению Э. Мартин-Иогансон, антиантропологизм западной философии свидетельствует об антропологической катастрофе, причиной которой является отрицание абсолютной истины и трансцендентных начал при утверждении принципа релятивизма.

Обращаясь к проблеме поиска адекватного языка описания человека, особое внимание на конференции было уделено ресурсу русской культуры, а именно наследию Ф.М. Достоевского. В докладе «Человеческое: маска и превращение» **Н.Н. Ростова** (д.ф.н., профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ) исследовала визуальную интерпретацию Александра Петрова повести Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека». Как отметила Н.Н. Ростова, сегодня мы наблюдаем растерянность относительно вопроса о человеке. С одной стороны, наши знания о человеке неуклонно растут, с другой — как никогда прежде, мы далеки от ответа на вопрос «Что такое человек?». Проблема состоит в том, как понимать знание. Что мы имеем в виду под знанием применительно к человеку? Наше недоумение относительно человека проистекает из склонности трактовать его как внешнее событие или тело и говорить о нем на языке объективаций. Череду характерных громких вызовов ознаменовала последние годы: 2022 г. начался с удачного опыта ксенотрансплантации, когда человеку пересадили генномодифицированное сердце свиньи; 2023 г. запомнился ажиотажем вокруг нейросетей, претендующих на выполнение человеческих задач; 2024 г. открылся рекламой Илона Маска о вживлении нейрочипа в мозг человека. Подобные практики и дискуссии вокруг них свидетельствуют о доминировании позитивистского понимания человека, неминуемо ведущего к стиранию границы между человеческим и нечеловеческим. Сегодня нам нужно обратиться к традициям русской культуры, которая выработала язык, позволяющий избежать редукций и говорить о человеческом в человеке. Пример такого языка являет повесть Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека», в которой формулируется проблема со-

отношения сознания и жизни. Сознание — это то, что связано со страданием и опытом самотерзания. Жизнь — это то, что исключает страдание, а вместе с ним сознание. Достоевский попытался совместить обе посылки в своей повести, утверждая, что человек может быть счастлив, не потеряв способности жить на земле, и одновременно, что человек никогда не откажется от сознания. А. Петров художественно подвел нас к мысли о том, что человек всегда иной по отношению к миру. Эта инаковость выражена в экранизации посредством образа маски, символизирующей феномен ускользания человека от самого себя и одновременно необходимости обрести вид.

К.Н. Холоднова (аспирантка кафедры философской антропологии философского факультета МГУ) продолжила исследование феномена несовпадения с собой в творчестве Ф.М. Достоевского и его актуальности для современной философии. В своем докладе «Рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в проекте сингулярной философии Ф.И. Гиренка» она отметила, что для Ф.И. Гиренка, как и для Достоевского, раздвоенность человека предстает в качестве фундаментального антропологического принципа. Ф.И. Гиренок определяет человека как существо грезящее, т. е. принужденное по своей природе раздваиваться. При этом под двойственностью понимается не раздвоение на душу и тело, а несовпадение человека с самим собой и как результат удваивание мира. Первичным свидетельством взрыва галлюцинаций, в котором рождается человек, является наскальная живопись. Человек воображающий существует по двойной логике: по логике внутренней жизни, или сознания, и по логике внешней жизни, или разума. Антипроектность, антидогматичность и антидоктринальность философии Ф.И. Гиренка, по мнению К.Н. Холодной, позволяют отказаться от попыток объективировать человека.

Комментируя поворот современной философии к субъективности путем обращения к традиции софистики, **В.Н. Данилов** (к.ф.н., доцент кафедры философской антропологии философского факультета МГУ) в своем докладе «Конец софистики, начало философии: как человек перестал быть мерой всех вещей» отметил, что, переводя на современный язык, следует сказать, что софист — это интеллеktуал, тот, кто, исходя из идеи «Человек — мера всех вещей», не имеет родины и богов. Тогда как философия возникает как

гражданская философия. Для философа главное — полис, быть человеком — значит быть гражданином, патриотом. Непатриот не может быть философом. Таким образом, появление философии вместе с Платоном и Аристотелем знаменует вместе с тем «смерть человека», отказ от него, торжество политики над антропологией. Обращаясь сегодня к софистам, мы должны помнить об этом выборе между философией и человеком.

В работе конференции активное участие приняли студенты кафедры. **Ван Вэйюй** (магистрант философского факультета МГУ) в докладе «Концепция “il y a” Левинаса: антропологическое понимание бытия» рассмотрел концепцию «il y a» в ранних работах Левинаса и показал ее философский потенциал. По мнению Ван Вэйюя, концепция Левинаса приводит к антропологическому пониманию бытия, строящемуся на отказе от принципа тождества бытия и мышления, что сближает ее с сингулярной антропологией.

В.Д. Орлов (магистрант философского факультета МГУ) в докладе «Безобразное мышление» обратился к проблеме воображения, которая, по его мнению, несмотря на фундаментальные классические работы Канта и Гуссерля, до сих пор остается непроявленной. Современная философия упускает из виду феномен афантазии, указывающий на без-образную, хаотичную природу сознания.

Ю.В. Журавлева (магистрант философского факультета МГУ) в докладе «Психопатология как обратная перспектива философской антропологии» высказала идею о взаимосвязи психопатологии и философской антропологии, которая выражается в установке последней искать ключ человека в феноменах отклонения от нормы и формулировать идеи человека-галлюцината, человека-аутиста, человека-шизофреника.

* * *

17 апреля 2024 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках международной научной конференции «Человеческий и социальный капитал России: новые вызовы и возможности» (Ломоносовские чтения — 2024) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России: экономика, идеология, культура», на котором

выступили 19 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, Л.И. Ростовцева (Тула), И.Ю. Фомичев (Тюмень), В.В. Чекмарев (Кострома), О.Р. Чепьюк (Н. Новгород), Н.А. Шапиро (СПб.); кандидаты наук П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, О.Б. Лемешонок, Н.П. Недзвецкая, Р.Е. Соколов, А.А. Тарасов (Н. Новгород), Г.В. Фадейчева; научный сотрудник Т.С. Сухина; аспиранты И.З. Гелисханов, А.М. Хашиева; ассистент А.И. Сироткина.

Т.С. СУХИНА

Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России*

Аннотация. Представлен обзор работы секции «Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России: экономика, идеология, культура» в рамках экономической секции Ломоносовских чтений — 2024 «Человеческий и социальный капитал России: новые вызовы и возможности», состоявшейся на экономическом факультете МГУ 17—19 апреля 2024 г. На заседании были предложены доклады, в которых авторы с разных позиций охарактеризовали и проанализировали в различных аспектах процессы и изменения, происходящие в российском социуме.

Ключевые слова: философия хозяйства, гуманитарность, гуманитарный потенциал, социум, экономика, российское общество, идеология.

Abstract. Presents the review of the session Humanitarian potential of the changing society of Russia: economics, ideology, culture» within the economic section of Lomonosov Readings—2024 «Human and social capital of Russia: new challenges and opportunities», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on April 17—19, 2024 is presented. At the meeting reports were presented in which the authors, from different positions, characterized and ana-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 272—280. DOI: 10.5281/zenodo.11235866.

lyzed in various aspects the processes and changes taking place in Russian society.

Keywords: philosophy of economy, humanitarianism, humanitarian potential, society, economy, Russian society, ideology.

УДК 330
ББК 65в

17—19 апреля 2024 г. на экономическом факультете МГУ в рамках работы экономической секции «Человеческий и социальный капитал России: новые вызовы и возможности» состоялись 4 сессионных заседания секции 12.1 «Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России: экономика, идеология, культура» под руководством заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ д.э.н., профессора Ю.М. Осипова.

Открывая заседание, **Ю.М. Осипов** поприветствовал участников и произнес вступительное слово: «“Человеческий” ли, “социальный” ли капитал — не наши, не философско-хозяйственные, да и вообще не гуманистические, какие-то античеловеческие категории. Вряд ли человека и социум надо подводить под “капитал” в качестве ублажающих его предикатов. На наш взгляд, это неправильно, причем не только с этической точки зрения, но и со смысловой, ибо капитал, как ни крути, это “самовозрастающие деньги”, и даже наемный труд никогда в политэкономии не рассматривался как капитал, хоть и рассматривались как капитал средства производства, имущество, сооружения, что вроде бы казалось возможным, но по смыслу тоже было неверно.

Вот поэтому у нас не “человеческий” и не “социальный” капитал, а гуманитарный потенциал социума, что, согласитесь, совсем другое дело.

Объяснять в данной аудитории, что такое гуманитарный потенциал социума, думаю, нет большой необходимости, но все-таки поясню, что это вовсе не одни гуманитарные науки, философия, богословие или те же мифы-предания “седины глубокой”, как и те же пословицы и поговорки, это вообще вся гуманитарная культура со свойственными обществу идеологиями и менталитетами, проговариваемыми языками, типичным образом жизни, ежели кратко, то

это самореализующееся знание в его любом индивидуальном и любом общественном воплощении — от индивида, семьи, коллектива, сообщества, уголовного подполья до этноса, народа, нации, государства, цивилизации.

Нас занимает, конечно, текущая гуманитарность, разумеется, не вся целиком, что бытует в обществе, а вытекающая из неких актуально действующих источников, так или иначе заявляющих себя в данной функции, ежели не прямо из официальных, властных, специализированно институционализированных, то из житейских, культурных, культовых, оккультных, литературных, от средств массовой информации, как раз та самая гуманитарность, которая здесь и сейчас, которая целеположенно действует, которая и имеет шанс составлять живой гуманитарный потенциал социума, а в нашем случае — России-РФ.

Всего гуманитарного потенциала нам, естественно, да это и не нужно, не объять, отчего обратимся на данный момент к главному — обобщенному образу актуальной российской гуманитарности и, как следствие, состоянию гуманитарного потенциала российского общества.

Скажу сразу и без обиняков: то и другое в каком-то там переходном, в самом что ни на есть несуразном образе, а другое — во вполне себе кризисном состоянии. Отчего так? Разумеется, от активной и бесцеремонной дегуманизации всего сразу: человека, социума, культуры, идеологии, языка, ну и, как итог, сознания — сначала взбаламутившей гуманитарность и исказившей гуманитарный потенциал, а затем и подморозившей то и другое в уродливом виде. “Культура отмены”, а точнее — отмена культуры, а вместе с ней и гуманитарности. А взамен как раз квази- и антигуманитарность — фальшизм! И чему тут тогда удивляться? Крайности сходятся: на место жуткой фальши приходит жуткая реальность, а что ж еще?

Гуманитарный потенциал российского социума основательно подорван и весьма замещен потенциалом антигуманитарным, что видно по тому же состоянию спутанной по рукам, по ногам и по мозгам административными ветвями подкинутой Западом, национальной по принадлежности, но по сути-то далеко не очень национальной, опирающейся на Россию, дышащей ею, думающей о ней, страдающей вместе с нею гуманитарной науки, следственно, и по-

зитивной для России гуманитарной мысли, которой мы с вами в меру сил и возможностей и занимаемся!».

В докладе «Экономическая наука: смысл и особенности как социального знания» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (СПбГЭУ, г. Санкт-Петербург) выделил три общие для всей экономической науки особенности: многомерный, очень широкий объект исследования; мировоззренческий характер, что объективно означает наличие элементов познавательного субъективизма в концептуальных подходах, выборе предмета и методов исследования; синергетический эффект. Одновременное существование многих экономических теорий на одном объекте, но с разными предметами, смысловыми парадигмами и отличным содержанием типично для всех наук об обществе. Условно в истории мысли сформировались три концептуальных взгляда на экономическую деятельность и экономическую науку как ее отражение: наука о хозяйстве; наука об экономике; наука о влиянии институтов на экономическую деятельность. По мнению С.Г. Ковалева, в широком смысле слова объект (предмет) экономической науки — изучение закономерностей воспроизводства и регулирования человеческой жизни, протекающей на основе природных и рукотворных благ и возникающих в этих процессах социально-хозяйственных форм, отношений и их изменений. Широкая трактовка экономической науки — залог ее достойного места в системе социальных наук.

Д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Гуманитарный потенциал России в эпоху слома мирового валютного порядка» обратил внимание, что «сегодня вместо того, чтобы направить все силы на поиск эффективных механизмов урегулирования глобальных социально-экономических дисбалансов, участники мировой валютной системы озабочены разработкой конкурирующих версий платежных систем, цифровых платформ и блокчейнов для извлечения локальных дивидендов в условиях усиления международного валютного беспорядка. В центре внимания находятся вопросы чисто нормативного порядка, а насущные вопросы, касающиеся пересмотра доминирующих принципов международного разделения труда, выводятся на второй план или игнорируются. В сложившейся ситуации Россия в очередной раз может внести весомый вклад в реорганизацию миро-

вого валютного порядка, выступив проводником гуманитарной повестки дня, основанной на принципах служения, а не стяжания».

Д.ф.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) в докладе «Диалектические эволюционно-сетевые исследования социально-экономического развития современной России и представлений о нем» представил выводы очередного этапа диалектического исследования социально-экономического развития современной России, проводимого начиная с 2000 г.

В выступлении на тему «Волонтерство в России: “первые шаги” или возрождение традиции?» д.социол.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тулский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова) особое внимание обратила на историю волонтерского движения в России и выразила несогласие с «распространенным мнением, игнорирующем российские и советские традиции, богатую историю благотворительности и добровольчества, уходящую в глубь веков, что волонтерство, получившее в России определенный импульс развития в 1990-е гг., стартовало с нуля. Уместно говорить о новом этапе добровольчества (волонтерства), использовании иностранного опыта, формировании теоретической базы, регулирующей деятельность добровольческого сектора в постсоветской России».

В выступлении к.т.н., профессора **П.П. Жуликова** (Университет «Синергия») на тему «Иная сущность современного капитала» прозвучала озабоченность «превращением в течение последних тридцати лет капитала из третьего фактора организации производства в иную, еще не осознанную сущность — в интегрированную, самоорганизованную, саморазвивающуюся, интеллектуальную матрицу-капитал — конгломерат нескольких физических, метафизических и трансцендентальных сущностей, возникший в процессе развития высоких цифровых технологий, которая стала единственным субъектом, управляющим мировым экономическим хозяйством и приступила к оптимизации факторов и ресурсов производства».

Выступление д.э.н., профессора **Н.А. Шапиро** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург) на тему «Идеи невещественных благ и невещественного капитала в истории русской мысли и современная концепция человеческого капитала» было посвящено истории экономической мысли в России в XIX в., когда «были популярны и поддержаны многими российскими экономистами от Щлецера, Штор-

ха, Бутовского, Горлова до Вернадского идеи, предельно близкие современным представлениям о человеческом капитале. Но с 1890-х гг., возможно, в силу того, что господствующими стали другие проблемы, определявшие актуальность теоретической повестки, эти идеи стали забытыми и отвергнутыми последующим поколением российских экономистов. А сегодня, обращаясь к этим же идеям, можно видеть, что они не только близки по сути к пониманию человеческого капитала, но содержат еще ряд понятий, равнозначных трактовкам профессиональных компетенций, через которые современное общество пытается решать проблемы качества образования».

В выступлении к.э.н., профессора кафедры экономической теории Академии труда и социальных отношений **Г.В. Фадейчевой** рассматривалось влияние цифровизации на систему общественных потребностей и социум. Было подчеркнуто, что «цифровизация по-новому ставит вопрос о прогнозировании и горизонте планирования хозяйственной деятельности и развитии общества, при этом важнейшее значение приобретает процесс реализации общественной потребности развития». Среди наиболее значимых, по мнению Г.В. Фадейчевой, вопросов, поставленных цифровизацией перед российской обществоведческой мыслью, — возможность всеобъемлющего контроля за всеми сферами жизни человека и социума; влияние искусственной среды, созданной цифровизацией на мироощущение человека; соотношение между искусственным и естественным в человеке; изменения в критериях самооценки и общественной оценки человека; изменения в характере труда, в процессе формирования общественной потребности в труде; место и роль общественной потребности развития в системе общественных потребностей.

Р.Е. Соколов, к.э.н., доцент, главный специалист Всероссийской патентно-технической библиотеки ФИПС в выступлении «К Концепции технологического развития России до 2030-го года» представил результаты систематизации поставленных в Концепции задач. «Концепция рассматривается в рамках философско-хозяйственного подхода как совокупность трех блоков, нацеленных на решение трех основных задач для повышения уровня технологического развития страны: технологический суверенитет, технологии как фактор роста экономики страны, технологии как часть производственного процесса».

А.И. Сироткина (Финансовый университет при Правительстве РФ) в выступлении на тему «Возможности и перспективы российского общества в условиях глобальной трансформации» сконцентрировалась на проблеме «отказа от концепции социального государства и, как следствия этого, коммерциализации таких социально значимых сфер, как образование и здравоохранение, что приводит к сегрегации общества по социальному признаку, в результате — к возникновению высоких барьеров на пути реализации человеческого потенциала; показала, что сфера идеологии и культуры в текущих условиях приобретает решающее значение в международных социально-экономических отношениях, поэтому отдельного внимания заслуживает работа в информационной сфере».

В названии своего выступления д.ф.н., профессор **О.Р. Чепьюк** (Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского) поставила вопрос: «“Новый Ренессанс”: возможен ли выход из игры для российской экономики?». Возможно ли сегодня возвращение к гуманизму и человекоцентричности как источнику новых смыслов и что это будет значить для российской экономики? По мнению О.Р. Чепьюк, «экономика — это сфера взаимодействия между человеком и человечеством, прошлым и будущим, сфера абсолютно гуманитарная, хоть и поставленная (как справедливо считает Ю.М. Осипов) временно “на паузу”. В этом контексте экономика — это действительно про равновесие, про равновесие нового и старого, а значит — это сфера сознания, так как только оно способно переработать все эти гуманитарные сферы и смыслы, из которых только и может нарождаться что-то новое».

К.ф.н., доцент Приволжского исследовательского медицинского университета **А.А. Тарасов** в выступлении на тему «Судьба гуманистического будущего российского социума в оптике антропоконсерватизма В.А. Кутырева: Contra новационизм» отметил, что «самая ключевая альтернатива изменения сегодняшнего российского социума уже вполне очевидна — противостояние технократического и гуманитарного понимания социального развития. Любые другие альтернативы являются псевдовыбором. Эта проблема всегда была центральной для философии антропоконсерватизма профессора В.А. Кутырева, сутью которого является вовсе не “консерватизм”, а “антропоцентризм”, “гуманизм”. И на контрасте с этим традиционные “левые” и “правые” одинаково находятся в лоне чи-

сто технократической парадигмы прогресса, главным и единственным индикатором которого выступает развитие техники. “Правые” консерваторы рассматривают человека как винтик в толпе, безликий элемент масс, а либералы, “левые”, — как безликого потребителя, актора. Как тем, так и другим человек не нужен! И в этом его главная трагедия сегодня. В результате все живое и человеческое избыточно заражено скепсисом, недоверием, неуверенностью, которая порождает собственную противоположность — веру в способность и право разума безгранично преобразовывать мир людей по образу и подобию преобразований мира наукой и техникой. Выходу за свои собственные границы или самопреодолению противостоит их обретение или осознанное полагание. Человек в оптике антропоконсерватизма В.А. Кутырева — защитник границ!»

Д.соц.н., профессор **И.Ю. Фомичев** (Тюменский индустриальный университет) в выступлении на тему «Человеческий потенциал неоиндустриального освоения северных территорий» подчеркнул, что «сущностные принципы философии хозяйства позволяют нам понять, что процесс освоения северных территорий — это еще и процесс освоения трансцендентных основ исконной российской духовной культуры, ее уникальных смыслов. При этом цивилизационные формы в виде технологических реконструкций, рационалистических оснований поведенческой активности становятся реальными инструментами социального и культурного принуждения. Субкультура коренных малочисленных народов Севера трансформируется в соответствии с цивилизационными изменениями. В качестве характеристики такой трансформации выступает процесс объективации субъективного как иманентный элемент цивилизационного взросления социально-культурной общности».

В выступлении на тему «Экономика данных и цифровые платформы» **И.З. Гелисханов** (экономический факультет МГУ) подчеркнул актуальность изучения проблем и рисков, продуцируемых в результате развития экономики данных. Значимым фактором развития экономики данных становятся этические аспекты разработки, внедрения и использования цифровых технологий.

Аспирантка экономического факультета МГУ **А.М. Хашиева** в выступлении «Влияние цифровых платформ на предпринимательство» показала важную роль цифровых платформ в трансформации предпринимательства, отметив, что при этом они несут с собой не

только положительные эффекты, но и отрицательные. Предоставляя новые возможности для роста и развития, платформы способствуют росту зависимости от них, от угроз технических проблем и финансовых рисков.

Завершая заседание, **Ю.М. Осипов** поблагодарил всех участников за интересные и содержательные доклады и заключил: «Вот говорят, что на войне прежде всего важен боевой дух воина, хоть и важны вооружение, снабжение, тактика, стратегия, логистика, да мало ли еще что, а что касается страны, нации, государства, цивилизации, важна, скажем так, отечественная идеология, питающаяся отечественной гуманитарностью и опирающаяся на гуманитарный потенциал отечества. Отечество! Нам ли изощряться в аспекте абстрактных общегуманитарных ценностей или разлитой по “шарику” некой размытой смысловой общеземной гуманитарной идеологии? В трудный час на первый план выходит-таки отечественное начало, в чем мы сейчас убеждаемся, отчего и наше повышенное внимание к гуманитарному потенциалу российского социума, коварно нарушенному, но из российской хомосоциальной среды насовсем не исчезнувшему, в ней бытующему, однако требующему... нет, не ремонта, а... одухотворенного и осознанного гуманитарной мыслью восхождения».

* * *

18 апреля 2023 г. на экономическом факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Международной научной конференции «Человеческий и социальный капитал России: новые вызовы и возможности» (Ломоносовские чтения — 2024) состоялся круглый стол лаборатории философии хозяйства на тему: «Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии» (в смешанном формате). Выступили 20 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), Г.Р. Наумова, И.В. Пшеницын, И.Ю. Фомичев (Тюмень), В.В. Чекмарев (Кострома), О.Р. Чепьюк (Н. Новгород), Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск),

Н.П. Недзвецкая, С.Б. Павлов, О.Н. Рыбковская, А.А. Тарасов
(Н. Новгород), А.А. Шептун.

Е.С. ЗОТОВА

**Философия хозяйства и экономическая мысль:
единение в разнообразии (к 25-летию журнала
«Философия хозяйства»)***

Аннотация. Представлен обзор заседания круглого стола, состоявшегося на экономическом факультете МГУ в рамках Ломоносовских чтений — 2024, на тему: «Философия хозяйства: единение в разнообразии», посвященного 25-летию журнала «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ».

Ключевые слова: журнал «Философия хозяйства», экономическая мысль, философия хозяйства.

Abstract. The article presents an overview of the roundtable held at the Faculty of Economics of Moscow State University as part of the Lomonosov Readings — 2024 on the topic: «Philosophy of economy: Unity in the Diversity» dedicated to the 25th anniversary of the journal «Philosophy of economy. Almanac of the Center of Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University».

Keywords: journal «Philosophy of economy», economic thought, philosophy of economy.

УДК 330
ББК 65в

18 апреля 2024 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся круглый стол на

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии (к 25-летию журнала «Философия хозяйства») // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 281—291. DOI: 10.5281/zenodo.11235889.

тему: «Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии», посвященный 25-летию журнала «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ», организованный лабораторией философии хозяйства и научным советом «Центр общественных наук МГУ».

Во вступительном слове д.э.н., профессор, главный редактор журнала **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) заметил, что идея издания своего периодического научного журнала возникла где-то в 1998 г. И возникла она, надо заметить, из его разговора с выпускником экономического факультета МГУ И.В. Галеевым. «В то время у нас был опыт издания на собственной — Центра общественных наук при МГУ (НИИ 1 кат.) — типографской базе журнального типа сборников под названием “Альманах Центра общественных наук”. А тут полноценный научный журнал! Поразмыслив и “покидав варианты”, а также учитывая, что на экономическом факультете, где я работал и работаю, уже была признана новая научная школа философии хозяйства, вошедшая через посредство ректората МГУ в государственный реестр научных школ, я счел уместным поименовать замысленный журнал “Философией хозяйства”, тем самым и определив его основное направление.

Декан экономического факультета В.П. Колесов поддержал идею, признал принадлежность будущего журнала экономическому факультету, предоставил юридический адрес для государственной регистрации журнала. Так возник новый научный журнал под теперь уже широко известным названием “Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ”.

Дизайн журнала выполнен профессиональным художником. На обложке рисунок был тоже выполнен профессиональной художницей, как, собственно, и все рисунки в журнале за всю четверть века его существования, вплоть до последнего 152 номера. Речь идет о моей дочери, Е.Ю. Осиповой и ее муже К.Г. Полякове, выпускниках Строгановского художественного училища, ныне членах Союза художников России. Содержательная часть журнала стала заботой Е.С. Зотовой, уже занимавшейся выпуском упомянутого мною альманаха ЦОН, и вот сия забота не покидает ее до сих пор. У первого, да и многих последующих номеров, был прекрасный авторский состав, каким он остается и сейчас.

Первый номер журнала вышел в начале 1999 г. Средства на его издание были предоставлены по инициативе И.В. Галеева выпускниками экономического факультета. Журнал предполагалось издавать по 6 номеров в год, 2 п. л. каждый номер.

Проблема финансирования решалась через привлечение институциональных спонсоров, становившихся при этом официальными учредителями журнала. Однако выходило и так, что журнал в какие-то моменты оказывался, по независящим от него причинам, без финансовой поддержки спонсора. Тогда вступал в действие принцип “ученого товарищества”, по которому тот или иной номер выпускался в разных местах с помощью, прежде всего, членов Философско-экономического ученого собрания, причем это происходило не только в разных городах Российской Федерации, таких как Ростов-на-Дону, Волжский, Екатеринбург, но и за рубежом, в частности на Украине. Так что журнал наш — детище мало что общественное, так еще и международное, да не только по обширному и авторитетному составу авторов, но и по прямому экстренному участию его радателей в физических появлениях журнала на свет. Приходилось иной раз выпускать журнал и на личные средства первоначальных его создателей, как и вдруг извне появляющихся в нужный момент персональных спонсоров.

А вот кто никогда не участвовал ни в материальной, ни в моральной, ни в концептуальной поддержке журнала, как и не участвует до сих пор, так это родной факультет с родным университетом. Парадокс? Едва ли! Да, “гол, как сокол” наш журнал, зато, как сокол, свободен! Существует сам по себе, но не для себя, а для тех, кто, зная толк в науке и в других задогматизированных знаниях, стремится за пределы замерших догматов на внедогматический простор с его неизбежным свободомыслием, разумеется, в контурах и в продолжение высокой гуманитарной культуры.

Журнал не ограничивается собственно философско-хозяйственной тематикой, хоть она сама и отличается междисциплинарностью и универсальностью, он открыт для всех наук и течений мысли, разумеется, светских, с уважением относясь к авторскому мнению, ничего авторам не навязывая, в редких случаях лишь предотвращая излишества этического и гражданского порядка.

С середины 2000-х гг. журнал входит в перечень приоритетных периодических изданий ВАК, а в случае набора необходимых

цифровых показателей, вроде импакт-фактора, входит список МГУ, а также рекомендован Ученым советом экономического факультета для публикаций, учитываемых при защите кандидатских и докторских диссертаций.

Ничего тут не поделывать, в приоритете ныне не содержание, а формальные показатели, которые, кстати, неплохо и делаются предприимчивыми издателями, популярных-де журналов. Пиар тут умелый, пиар и ничего более!

Так или иначе, но мы отмечаем четверть века плодотворного бытия нашего журнала. Разве это не значимый факт?! Худо-бедно, но по отзывам знающих людей наш журнал — один из лучших в стране российских гуманитарных журналов. Тоже ведь факт, да еще какой! Не посыпать же нам голову пеплом от того, что кому-то наш журнал не нравится, а кому-то он просто поперек горла. Да и сама философия хозяйства ведь тоже в том же для кого-то и по чьему-то мнению незавидном, а для кого-то — это о нас с вами — и во вполне себе завидном положении.

В заключение хочу выразить искреннюю признательность всем, кто причастен к журналу как автор или его непосредственный создатель, а из создателей прежде всего И.В. Галееву, стоявшему, как я уже заметил, у истоков журнала, к.э.н. Е.С. Зотовой, первому заместителю главного редактора, через деловую хватку, редакторское перо и ученый когнитив которой прошли и проходят все журнальные тексты вкупе с их авторами от первого номера до последнего, 152-го, бывшему редактору журнала Т.Г. Трубициной, выпускнице экономического факультета и бывшему научному сотруднику лаборатории, также нашей бывшей сотруднице, к.с.-х.н. С.С. Нипе, тогда и сейчас компьютерной ваятельнице журнала, нынешним спешницам журнала, сотрудницам лаборатории Т.С. Сухиной (выпускнице геологического факультета МГУ), к.э.н. Н.П. Недзвецкой, к.э.н. О.Б. Лемешонок (выпускницам экономического факультета МГУ).

Хотелось бы также выразить признательность постоянным рецензентам журнала, чьи высокопрофессиональные отзывы особенно ценны для редакции журнала — д.ф.н. Ф.И. Гиренку, д.ф.н. Н.Б. Шулевскому, д.э.н. В.М. Кулькову, д.э.н. К.А. Хубиеву, к.и.н. И.П. Смирнову, к.ф.н. С.С. Мерзлякову (ответственному за сайт журнала).

Особая признательность за помощь д.э.н. К.А. Зимарину, выпускнику экономического факультета МГУ, а также давнишнему почитателю, автору и актуальному покровителю журнала А.А. Козлачкову, выпускнику юридического факультета МГУ.

Всем, всем, всем подвижникам журнала слава, слава и еще раз слава!»

Появление на изломе эпох журнала «Философия хозяйства» — явление ожидаемое и закономерное, подчеркнул д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ). «В начале 1990-х гг. стали очевидными ущербность и антинаучность марксистской идеологии, надежды на рыночный либерализм за короткое, по историческим меркам, время показали свою разрушительную силу. Возник тупик — неодолимая преграда, выбраться из которой можно было только с помощью беспрецедентного духовного роста: если уперся в стену — перешагни. Появилась необходимость объединения и философского осмысления всех успешных методов хозяйствования, когда-либо имевших место в истории человечества. Журнал стал площадкой для обсуждения идей самых разных научных школ и общественных дисциплин.

В доброжелательной, товарищеской обстановке обсуждались концепции и практические предложения, научные статьи и монографии авторов с порой диаметрально противоположными точками зрения на происходящие события. И это дало удивительный результат: появилась научная школа, предложившая не только оригинальные теоретические воззрения, но и практические предложения, ценность которых подтвердили происходящие в мире события».

Возникший как рупор свободы разума и творческого поиска, журнал смог поднять на пьедестал патриотическую идею общественно-ведческой мысли. Стал разумом свободы, отвергающим слепое преклонение перед западной наукой и идеологией, унижающими человека, его веру и его ценности, подытожил профессор Шевченко.

Журнал «Философия хозяйства» — выдающееся, исключительное явление общественной жизни России — и не только России, сказал д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ). Большое, как известно, видится на расстоянии, и всесторонняя оценка вклада журнала в общественно-ведческую мысль еще впереди. Но уже сейчас можно констатировать: журнал знают, читают не только ученые, но и практики. Не всегда ссылаются на журнал, на

авторов, но не это главное, важно, что этот поток гуманитарной мысли, отражающий новую реальность, работает на человека, на Россию. Идеи, изложенные на страницах журнала, не только прогнозируют будущее, но и раскрывают настоящее. Ведь философия хозяйства — это не экономика и не философия: философия хозяйства не изучает законы, ее интерес — реальность и человек в этой реальности — как самая большая тайна и неизвестность.

М.М. Гузев поздравил вдохновителя, организатора и бесшумного руководителя журнала Ю.М. Осипова, научного редактора Е.С. Зотову и весь коллектив журнала с 25-м юбилеем и поблагодарил за этот — без преувеличения — гражданский и научный подвиг.

В своем выступлении д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) обратил внимание на открытость журнала «Философия хозяйства» для различных научных точек зрения. Он отметил роль Е.С. Зотовой в поиске новых авторов для журнала. Рассуждая о новом формирующемся взгляде на человека, профессор Гиренок сделал акцент на асоциальной природе человека, обусловленной его способностью быть причиной реальности объектов своих грез. Каждый человек извлекает себя из своих галлюцинаций. Общество состоит из условностей, сторожами которых являются язык и силовое давление общества на человека, заметил Ф.И. Гиренок.

Последние несколько десятков лет, отметил к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск), характеризовались редким диссонансом и противоречиями в оценках состояния и эволюции как гуманитарной науки в целом, так и ее важнейших конституирующих базовых составляющих: философии и экономической науки.

Казалось бы, что накопленного научного знания в этих областях более чем достаточно для исследования и понимания самых противоречивых, кризисных и даже эпохальных трансформационных процессов. Но нет — чего только мыслимого и немислимого не было сказано и написано в данном контексте. Хотя, конечно, мысль и науки — живые развивающиеся организмы, и это вполне естественный процесс. Однако все же не в полной мере обычным делает его дилемма смешивания и перемешивания наук, знаний, хитросплетений мысли. И, конечно, главное — во взаимосвязи объектив-

ного и субъективного, материалистичного и идеального начал, науки и богословия и т. д. и т. п.

И вот 25 лет назад у нас наконец появился и стал на крыло уникальный журнал «Философия хозяйства», который профессионально, деликатно, тактично, во многом-таки ответив на данный методологический вызов, решил эту проблему через многообразный проблемный синтез всех течений и проявлений просвещенной мысли. Конечно, изучение процессов явления и эволюции журнала ожидает еще своих исследователей. Но фактом, безусловно, уже сегодня является то, что журнал не только состоялся как плодотворный лидер, но и то, что его перспективному лидерству в обозримой перспективе никто не помешает.

Именно поэтому мы искренне поздравляем отцов-основателей и всех участников, соавторов возникновения и становления журнала с этим замечательным событием!

В своем выступлении д.э.н., профессор СПбГЭУ **С.Г. Ковалев** констатировал важность поставленной на заседании проблемы в двух ее аспектах. «Во-первых, осмысление реальной хозяйственной действительности имманентно включает в себя выделение единого онтологического основания — воспроизводственной деятельности общества в природной среде и многообразия гносеологических и аксиологических подходов ее осмысления, формирования массива знаний о хозяйственном бытии. Многомерность знания порождает их предметное разнообразие: а) смысловую хозяйственную интерпретацию дает философия хозяйства; б) научное познание, отвечающее критериям научности применяемых методов, логике выработки, обоснования, формализации теоретического знания, порождает два его вида: фундаментальное (теория хозяйства как теория хозяйственных систем, теория экономики как политическая экономия в ее различных версиях, история экономической мысли) и прикладное (отраслевые, функциональные, страноведческие экономические науки). А также предполагает проверку нового знания по критериям смысловой и научной истинности и практической хозяйственной эффективности, в том числе и по линии здравого смысла. В единую цепь социального бытия входят и общественное признание знаний, их тиражирование и популяризация, доведение их до потенциальных потребителей и просто любознательных людей раз-

личными способами, в том числе и путем издания научных журналов.

Во-вторых, научное знание, отражаемое в публичных изданиях, налагает определенные требования к ним. Идеальное издание журнального типа — это: а) наличие у издания концептуального мировоззрения, научного “лика”, терпимость в отношении авторского свободомыслия; б) актуальность, фундаментальность, междисциплинарность, тематичность, полемичность, оригинальность, свежесть публикуемых статей и материалов, нацеленность на поиск и новизну; в) продуманная структура макета, смысловое и качественное изобразительное оформление текста, обложек, солидный объем, массовый тираж: бумажный и электронный; г) свежесть публикуемых статей в отражении действительности, поиск не мифологических, а глубинных смыслов, научного вклада, не погоня за рейтинговостью (международной и национальной), а долговременное выстраивание научного признания, в том числе и за счет вхождения в Elibrary, РИНЦ, список ВАК. В этом плане Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ — само совершенство. Пожелаем редакционной коллегии, маркетологам, оформителям, издателю продолжать данное трудное, но очень нужное дело, авторам — творческих откровений, читателям — интеллектуального совершенствования от общения с журналом. Отдельная признательность и похвальное слово главному редактору Ю.М. Осипову и первому заместителю главного редактора Е.С. Зотовой за двадцатипятилетнюю подвижническую работу на странственно-сущностный мир философии хозяйства».

В выступлении д.э.н., профессора **В.В. Чекмарева** (г. Кострома) были представлены два тезиса. «Первое — реальность сегодня характеризуется глобальной структурой трансформации мирохозяйственных укладов. Этот тезис является причиной определения для России трендов новых исторических перспектив хозяйственного развития. Одним из таких трендов можно считать тренд формирования новой социальности развития. Под социальностью развития при этом понимается отход от понятия “экономический рост” как целевой ориентир государства и замена его на цель экономического развития, где достижение суверенитета страны означает не просто технологическую ресурсную независимость, а раскрытие возмож-

ности реализации потенциала каждого гражданина государства стать свободной личностью, личностью с верой в будущее.

Теоретической базой постановки и достижения этой цели становится проектно-социальный подход (переход от цифромерности к человекомерности экономики), сформулированной философией хозяйства, прошедшей свое становление в том числе на страницах полутора сотен книжек журнала «Философия хозяйства».

Второе — мировоззренческая революция ставит в основу концептуального понимания суверенитета государства не его технологическое лидерство, а новый образ образования в XXI в. В этом залог новой социальности развития (В.И. Вернадский не просто писал о ноосфере, а о живом времени (биовремени)).

Искренне поздравив журнал «Философия хозяйства» с четверть вековым юбилеем, к.и.н., доцент **С.Б. Павлов** (МВТУ имени Н.Э. Бумана) заметил, что он мог возникнуть только в МГУ имени М.В. Ломоносова, поскольку наш университет наделен достоинством и не гоняется за рейтингами и прочими формальными дутыми показателями. Спокойное осознание собственного качества позволяет университету иметь свою философию хозяйства как свой образ мысли и свой журнал, не обращающий внимания на конъюнктуру и «тренды». В этом журнале коллеги совершенно свободно излагают свои идеи и результаты исследований.

В век узких специализаций, когда по известным законам Мерфи «знают все больше и больше о все меньшем и меньшем до тех пор, пока не будут знать абсолютно все абсолютно ни о чем», междисциплинарность «Философии хозяйства», наоборот, соединяет знания для видения целого. В журнале объединены все главные гуманитарные направления, причем не только в исполнении ученых-гуманитариев, но и естественников. Междисциплинарность журнала представляет научную истину многими сторонами, как бриллиант хорошей огранкой демонстрирует чистоту воды алмаза. Этого нет нигде. Поэтому правильно было сказано здесь кем-то из коллег: все сойдет как пена, а «Философия хозяйства» останется.

Журнал с легкостью дает нам дефицитную возможность руководствоваться исключительно научным и творческим интересом — низкий ему за это поклон. Зная свою патриотическую правоту, «Философия хозяйства» спокойно смотрит на противостоящие точки зрения и вполне может опубликовать тексты такого рода, но

патриотизм, научность, вольный дух творчества, а при этом чуждость любой конъюнктуре и формализму, присущие журналу, привлекают к нему как раз близких по духу авторов, бескорыстно служащих науке. Из этого получается то, что Ю.М. Осипов назвал «сомыслием», и это самая дорогая форма единства из всех возможных в обществе.

Мы все любим «Философию хозяйства» за эти уникальные свойства, за безупречное качество интереснейших текстов и за их безупречную предпочтательную подготовку, а в особенности за поддержание своей позицией духовных ценностей, которые нас объединяют, заключил С.Б. Павлов.

«На первый взгляд, 25 лет — это не такой уж и большой срок, но совпадение: впервые я начал изучать философию как раз в 1999 г., — сказал к.ф.н., доцент **А.А. Тарасов** (Поволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород). — И субъективно это воспринимается как очень длинный и извилистый путь. Поэтому журнал заслуживает уважения и поздравления! Самое главное, чем в положительную сторону отличается журнал “Философия хозяйства”, — это то, что он “живой”. Не в том банальном смысле, что он просто существует. Хотя и это уже достижение в непростое для академической, философской и интеллектуальной среды время — время перемен. А в том смысле, что он является частью жизни, он чувствителен к реальной жизни. Мой учитель, профессор В.А. Кутырев, многолетний автор журнала, так прямо и говорил, что “Философия хозяйства” на сегодняшний день — самый интересный гуманитарный журнал. Существует много других журналов, но читать их, как правило, невозможно. Из-за их “птичьего” языка, мелкотемья, аутизма в отношении к реальной жизни и ее заботам и тревогам, иногда, конечно, и радостям, — иначе это не было бы жизнью».

«Одним из главных устремлений новой России была свобода слова, — заметил д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва). — В экономической научной периодической печати эта свобода от цензуры вот уже 25 лет реально существует в журнале “Философия хозяйства”, в чем я многократно убеждался на собственном опыте. Все эти 25 лет журнал, пренебрегая конъюнктурой, преодолевая господство либеральной научной среды, поддерживаемой прозападными фондами и грантами, обеспечивал свободу самовыраже-

ния бескорыстных ученых. Нам неведомо, как наше слово отзовется, но, чтобы оно отозвалось, его надо сохранять. За этот подвиг служения Истине низкий поклон от всех нас, авторов, уже ушедших и еще живущих, слово которых живет благодаря журналу!»

«Хорошо, что дискуссия прошла по широкой гуманитарной дороге, — сказал в заключение **Ю.М. Осипов**, — не заиклившись на самом по себе журнале, что сделало наше юбилейное заседание содержательно привлекательным и для каждого участника чрезвычайно полезным.

Да, бывает время разбрасывать камни, бывает время собирать камни, а есть торжественный момент совместного любования со-обща созданным. Сегодня у нас именно такой момент. Есть он, наш журнал, есть, еще и побудет!»

АНОНСЫ — 2024

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ-ПРЕЗЕНТАЦИЯ

«Россия в актуальном времени»

Презентация трехтомной книги Ю.М. Осипова «Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый».

04 июня 2024 г.

(МГУ, экономический факультет)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

**«Актуальное бытие российское:
как есть и камо грядеши?»**

Как живет-может Россия и Тамбовщине? Да не просто хорошо или плохо, а то и кое-как, а содержательно-функционально: хозяйственно, экономически, социально, народонаселенчески, трудово-творчески, гуманитарно — в общем, экзистентно-стратегически, на сегодня и на перспективу? Почему обо всем этом нам не поговорить: по-ученому, по-граждански, по-человечески, почему не обменяться мнениями, не выверить меж собой свои представления о текущем и немало ускользающем от пристального внимания, а то и не поделить-ся свежими изысканиями вкуче с добытой научной же новизной?!

Июль 2024 г.

(МГУ, экономический факультет совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

Всероссийский научный симпозиум

«Цифра против слова, число против мысли, информация против смысла: что на выходе?»

Хоть уже и набила на языке типун сия сакраментальная тема, а говорить обо всем этаким надо, в особенности нам — остаточным гуманитариям, да не с целью кого-то там в чем-то своем убедить (исключено!), мало того, еще и спасти гуманитарность, которая уже в отмене, нет, вовсе нет, а всего лишь, чтоб не стать в своих же глазах вахлаками, а ведь это цель, не так ли?!

Сентябрь—октябрь 2024 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Мир на переломе: геополитика, экономика, техногенез»

Секции:

Секция 1. Россия в мире и мир в России: реалии и ожидания.

Секция 2. Экономика под эсхатопеременами.

Секция 3. Человечество под натиском технотейросети.

5 — 7 декабря 2024 г.

(экономический факультет МГУ, смешанный формат)

5 декабря, 15.00—18.00 — пленарное заседание «Мир в движении: тяжкая поступь восставшей апокалиптики» (смешанный формат).

6 декабря, 15.00—19.00 — работа секций (онлайн-формат).

7 декабря, 13.00—16.00 — панельная дискуссия на тему: «*Мир — война, или Человек в схватке с самим собою: мотивы, алгоритмы, исходы*» (смешанный формат).

Ежегодное собрание Академии философии хозяйства

Отчет за 2024 г. и перспективы на 2025 г. Доклад президента Академии и прения.

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник, кафедра мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvmk@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

РАЙЛЯН ВЕРОНИКА АНДРЕЕВНА,

студентка, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве, Москва, Россия (*nika2003@yandex.ru*).

ГАВРИЛОВА ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики для естественных и гуманитарных факультетов, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*lera.gavrilova@mail.ru*).

ВЛАСКИН ПАВЕЛ ГЕННАДЬЕВИЧ,

эксперт, ПАО Сбербанк, Москва, Россия (*pavelvlaskin1@gmail.com*).

БАЗАЕВА МАРИАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА,

аспирантка, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*bazaeva_mariana@mail.ru*).

ДАНИЛОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*danilov.dmitriy.ev@yandex.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ЕГОРОВ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России (Псковский филиал), Псков, Россия (*de-888@ya.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

ШТАЙН (БРАТИНА) ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия (*shtaynshtayn@gmail.com*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Приволжский филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Нижний Новгород; старший научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

КУКОНКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Приволжский филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Нижний Новгород, Россия (*kukonkov_pavel@rambler.ru*).

РОСТОВЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА,

доктор социологических наук, доцент, профессор, Тульский филиал, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Тула, Россия (*rostovtsevali@mail.ru*).

ЩЕРБАКОВА ВЕРА ПЕТРОВНА,

кандидат социологических наук, доцент, Тульский филиал, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Тула, Россия (*rostovtsevali@mail.ru*).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент, Национальный исследовательский технологический университет МИСиС; старший преподаватель, Московский государственный строительный университет, Москва, Россия *merzlyakovss@mail.ru*).

АФОНИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат политических наук, доцент, кафедра государственных закупок, менеджмента и государственного управления, Государственный университет Просвещения, Мытищи, Россия (*cyclon777@mail.ru*).

ШОЛОТОНОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, Государственный университет просвещения, Мытищи, Россия (*sholotonov_max@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).
Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEKSEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Chair World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

KULKOV VIKTOR MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

ALPIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Chair Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

RAILYAN VERONIKA ANDREEVNA,

student, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*nika2003@yandex.ru*).

GAVRILOVA VALERIYA EVGEN'EVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics for Natural Sciences and Humanities, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*lera.gavrilova@mail.ru*).

VLASKIN PAVEL GENNADIEVICH,

Expert, Sberbank PJSC, Moscow, Russia (*pavelvlaskin1@gmail.com*).

BAZAEVA MARIANA VYACHESLAVOVNA,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*bazaeva_mariana@mail.ru*).

DANILOV DMITRII EVGENYEVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*danilov.dmitriy.ev@yandex.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

EGOROV DMITRY GENNADIEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, University of the FPS of Russia (Pskov branch), Pskov, Russia (*de-888@ya.ru*).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

SHTAYN OKSANA ALEKSANDROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (*shtaynshtayn@gmail.com*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Volga branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

KUKONKOV PAVEL IVANOVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Volga branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (*kukonkov_pavel@rambler.ru*).

ROSTOVTSEVA LYUDMILA IVANOVNA,

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Tula branch), Tula, Russia (*rostovtsevali@mail.ru*).

SHCHERBAKOVA VERA PETROVNA,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Tula branch), Tula, Russia (*rostovtsevali@mail.ru*).

MERZLYAKOV SERGEY SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*merzlyakovss@mail.ru*).

AFONIN ALEXEY IGOREVICH,

Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Public Procurement, Management and Public Administration, State University of Education, Mytishchi, Russia (*cyclon777@mail.ru*).

SHOLOTONOV MAXIM ALEXANDROVICH,

Graduate Student, State University of Education, Mytishchi, Russia (*sholotonov_max@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophy, Candidate of Economics, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

ROSTOVA NATAL'YA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — номера-

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.

